

ISSN 2658-5294

Фольклор

структура, типология, семиотика

Научный журнал

Основан в 2018 г.

Folklore

Structure, Typology, Semiotics

Academic Journal

Founded in 2018

Том 7

№ 1

2024

Folklore: Structure, Typology, Semiotics

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year. ISSN 2658-5294

Founder and Publisher – Russian State University
for the Humanities (RSUH)

“Folklore: structure, typology, semiotics” is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.4. Folklore Studies (Philology Sciences)

The mission of our journal is to assist the discussion of issues of contemporary theoretical folklore studies, in which Russian academia has traditionally been quite successful. The journal is aimed at studying folklore as a base form of sociocultural communication, which is closely related to, on one hand, understanding the processes of ethnic identification, and, on the other hand, the problems of the cognitive sciences which dwell upon the mechanisms of acquiring, processing, preserving and transferring knowledge. Papers published in the journal focus on studying oral traditions and ritual practices, archaic mythology and its contemporary modifications, interdisciplinary studies in these matters.

The journal accepts original submissions by authors from Russia and worldwide, short essays “from the desk”, papers in history of folklore studies (especially concerning the lesser known or unknown episodes of such), essays on world folklore, field and archive materials, reports of academics events, reviews and reports, bibliographies, developments in software and methodology for graduate programs in folklore studies.

“Folklore: structure, typology, semiotics” is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-72806 of 17.05.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel.: +7 495 250 69 31

e-mail: journal_folklore@rggu.ru

Фольклор: структура, типология, семиотика

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год. ISSN 2658-5294

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.4. Фольклористика (Филологические науки)

Миссия журнала – содействовать обсуждению вопросов современной теоретической фольклористики, в которой российская интеллектуальная традиция имеет достаточно сильные позиции. Журнал ориентирован на исследование фольклора как базовой формы социокультурной коммуникации, что тесно связано с пониманием процессов этнической идентификации, с одной стороны, и с проблемами наук когнитивного цикла, занимающихся механизмами получения, обработки, хранения и передачи знания, – с другой. На страницах журнала публикуются материалы, посвященные изучению устных традиций и ритуальных практик, архаической мифологии и ее модификаций в новейшее время, рассмотрению данных проблем в междисциплинарном поле.

Журнал принимает к изданию оригинальные статьи российских и зарубежных авторов, краткие сообщения «с рабочего стола» исследователя, публикации по истории фольклористики (особенно – о ее малоизвестных и неизвестных страницах), очерки о фольклоре народов мира, полевые и архивные материалы, рассказы о событиях научной жизни, рецензии и обзоры, библиографии, разработки программного и методического обеспечения вузовских курсов по данной дисциплине.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72806 от 17.05.2018

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

тел.: +7 495 250 69 31

электронный адрес: journal_folklore@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Florentina Badalanova-Geller, PhD, professor, The Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland; University College London, London, United Kingdom

Olga Belova, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yuri Berezkin, Dr. of Sci. (History), professor, European University at St. Petersburg; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Victoria Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation (*scientific editor*)

Liudmila Ermakova, Dr. of Sci. (Philology), professor emeritus, Kobe City University of Foreign Studies, Kobe, Japan

Carlo Ginzburg, professor, Scuola Normale Superiore, Pisa, Italia

Nikolai Kazansky, Dr. of Sci. (Philology), academician of the RAS, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Olga Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Andrey Moroz, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University; Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yulia Naumova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive editor*)

Viktoriya Novikova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor for English texts*)

Nikita Petrov, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Jonathan Roper, PhD, University of Tartu, Tartu, Estonia

Nadezhda Rychkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Yana Savitskaya, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive editor*)

Boris Uspensky, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University, Moscow, Russian Federation

Hans-Jörg Uther, Dr. of Sci. (Philology), professor, Encyclopedia of Fairy Tales, Göttingen, Germany

Ülo Valk, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Tartu, Tartu, Estonia

Executive editor:

Victoria Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

Главный редактор

С.Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Флорентина Бадаланова-Геллер, доктор философии, профессор, Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии; Университетский Колледж в Лондоне; Лондон, Соединенное Королевство

Ольга Белова, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

Юрий Березкин, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Уло Валк (Ülo Valk), доктор филологических наук, профессор, Тартуский университет, Тарту, Эстония

Карло Гинзбург (Carlo Ginzburg), профессор, Высшая нормальная школа, Пиза, Италия

Людмила Ермакова, доктор филологических наук, заслуженный профессор, Университет иностранных языков города Кобе, Кобе, Япония

Николай Казанский, доктор филологических наук, академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Москва, Российская Федерация

Андрей Мороз, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Юлия Наумова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор*)

Виктория Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор английских текстов*)

Никита Петров, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Джонатан Ронер (Jonathan Roper), доктор философии, Тартуский университет, Тарту, Эстония

Надежда Рычкова, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Яна Савицкая, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор*);

Борис Успенский, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Ганс-Йорг Утер (Hans-Jörg Uther), доктор философии, профессор, Общество Братьев Гримм, Кассель, Германия

Ольга Христофорова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Виктория Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация (*научный редактор*)

Ответственный за выпуск:

Виктория Черванёва, кандидат филологических наук (РГГУ)

Contents

Song Traditions of the 20th Century

<i>Novikova V.B., Tikhonova M.A.</i> Quantitative analysis of chastushka	10
<i>Zakrevskaya E.A.</i> Chastushka on the Internet: between folklore and stylization	37
<i>Petukhova U.A.</i> Collection of songbooks at the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies RSUH: Typological and genre characteristics	68

The Documents of “Naive Literature”

<i>Vorob'ev V.A.</i> GULAG songs and poems in the memoirs of Yu.P. Yakimenko	83
---	----

From History of Science

<i>Petr G. Bogatyrev, Roman O. Jakobson</i> Folklore as a manifestation of collective creation. <i>Publisher M.L. Lurie</i>	108
<i>Lurie M.L.</i> Bogatyrev and Jakobson's article on folklore as a special form of creation: How is that in Russian?	132

Conferences

<i>Petukhova U.A.</i> The Round Table discussion “Song in Russian culture: poetics and historical context”	154
--	-----

Содержание

Песенные традиции XX в.

<i>Новикова В.Б., Тихонова М.А.</i>	
Квантитативный анализ частушек	10
<i>Закревская Е.А.</i>	
Частушка в Интернете: между фольклором и стилизацией	37
<i>Петухова У.А.</i>	
Коллекция песенников в ЦТСФ РГГУ: типологическая и жанровая характеристика	68

Документы «наивной литературы»

<i>Воробьев В.А.</i>	
Песни и стихи ГУЛАГа в воспоминаниях Ю.П. Якименко	83

Из истории науки

<i>Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.</i>	
Фольклор как проявление коллективного творчества. <i>Публикация М.Л. Лурье</i>	108
<i>Лурье М.Л.</i>	
Статья Богатырева и Якобсона о фольклоре как особой форме творчества: как это по-русски?	132

Конференции

<i>Петухова У.А.</i>	
Круглый стол «Песня в русской культуре: поэтика и исторический контекст».....	154

УДК 398.86:004.42

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-10-36

Квантитативный анализ частушек

Виктория Б. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jranchik@gmail.com*

Маргарита А. Тихонова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, margarita.a.tikhonova@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется возможность применения метода кластеризации текстов для анализа фольклорного материала. С помощью программы Stylo анализируются два корпуса частушек из 239 и 645 текстов, собранных в фольклорной экспедиции ЦТСФ РГГУ в 2021–2023 гг. в Бирском районе Республики Башкортостан. В статье описаны принципы кластеризации текстов на графике метода главных компонент, проанализированы коллокации наиболее частотных слов. Показано, что они отличаются от коллокаций с этими же словами в обыденной речи (в сравнении с основным подкорпусом НКРЯ). Использование Stylo показало, что сформированные кластеры отражают наиболее характерную для определенного количества текстов лексико-синтаксическую структуру. Например, сочетания отрицательной частицы «не» с глаголами в частушечной речи преобладают над сочетаниями с именными формами, более характерными для обыденной речи, сочетания «а+я+глагол» и «а+я+местоимение» преобладают над сочетанием «а+я+служебные части речи», сочетания «на + существительное» или «на + прилагательное /местоимение + существительное» преобладают над сочетанием «на + местоимение», сочетание «в + существительное» преобладает над сочетанием «в + местоимение». Выделенные тенденции показывают свою устойчивость и прослеживаются при анализе корпуса как из 239 текстов, так и из 645. Наглядно показано разделение корпуса из 239 текстов на тексты с формами местоимения «я» и с обращениями. Выделены три распространенных варианта построения обращений в частушках:

введение «нереального адресата», описание стереотипной ситуации, вовлечение слушающего.

Ключевые слова: частушка, Stylo, коллокации, частотные списки, обращения

Для цитирования: Новикова В.Б., Тихонова М.А. Квантитативный анализ частушек // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 10–36. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-10-36

Quantitative analysis of chastushka

Victoria B. Novikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, jranchik@gmail.com*

Margarita A. Tikhonova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, margarita.a.tikhonova@mail.ru*

Abstract. The article explores the possibility of applying text clustering methods for the analysis of folklore material. Using the Stylo program, two chastushka corpora of 239 and 645 texts are analyzed. These texts were collected during a folklore expedition by the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies of the Russian State Humanities University in 2021–2023 in the Birskey District of the Republic of Bashkortostan. The article describes the principles of text clustering, based on the graph of the principal component analysis; and the most frequent words collocations analysis. It is shown that these collocations differ from collocations with the same words in everyday speech (compared to the main subcorpus of the Russian National Corpus). The use of Stylo reveals that the formed clusters reflect the most characteristic lexical and syntactic structure for a specific quantity of texts. For example, combinations of the negative particle «не» (not) with verbs in the couplet speech prevail over combinations with nominal forms, which are more typical for everyday speech. Combinations like «а + я + глагол» (and + I + verb) and «а + я + местоимение» (and + I + pronoun) prevail over the combination «а + я + служебные части речи» (and + I + function words), combinations with «на + существительное» (on + noun) or «на + прилагательное / местоимение + существительное» (on + adjective/pronoun + noun) prevail over the combination «на + местоимение» (on + pronoun), and the combination «в + существительное» (in + noun) prevails over the combination «в + местоимение» (in + pronoun). The identified trends demonstrate their stability and are observed in the analysis of both the corpus of 239 texts and the corpus

of 645 texts. The article demonstrates the division of the corpus of 239 texts into texts with the pronoun «я» (I) and those with address forms. Three common variants of constructing address forms in couplets are highlighted: the introduction of an “unreal addressee,” the description of a stereotypical situation, and the involvement of the listener.

Keywords: chastushka, ditty, Stylo, vocative expression, collocations, frequency list

For citation: Novikova, V.B. and Tikhonova, M.A. (2023), “Quantitative analysis of chastushka”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 10–36, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-10-36

Преобладание коммуникативной функции частушки над всеми остальными – характерная черта этого фольклорного жанра. С.Б. Адоньева подчеркивает эту особенность, используя термины «частушечный коммуникативный акт», «частушечная речь» [Адоньева 2004, с. 161–162]. Для анализа частушек она использует инструментарий теории коммуникации, обращая внимание на коммуникативную ситуацию, намерение говорящего, модальность высказывания, его стилистический регистр. Авторы настоящей статьи разделяют ее точку зрения, однако исследуют не качественные параметры, а количественные. Мы считаем допустимым опустить контекст коммуникативной ситуации, так как анализируем корпус частушек, собранных не в живом бытовании, а исполненных в ответ на вопрос собирателя. Применяя методы компьютерной лингвистики, мы пытаемся выявить лексико-синтаксические особенности, характерные для этого фольклорного жанра.

Идея о том, что коммуникативные акты строятся по определенным моделям и число их ограничено и исчислимо, для лингвистики не нова. Особенно плодотворно она развивалась во второй половине XX в., породив множество различных типологий, основывающихся на морфологических, синтаксических, семантических параметрах. В их числе, например, теория речевых актов Джона Сёрля [Сёрль 1986], теория «Смысл ⇔ Текст» А.К. Жолковского и И.А. Мельчука [Жолковский, Мельчук 1965; Мельчук 1967], теория семантических примитивов Анны Вежицкой [Вежицкая 1999]. Еще в первой трети XX в. была опубликована работа В.Я. Проппа, посвященная морфологии волшебной сказки [Пропп 1928]. Во второй половине XX в. было выпущено еще два фундаментальных труда – работа Г.Л. Пермякова [Пермяков 1970] по систематике малых фольклорных жанров и «Типы народных сказаний» Б.П. Кербелите [Кербелите 2001], создавшей структурно-семантическую матрицу литовского повествовательного фольклора.

Материал и метод

В качестве пилотного корпуса мы выбрали 239 русских частушек, собранных в фольклорной экспедиции ЦТСФ РГГУ в 2022 г. в Республике Башкортостан. Корпус включает в себя около 3200 слов, при этом средняя длина каждого текста составляет 10–15 слов. Часть из них извлечена из глубинных интервью, часть записана в ходе уличных опросов. Яркой локальной специфики – диалектных, жанровых особенностей – тексты не имеют, что для нашего исследования является преимуществом, так как его результаты могут быть экстраполированы на другие корпуса.

Обработка текстов производилась программными средствами. В качестве инструмента для анализа мы выбрали программный пакет Stylo для языка программирования R [Eder and al. 2016]. Stylo активно применяется в стилиметрии для установления авторства текстов. Он позволяет работать с большими корпусами текстов, представлять результаты в виде наглядных графиков, при этом знание программирования необязательно. Мы пользовались основной функцией библиотеки «*stylo()*». Она создает список наиболее частотных слов (MFW – most frequent words) для всего корпуса, на основе которого строится первоначальная матрица стилистической близости всех текстов корпуса: каждая ячейка содержит рассчитанную относительную частоту слов в каждом соответствующем тексте.

Далее функция нормализует повторения, выбирая слова из желаемого диапазона частот для анализа, и создает итоговый список слов для фактического анализа, который преобразуется в данные для кластерного анализа, многомерного шкалирования и анализа главных компонент. В результате можно получить наглядное представление расстояний между текстами в виде графика.

Мы выбрали метод главных компонент (PCA – principal component analysis), так как именно он позволяет визуализировать набор данных с большим количеством переменных (в нашем случае это наиболее частотные слова в каждом отдельном тексте), при этом потери значимой информации минимальны. Доверие к методу также было продиктовано тем, что, во-первых, он уже применялся для анализа корпусов на русском языке, во-вторых, использовался при анализе фольклорных текстов. Среди авторитетных примеров можно назвать работу А.В. Козьмина [Козьмин 2009] по статистическому анализу сказочных указателей. Он обнаружил, что по количеству сюжетов одной группы (волшебные сказки, сказки о животных, глупцах и т. д.) можно предсказать количество сюжетов другой, при этом формулы, описывающие эту корреляцию, универсальны для разных традиций, а также выяснил, что

длина сказочного фрагмента напрямую коррелирует с его семантической нагрузкой – наиболее важное излагается дольше. Метод главных компонент использовался и Ю.Е. Березкиным [Березкин 2021] при исследовании корреляции распространения мотивов с использованием аналитического каталога мотивов мирового фольклора с основными маршрутами ранних миграций.

Работа с корпусом 2022 г.

Наше экспериментальное исследование мы начали с анализа 239 текстов. Нам казалось, что характерные для них синтаксические структуры будут более очевидны при сохранении исходных форм слов и словосочетаний. Полученные результаты уже были частично опубликованы нами [Новикова, Тихонова 2022], в этой статье мы попытаемся добавить к имеющимся выводам новые, а также верифицировать результаты исследования, применив ту же методику анализа к более крупному корпусу.

Как мы уже упоминали, в качестве метода анализа мы выбрали метод главных компонент (PCA (cov.))¹ – анализ главных компонент с использованием ковариационной матрицы, `analysis.type = "PCV"`). Далее на основании полученного графика были выделены кластеры и проведен их анализ.

На рис. 1 представлен график, полученный после загрузки корпуса в Stylo. Расположение обозначенных номерами текстов относительно друг друга отражает степень их стилистической близости: чем ближе тексты, тем больше слов из их частотных списков совпадает. В верхней половине графика четко визуализируются 4 «точки притяжения», вокруг которых образовались наиболее крупные и плотные кластеры. Два из них, обозначенные нами как

¹ PCA – метод понижения размерности признакового пространства с минимальной потерей данных (см.: *Shlens J. A tutorial on principal component analysis.* URL: <http://www.brainmapping.org/NITP/PNA/Readings/pca.pdf> [дата обращения 29 марта 2023]). В качестве входных данных в Stylo используется список наиболее частотных слов, из которого рассчитывается ковариационная матрица. Из нее выражаются собственные векторы, показывающие параметры схожести текстов в порядке убывания их важности. Ортогональные векторы используются для нахождения евклидова расстояния между текстами с помощью проекции текстов друг на друга для вычисления евклидова расстояния между ними. Такая проекция – это число, показывающее расстояние между парами текстов с наименьшей дисперсией. Далее по вычисленным расстояниям строится граф (тексты – вершины графа, ребра – их схожесть).

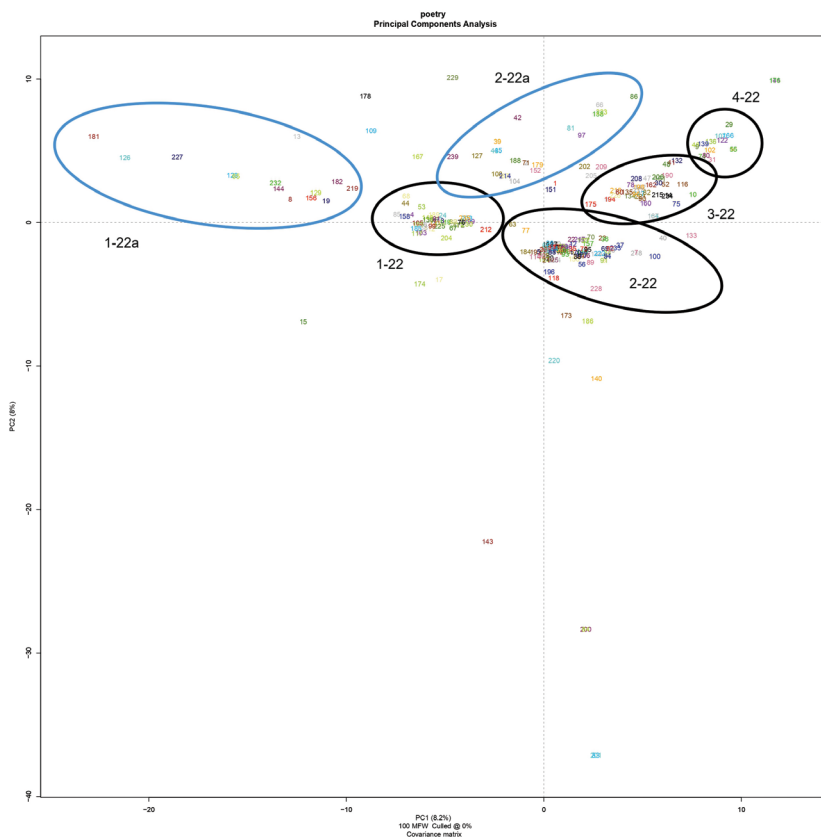

Рис. 1. Визуализация корпуса 2022 г. методом главных компонент

3-22 и 4-22, находятся в правой верхней четверти координатной плоскости, кластер 2-22 – в левой нижней, кластер 1-22 – на границе верхней и нижней левых четвертей. Также в левой верхней четверти и частично в правой верхней визуализируются две разнонаправленные оси, вокруг которых сгруппировались тексты, составляющие разреженные кластеры 1-22a и 2-22a (на графике они обведены синими овалами). Кроме этого, хорошо заметны тексты, находящиеся на периферии графика и не вошедшие ни в один из сформированных кластеров. Частотные списки этих текстов имеют наименьшее количество общих слов по сравнению с теми текстами, которые Stylo расположил близко друг к другу.

Поскольку график построен в результате многомерного математического расчета взаимного влияния частотности каждого

слова, необходимо интерпретировать результаты визуализации, опираясь на сами тексты и их частотные списки. Поэтому при анализе графика мы сравнивали интересующие нас тексты вручную.

В первую очередь мы решили рассмотреть периферийные тексты № 83, 84, 143, 200, 201. На фоне остальных они выделяются тем, что находятся максимально далеко от сформированных кластеров, однако довольно близко по отношению друг к другу. Как видно из табл. 1, их объединяет одинаковый зачин «Всё бы пела, всё бы пела», а также уникальный для этого корпуса набор частотных слов, среди которых очевидно преобладают наречие «всё» (19 словоупотреблений на 22 уникальных слова), частица «бы» (19 словоупотреблений) и глагол «пела» (10 словоупотреблений). Интересно, что среди самых частотных слов корпуса и кластеров (табл. 6) указанные лексемы не встречаются совсем.

Таблица 1

Частушки, наложившиеся
в нижней половине графика метода главных компонент

№ 143	№ 83	№ 201	№ 84	№ 200
Всё бы пела, всё бы пела, Кабы голос позволял, Всё бы времечко ревела, Кабы мил не унимал.	Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася, Всё бы под низом лежала, Всё бы шевелилася.	Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася. Всё бы под низом лежала, Всё бы шевелилася.	Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася, Но одно меня стубило: Молода влюбилася.	Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася. Но одно меня стубило, Молода влюбилася.

Следующей закономерностью, которую мы решили рассмотреть, стали случаи наложения. Среди группы периферийных текстов, о которых речь шла выше, нам встретилось 2 таких случая: наложившиеся тексты совпали дословно. Другие случаи наложения в верхней половине графика (табл. 2) также выявили тексты, либо полностью совпадающие (№ 164, 187), либо различающиеся одним-двумя словами: *такого* (№ 2) – *плохого* (№ 71); *повалил* (№ 16) – *положи* (№ 55); *маманя /мимо окон* (№ 87) – *мамаша /мим окошка* (№ 214); *разбила* (№ 141) – *отбила* (№ 176).

Таблица 2

Частушки, наложившиеся в верхней половине графика
метода главных компонент

№ 2 Я, бывало, всем давала Сидя на скамеечке. Не подумайте такого, Из кармана семечки.	№ 16 Гармонист, гармонист Повалил меня на низ. А я встану, погляжу, Хорошо ли я лежу.	№ 87 Не ругай меня, маманя, Что сметану пролила, Мимо окон шёл Алёшка, Я без памяти была.	№ 141 Дробила я дробиночки, Разбила я ботиночки, И стою любуюся: Во что же я обуюся?	№ 164 Пела я, напелася, Ревела – наревелася. В ключике умылася, Кого люблю – лишилася.
№ 71 Я, бывало, всем давала, Сидя на скамеечке. Не подумайте плохого, Из кармана семечки.	№ 55 Гармонист, гармонист, Положи меня на низ. А я встану, погляжу, Хорошо ли я лежу.	№ 214 Не ругай меня, мамаша, Что сметану пролила. Мим окошка шел Алёшка, Я без памяти была.	№ 176 Дробила я дробиночки, Отбила я ботиночки. И стою, любуюся, Во что же я обуюся.	№ 187 Пела я, напелася, Ревела, наревелася. В ключике умылася, Кого люблю – лишилася.

Также на графике встречаются случаи, когда тексты не накладываются, но при этом располагаются очень близко друг к другу, объединяясь в группу по 2–3 (табл. 3). Несмотря на совсем небольшую разницу в расстоянии на графике, между случаями наложения и подобной группировки наблюдается одно значимое отличие: тексты совпадают уже не дословно, а лишь по одной-двум строчкам: *мне да не по карманчику* (№ 43) – *не по карману мне* (№ 45); *не ругай меня, маманя* (№ 87) – *не ругай меня, мамаша* (№ 108, 214); *я в вас не влюблялся* (№ 138) – *я и не влюблялся* (№ 223); *во мне всё шевелится* (№ 202) – *всё во мне шевелится* (№ 205, 209).

Таблица 3

Частушки, расположенные максимально близко друг к другу
в верхней половине графика метода главных компонент

№ 43 Я пешком хожу По тротуарчику, Жизнь такая мне Да не по карманчику.	№ 87 Не ругай меня, маманя, Что сметану пролила, Мимо окон шёл Алёшка, Я без памяти была.	№ 138 Мил измену предлагает, А я рассмеялася – Голубые ваши глазки, Я в вас не влюблялася.	№ 202 Говорят, что я – старуха, Что-то мне не верится. Ну, какая же я старуха, Во мне всё шевелится.
№ 45 Заплатить врачу Не по карману мне, Знать, останусь я Без зубов совсем.	№ 108 Гармониста я любила, Заругала меня мать. Не ругай меня, мамаша, Развеселый будет зять.	№ 2 23 Мил изменой угрожает, А я рассмеялася. Ну, какая, мил, измена? Я и не влюблялася.	№ 205 Ой, говорят, что я стара, Только мне не верится. Посмотрю я на себя – Да всё во мне шевелится.
	№ 214 Не ругай меня, мамаша, Что сметану пролила. Мим окошка шел Алёшка, Я без памяти была.		№ 209 Говорят, что я стара, Что-то мне не верится. Погляжу я на себя, Всё во мне шевелится.

Анализ текстов, расположившихся на графике близко друг к другу, но не образующих кластеры, показал некоторую противоречивость в работе Stylo: в нескольких случаях тексты, расположенные ближе к другу другу, различались по лексическому составу сильнее, чем тексты, разнесенные программой на более далекое расстояние. Так, например, пары текстов, приведенные в табл. 4, не имеющие ни одной общей фразы, были расположены ближе друг к другу, чем группа текстов № 202, 205, 209, совпадающих практически дословно. Следует отметить, что характерной особенностью

всех перечисленных текстов является то, что они расположены не только близко друг к другу, но и на некотором отдалении от остальных. Большинство из них не входит в выделенные нами кластеры. Это значит, что их лексический состав, а следовательно, и частотные списки достаточно специфичны по сравнению с исследуемым корпусом и кластерами. На этом этапе анализа мы предположили, что для текстов, сгруппированных более тесно (т. е. по кластерам), указанные параметры будут более единообразными.

Таблица 4

Частушки, расположенные близко друг к другу
в верхней половине графика метода главных компонент

№ 1 Меня милый не целует, Говорит: «Потом, потом». Я иду, а он на печке Тренируется с котом.	№ 7 Ох, тещу – грех, И невестку – грех. Я бы папину жену Через это шурану.	№ 65 Не ходи по коридору, Не шурши калошами. Все равно любить не буду, Рожь как у лошади.	№ 129 Вы не каркайте, вороны, Не чирикайте, скворцы. Дайте вымазать ворота И ещё вырвать огурцы.	№ 144 Ты, матанечка моя, Какая не сговорная – Не пустила ночевать, Ночь была холодная.
№ 151 Ты трепач, а я не знала, Ты откудова и чей, А теперь тебя узнала – Ты трепач из трепачей.	№ 218 Насолила я грибочков И капустки два бочка. На зимовку к этим бочкам Мне бы ещё старичка.	№ 128 Не ходите, девки, замуж, Замужем не до того. Не дадут четыре милого, Гляди на одного.	№ 156 Не ходите, девки, замуж, Замужем не с мёдом чай. Народятся голопузы, Только окай да качай.	№ 232 Полюбила гармониста, Не попала за него. Не хватило капитала У папаши моего.

Сопоставлять вошедшие в кластеры тексты вручную, как мы делали это с периферийными текстами, не кажется целесообразным, так как, во-первых, статистически значимые закономерности при таком анализе выявить гораздо сложнее, во-вторых, распо-

ложение текстов на графике указывает на их взаимное влияние и подсказывает исследовательскую логику: необходимо рассматривать тексты по группам, уделяя основное внимание их частотным спискам.

В табл. 5 представлены вершины частотных списков корпуса, четырех основных кластеров (1-22-4-22) и двух разреженных (1-22а-2-22а). Для формирования списков частотных слов и их коллокаций мы использовали программу AntConc, она позволяет посмотреть не только самые частотные слова, но и количество их употреблений.

Таблица 5

Верхушка частотного списка кластеров корпуса 2022 г.

	Корпус	1-22	2-22	3-22	4-22	1-22а	2-22а
Кол-во текстов	239	41	85	36	14	14	21
Кол-во уникальных слов	1405	331	656	288	117	136	166
1	не (121)	не (42)	на (40)	я (37)	я (26)	не (36)	я (28)
2	я (118)	а (13)	а (20)	на (12)	а (7)	вы (4)	не (22)
3	на (80)	меня (12)	в (20)	а (8)	в (6)	у (4)	на (6)
4	а (56)	и (10)	ты (20)	за (8)	его (5)	что (4)	по (6)
5	и (49)	у (8)	и (16)	и (8)	милый (5)	в (4)	и (5)
6	в (45)	да (7)	меня (15)	в (7)	гармонист (4)	жалко (3)	меня (5)
7	меня (45)	на (7)	с (14)	его (7)	жу (4)	замуж (3)	давала (5)
8	у (36)	в (6)	милый (13)	у (7)	на (4)	только (3)	то (4)
9	ты (35)	вы (6)	у (11)	меня (5)	и (3)	девки (2)	что (4)
10	с (32)	милый (5)	по (10)	он (5)	изменил (3)	женись (2)	а (3)

Таблица 6

Наиболее устойчивые коллокации
с самыми частотными словами корпуса 2022 г.

	не (121)	я (118)	на (80)	а (56)	и (49)	в (45)
1	не верит- ся (3)	я любила (6)	на меня (4)	а я (16)	и в (2)	в городе (2)
2	не же- нись (3)	я его (5)	на мель- ницу (3)	а теперь (3)	и вся (2)	в ключике (2)
3	не поду- майте (3)	я на (4)	на низ (3)	а на (3)	и жалко (2)	в лесу (2)
4	не ругай (3)	я свою (4)	на свою (3)	а был (2)	и не (2)	в мазуте (2)
5	не ходите (3)	я, бывало (4)	на скаме- ечке (3)	а где (2)	и нигде (2)	в муку (2)
6	не будет (2)	я ему (3)	на столе (3)	а мой (2)	и никто (2)	в огороде (2)
7	не влюб- лялася (2)	я не (3)	на аэро- дром (2)	а мы (2)	и стою (2)	в пруде (2)
8	не жалко (2)	я с (3)	на берегу (2)	а нам (2)	и так (2)	в санато- рии (2)
9	не знаете (2)	я без (2)	на кой (2)	а он (2)	и я (2)	в армию (1)
10	не могу (2)	я боти- ночки (2)	на ней (2)	а потом (2)	и видела (1)	в брюхо (1)

График корпуса 2022 г. показал, что тексты группируются достаточно плотно в верхней половине графика. Тексты, попавшие в нижнюю половину и расположенные далеко относительно остальных, как мы показали выше, имеют отличающийся от корпуса набор частотных слов. Плотность расположения точек в верхней половине обусловлена тем, что разница в употреблении слов из верхушки частотного списка небольшая: все они употребляются сопоставимое количество раз – от 121 до 32. Такая же ситуация наблюдается и в основных кластерах: частотный список самого крупного и плотного кластера 2-22 содержит слова практически с равной частотой употребления – от 40 до 10 случаев. Остальные кластеры (1-22, 3-22, 4-22) являются менее плотными, потому что разница в количестве употреблений

самого частотного слова и следующих за ним более значительна. Наконец, наибольшая разница между верхним и последующими частотными словами наблюдается в разреженных кластерах 1-22а и 2-22а. Можно предположить, что слова, входящие в частотные списки кластеров, также зависят друг от друга и составляют коллокации, характерные для определенного типа частушек. Примеры, которые мы приведем далее, это доказывают.

Так, отрицательная частица «не» является самым употребительным словом в целом по корпусу, а также в кластерах 1-22, 1-22а, 2-22а. Можно предположить, что именно на этом основании данные кластеры находятся ближе друг к другу относительно остальных и лежат в верхней левой четверти графика. Любопытно, что «не» встречается практически с одинаковой частотностью во всех строках частушек, кроме первой (такой случай встретился всего однажды). Почти всегда за «не» следует глагол или существительное. Эта же тенденция прослеживается по всему корпусу (121 употребление): «не» следует за глаголом в 88%, на остальные 12% выпадают сочетания с именными формами: «не жалко», «не надо», «не стыдно», «не по карману», «не моя пизда», «не до того», «не с медом чай», «не рожь», «не с вашего села». Для сравнения: в Национальном корпусе русского языка на 100 самых частотных случаев совместного употребления «не» с различными частями речи только 68 приходится на «не» с глаголами. Остальные случаи выпадают на сочетания с наречиями (*надо, нужно, очень, менее, совсем, слишком, сразу* и др.), местоимениями (*то, тот, такой, все* и др.), предлогами, категорией состояния (*надо, нужно*), модальными словами (*должен*). Такая высокая распространенность сочетания «не» с глаголами в нашем корпусе могла бы быть объяснена сравнимой частотой этого сочетания в НКРЯ, однако в нем довольно частотны сочетания с частями речи, которые не встречаются в нашем корпусе вообще. Это наводит на мысль о специфических моделях употребления «не» в частушках нашего корпуса и кластеров 1-22, 1-22а, 2-22а.

Кластеры 3-22 и 4-22 располагаются наиболее близко на основании лидирующих позиций в их частотных списках личного местоимения «я» и сочинительного союза «а». При этом, как показывает анализ их словоупотреблений, эти лексемы практически всегда встречаются в текстах рядом, составляя триграммы «а я + глагол», «а я + местоимение». Если обратиться к НКРЯ, то мы увидим, что подобные конструкции имеют гораздо меньший показатель *ipm* (*instances per million words* – количество употреблений на миллион слов), чем сочетания «а я + не», «а я + в», «а я + и» и т. д., практически не встречающиеся в кластерах 3-22 и 4-22. Очевидно, это оказывается особенностью вошедших в них частушек.

Наконец, обращают на себя внимание служебные части речи. Предлог «на» занимает первое место по частотности употребления в кластере 2-22, второе – в 3-22 и третье – в целом по корпусу. Из 80 употреблений по корпусу в 56 случаях он входит в сочетания «на + существительное» (*на столе, на автобусе, на берегу, на чердак*), в 10 – в сочетания «на + прилагательное /местоимение + существительное» (*на худой кобыле, на скорой помощи, на Кольском полуострове, на самом дне*). Эти сочетания в подавляющем большинстве являются обстоятельством места. Остальные случаи употребления выпадают на сочетания «на + местоимение» (7) и «на + числительное» (1) (*на одного*). Сопоставление с основным корпусом НКРЯ показывает, что сочетание «на + местоимение» в текстах на русском языке гораздо более распространено, чем наиболее частотные для нашего корпуса сочетания «на + существительное» или «на + прилагательное /местоимение + существительное».

Нельзя также не упомянуть предлог «в». Он занимает третье место по частотности употребления в кластерах 2-22 и 4-22 и шестое – в кластере 3-22 и по корпусу в целом. Практически все коллокации с «в» включают в себя существительное, в единичных случаях за предлогом следуют прилагательное, местоимение или глагол. Большинство коллокаций (25 из 45 по корпусу) с «в» выполняют в предложении роль обстоятельства места, около трети составляют дополнения (10) и определения (8), 2 раза встречается обстоятельство места. Схожее распределение синтаксических ролей наблюдается и в отдельных кластерах – практически всегда сочетания «в + существительное» являются обстоятельством места. Интересно, что в основном корпусе НКРЯ половина из 10 самых частотных случаев употребления «в» с другими частями речи выпадает на местоимения, существительные стоят на втором месте по частотности (3 из 10 случаев).

«Ручной» анализ самых частотных слов корпуса и отдельных кластеров, а также коллокаций, в которые они входят, подтвердил применимость функционала Stylo для работы с частушками. Построенный график является хорошей отправной точкой для выделения групп текстов и анализа текстов внутри них.

Были сделаны следующие выводы.

1. Есть корреляция между плотностью или разреженностью кластеров и разницей в количестве употреблений самого частотного слова (и слов, следующих за ним): чем больше разница, тем более разреженный кластер.

2. Кластеры, выделенные вручную на графике, основанном на списке частотных слов, не однородны и позволяют наглядно увидеть как схожие тексты, так и отличающиеся. Анализ коллокаций

служебных слов (которые являются наиболее частотными) позволяет выявить устойчивые синтаксические структуры, не совпадающие со структурами обыденной речи и характерные для речи частушечной.

3. Верхушки частотных списков как корпуса, так и основных кластеров в основном составляют разные конфигурации одних и тех же слов (см. табл. 5). Отличающийся набор частотных слов характерен для разреженных кластеров, их частотные списки различаются как между собой, так и в сравнении с частотными списками корпуса и плотных кластеров. По всей видимости, разреженные кластеры стянуты друг к другу на графике частицей «не», но разделены по наличию (2-22а) или отсутствию (1-22а) «я».

4. В каждом кластере есть уникальные слова, которые не встречаются в верхушках частотных списков других кластеров, например: «да», «ты», «за», «его», «жалко», «что» и «давала». Из них только слово «ты» входит в самые частотные слова корпуса (35 употреблений), остальные встречаются в кластерах довольно редко (3–8 употреблений в кластерах).

Особенности обращений в частушках

Рассматривая полученные с помощью программной обработки группы текстов, мы заметили, что выделенные Stylo синтаксические структуры, очевидно, порождают отличия и на уровне семантики. Так, большинство частушек из кластера 4-22 построены как повествования от первого лица, например: *Не ругай меня, мамаша, // Что сметану пролила. // Мим окошка шёл Алёшка, // Я без памяти была* (№ 214). Тем не менее очень схожие частушки-повествования, но без местоимения «я» были отнесены к третьему кластеру: *Мама чаю, мама чаю, // Мама чаю не хочу // Во дворе стоит мальчишка, // Познакомиться хочу* (№ 61).

В обеих приведенных выше частушках есть частица «не», которая не является частотной для кластера 3-22, но ключевая для 1-22. Данный пример хорошо показывает ограничения Stylo – при отсутствии ключевого частотного слова текст не попадает в кластер со схожими по лексике текстами.

Нас удивило, что в частотном списке второго и третьего кластеров «я» не встречается совсем. Более пристальный взгляд на тексты позволил заметить схожесть построения частушечного высказывания на уровне семантики. Многие тексты этих кластеров содержат обращения или выполняют апеллятивную функцию, т. е. подразумевают реакцию слушающего на текст. Важно, что все частушки записаны в ходе глубинных интервью, поэтому ни обра-

щения, ни апеллятивы (как правило, глаголы в повелительном наклонении) не выполняют своей прямой функции. Их функцию скорее можно назвать эмотивной: обращения и апеллятивы позволяют ярко и компактно описать ситуацию, которую легко представить. Такие тексты выстраиваются одним из трех способов:

1. Введение «нереального» адресата. В этом случае, как правило, обращаются к предметам:

Вы потопайте, ботиночки,
Вам больше не плясать.
Выйду замуж – буду плакать,
Вы – на полочке лежать (№ 121).

2. Описание стереотипной ситуации. Обращение позволяет сэкономить языковые средства и емко обрисовать ситуацию, знакомую слушающему. Следующая частушка отлично иллюстрирует потенциал такого способа: в ней не используются обращения, а апеллятивная функция реализуется за счет одного глагола в повелительном наклонении («пой»):

Песни пой, пока поётся,
Выйдешь замуж – не певать.
Попадёт свекровка злая,
Будешь песни забывать (№ 105).

3. Вовлечение слушающего. Использование обращений направлено на сокращение дистанции между адресантом и адресатом высказывания.

Не любите военных,
А любите шоферов.
От военных толку мало,
А шофёр навозит дров (№ 235).

Последний способ реализуется с помощью использования устойчивых обращений: *гармонист, подружка /подружки*. Примечательно, что пол слушающего не имеет значения во время произнесения текста, частушку про подружку исполняли и собирателям мужского пола:

А вы, подружки, друг у дружки
Зачем отбиваете?
Нелегко ведь расставаться,
Разве вы не знаете? (№ 115)

Работа с более крупным корпусом

Для верификации полученных выводов мы расширили корпус, добавив в него полевые материалы, собранные на той же территории в 2021 (272 текста) и 2023 (133 текста) гг. Итоговый корпус составил 645 текстов. На рис. 2 представлен график, полученный после его обработки в Stylo методом PCA. Тексты распределились в 4 плотных кластера и 3 разреженных, на периферии осталось небольшое количество текстов. Примечательно, что практически все периферийные тексты – добавленные: тексты, находившиеся на первом графике на периферии, на графике нового корпуса были включены в состав новых плотных кластеров. Кластеры корпуса из 239 текстов сохранили свои очертания, дополнившись новыми

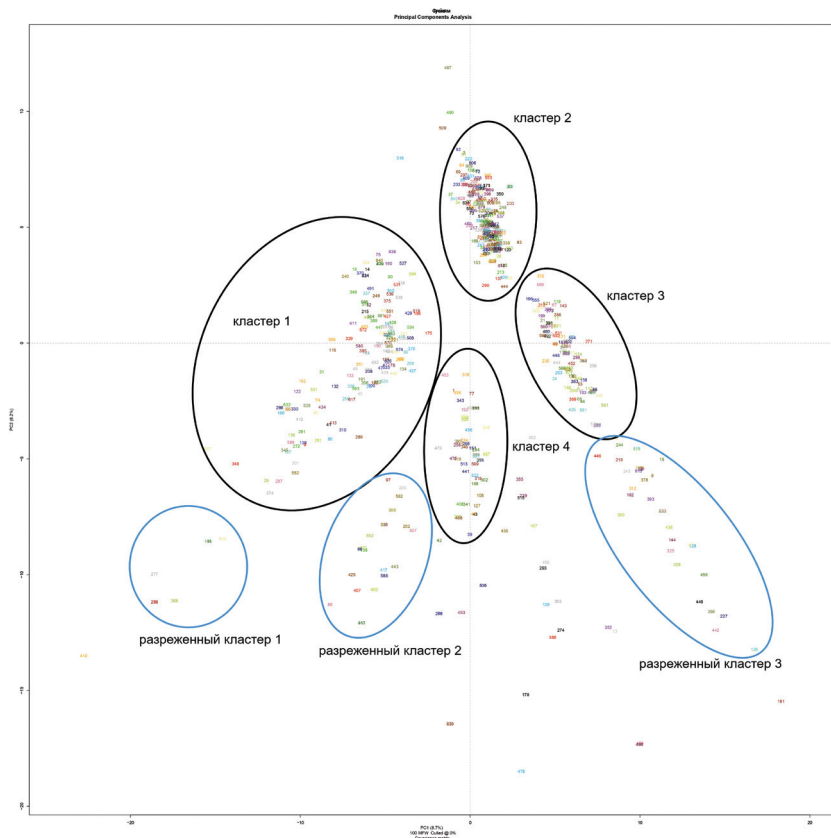

Рис. 2. Визуализация более крупного корпуса частушек методом главных компонент

текстами. Так, самый плотный и объемный кластер 2-22 полностью вошел в состав 2-го кластера нового графика (также самого плотного и крупного), 1-22 вошел в 3-й кластер, 3-22 и 4-22 вошли в 1-й кластер, 4-й кластер включил в себя тексты разреженного кластера 2-22а, 1-й разреженный кластер – тексты разреженного 1-22а.

Для подтверждения неслучайности полученных результатов мы провели анализ методом Bootstrap Consensus Tree (консенсусное дерево, рис. 3), который показывает среднее поведение корпуса для заданного диапазона частот (в нашем случае от 100 до 1000 наиболее частотных слов) и фильтрует локальные помехи [Eder 2017], что подтвердило наблюдения о перераспределении текстов по кластерам.

Для анализа нового корпуса мы применяли уже опробованный алгоритм: вручную рассматривали сначала периферийные тексты, затем случаи наложения, затем различные группы текстов, не вошедших в кластеры, и, наконец, анализировали синтаксические структуры кластеров.

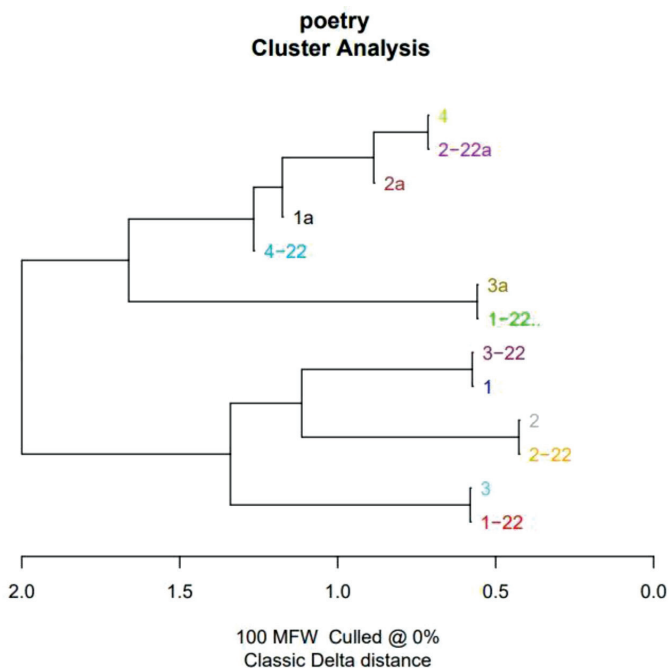

Рис. 3. Дендрограмма кластеров итогового корпуса
(1 – 4, разреженные 1а – 4а) и кластеров 2022 г. (1-22 – 4-22)

В верхней половине графика несложно заметить 4 периферийных текста (табл. 7).

Таблица 7

Периферийные тексты в верхней половине нового графика

№ 319 У меня милёнок есть На все четыре буквки: На Т, на О, на Л, на Я, Милёнок Толя у меня.	№ 487 У меня милёнка есть На четыре буквки: На М, на И, на Ш, на А, Милёнка Миша у меня.	№ 490 Сидит ёжик на берёзе – Белая рубашка, На головке сапожок, На ноге фуражка.	№ 509 Меня милый уговаривал На ю, на ю, на ю. А теперь он уговариват Подруженьку мою.
---	---	---	--

Как видим, 2 из них (№ 319 и 487) совпадают практически дословно и отличаются от остальных текстов корпуса уникальной концовкой – перечислением букв имени. Каждая буква (как и каждое слово) считается за отдельный токен, поэтому они рассматриваются как тексты с четырьмя уникальными токенами (25% текста), которые не встречаются в других текстах корпуса. Этим объясняется их периферийное положение. В тексте № 509 также присутствует многократный повтор отдельной буквы, что делает его уникальным на 16%. Таким образом, основное лексическое ядро частушек довольно однородно, и для дистанцирования отдельного текста вверх от основной массы в нашем корпусе достаточно уникальности в 15–43 %. Уникальность токенов в тексте не является единственным необходимым условием для удаления текста от кластеров – наличие уникального слова (вместо уже встречаемого ранее в корпусе) лишь снижает количество связей с другими текстами. Это важно для анализа текстов, не вошедших в кластер на нижней половине графика (табл. 8). Уникальность текста № 410 там составляет 0%, однако ближайшие к нему совпадающие тексты № 250, 278:

Дура я, да дура я,
Дура из картошки,
Дура, я тебе дала,
Протянула ножки.

содержат многократные повторы «дура», не встречаемые в других текстах корпуса. Уникальность остальных периферийных текстов в нижней половине графика составляет 7–46 %.

Таблица 8

Периферийные тексты в нижней половине нового графика

№ 167 Я давно старуха стала, Да старику давать не стала. Повесила на сучок, Не достанешь, старичок.	№ 178 Не пошла я нынче замуж, Не пошла, не каюсь я. С хорошим мужем наживуся, С пьяницей – намаюся.	№ 181 Не топись, не топись, В огороде баня. Не женись, не женись, Мой милёнок Ваня.	№ 410 Дура я, дура я, Дура я проклятая. У него четыре дуры, А я дура пятая.	№ 355 Я любила, не грубила, Он ведь сам любить не стал. На другого посмотрела – Он опять ко мне пристал.
№ 453 Я не буду из- под дубу Ключевую воду пить. Я не буду из- за милого Скандалы заводить.	№ 455 Ты любовь, ты любовь, Я тебя не знала, Сколько раз ты меня Плакать заставляла.	№ 478 Не глядите на меня, Что я худоватая. Мама салом не кормила, Я не виноватая.	№ 502 Я у мамы дочь одна, Ничего не делаю. Только знаю: завлекаю Да измену делаю.	№ 506 Ты почём меня ласкала, Коли я тебе не мил? Ты бы с осени сказала, Я бы зиму не ходил.

В нижней половине графика отчетливо видны случаи наложения (табл. 9). Как и при анализе корпуса из 239 текстов, наложившиеся тексты в более крупном корпусе представляют собой либо идентичные тексты, отличающиеся лишь синтаксическим оформлением (тексты № 246 и 273, 262 и 498), либо тексты, различающиеся одной строкой. Это утверждение справедливо и для случаев наложения, вошедших в основные кластеры и составляющих точки «сгущения».

Устойчивое выделение 4 кластеров в обоих корпусах позволяет сравнить их результаты. Интересно, что с расширением корпуса состав самых частотных слов в плотных кластерах и по корпусу в целом остался практически неизменным, некоторые из них лишь немного изменили свои позиции. Мы видим, что по-прежнему самыми частотными оказываются служебные слова и местоимения (табл. 10). Одни из немногих самостоятельных частей речи, оказавшихся в верхушке частотных списков, –

существительные «гармонист», «соперница», прилагательное «милый» и формы глагола «любить» и «изменить» – встречаются примерно в 5–10 раз реже. Сохраняется и выявленная на корпусе из 239 текстов корреляция между плотностью расположения текстов на графике и количеством употреблений самого частотного слова и следующих за ним: чем разница в количестве употреблений ниже, тем плотнее располагаются тексты.

Таблица 9

Случаи наложения текстов
в нижней половине нового графика

№ 262 Ты играй, ты играй, Ты играй, не бойся, Я тебя не завлеку, Ты не беспокойся.	№ 484 Ося, ося, Ты меня не бойся! Я тебя кусать не стану, Ты не беспокойся.	№ 498 Ты играй, ты играй, Ты играй, не бойся – Я тебя не завлеку, Ты не беспокойся.	№ 246 Милый мой, а я твоя, Прикрой полой, озябла я. Озябла – не согреюсь, Люблю и не надеюсь.	№ 273 Милый мой, а я твоя. Прикрой полой – озябла я. Озябла – не согреюсь, Люблю и не надеюсь.
--	---	---	--	---

Особенных изменений с увеличением объема корпуса не произошло и на уровне коллокаций. Так, одно из самых частотных слов «я» наиболее часто встречается в сочетании с глаголом «любила» (18 случаев на 359 употреблений по корпусу), местоимением «его» (10) и служебными частями речи: «в» (11), «не» (11), «на» (15). Наиболее частотные для корпуса из 645 текстов коллокации с «я» не совпадают с коллокациями в НКРЯ: в последнем случае сочетания «я + глагол» встречаются чаще, также немного отличается набор служебных слов, с которыми употребляется «я», самими распространенными коллокатами выступают «не», «что», «и», «в», «а».

Лидирующие позиции в частотных списках корпуса и нескольких кластеров сохраняет отрицательная частица «не». Ее самыми частотными коллокатами, как и в корпусе из 239 текстов, выступают глаголы. Предлоги «на» и «в» также устойчиво сочетаются с существительными и в предложении выполняют роль обстоятельства места. Союз «а» по-прежнему наибольшее количество раз употребляется с «я», вместе с тем прослеживается явная тенденция объединяться в коллокации и с другими личными местоимениями (*он, ты, мы, мне, меня, другого*) и наречиями (*где, теперь*). В отличие от «а», выделить часть речи, устойчиво сочетающуюся

с союзом «и», сложно: практически в равной степени характерны коллокации с падежными формами существительных, глаголами, местоимениями, предлогами.

Таким образом, синтаксические конструкции, выделенные нами в корпусе из 239 текстов, показали свою устойчивость и в корпусе, превышающем объем первоначального более чем в 2,5 раза.

Таблица 10

Верхушка частотного списка кластеров
корпуса 2021–2023 гг.

	Корпус	Кл. 4	Кл. 3	Кл. 2	Кл. 1	Разр. 1	Разр. 2	Разр. 3
Кол-во текстов	645	52	94	199	147	7	22	31
Кол-во уник. сл.	2938	390	675	1300	915	65	150	238
1	я (359)	я (52)	не (95)	на (73)	я (184)	я (16)	я (45)	не (72)
2	не (330)	не (51)	меня (29)	в (51)	на (52)	дура (9)	не (22)	надо (7)
3	на (221)	а (17)	на (25)	и (47)	а (49)	а (2)	мне (11)	что (7)
4	а (166)	на (16)	а (22)	у (47)	в (43)	да (2)	что (10)	а (6)
5	в (138)	меня (14)	и (22)	а (44)	и (38)	топ-ну (2)	на (7)	вы (6)
6	и (134)	ты (9)	в (20)	меня (33)	за (26)	что (2)	то (7)	запе-вай (6)
7	меня (134)	в (8)	у (18)	с (30)	у (25)		а (5)	мне (6)
8	у (122)	да (8)	ты (15)	за (24)	меня (23)		ве-рится (5)	толь-ко (6)
9	ты (99)	и (8)	да (14)	ты (21)	милый (22)		во (5)	ты (6)
10	милый (73)	что (8)	мы (14)	ми-лый (20)	ты (21)			

Окончание табл. 10

11	с (73)	по (7)	буду (12)	мы (18)	его (20)			
12	за (70)	у (7)	будет (10)	он (18)	он (16)			
13	да (57)	мне (6)	мне (10)	по (18)	с (14)			
14	что (55)	как (5)	где (9)	как (17)	ой (13)			
15	бы (52)	любила (5)	как (9)	мой (17)	моя (12)			
16	он (51)	милый (5)	милый (9)	да (16)	любила (11)			
17	мне (50)	моя (5)	бы (8)	моя (16)	мой (11)			
18	мой (50)	ой (5)	гармонист (8)	вот (14)	свою (11)			
19	по (50)	он (5)	за (8)	из (14)	соперницу (10)			
20	как (46)	тебя (5)	моя (8)	два (12)	изменил (9)			

Таблица 11

Наиболее устойчивые коллокации
с самыми частотными словами корпуса 2021–2023 гг.

	я (359)	не (330)	на (221)	а (166)	в (138)	и (134)
1	я любила (18)	не буду (11)	на горе (10)	а я (48)	в муку (7)	и брови (6)
2	я на (15)	не надо (9)	на мельницу (9)	а теперь (10)	в армию (6)	и не (6)
3	я в (1)	не подумайте (8)	на меня (9)	а он (8)	в лесу (4)	и надо (5)
4	я не (11)	не ругай (7)	на ней (6)	а ты (7)	в городе (3)	и я (5)
5	я его (10)	не верится (6)	на скамеечке (6)	а мы (6)	в коридоре (3)	и в (4)
6	я свою (10)	не стали (6)	на мосту (5)	а мне (5)	в огороде (3)	и полгается (4)

Окончание табл. 11

7	я, быва- ло (9)	не сумел (6)	на свою (5)	а где (4)	в поле (3)	и на (3)
8	я ему (7)	не подают (5)	на запятки (4)	а другого (4)	в татарах (3)	и стою (3)
9	я тебя (7)	не женись (4)	на низ (4)	а меня (4)	в америку (2)	и вся (2)
10	я по (6)	не знает (4)	на окошке (4)	а на (4)	в говне (2)	и дошла (2)

Выводы

Методы компьютерной лингвистики вообще и программа Stylo в частности кажутся нам продуктивными для анализа фольклорных текстов. Ограничение, связанное с минимальным объемом текстов, обеспечивающим «надежность» результатов, на которое указывают разработчики программы, не кажется нам релевантным при работе с большим количеством текстов примерно равной длины. В статье мы продемонстрировали, что использование Stylo позволяет упростить анализ частушечных корпусов. Построенные графики могут быть использованы для выделения групп текстов на основе их синтаксического строения, что сложно сделать вручную. Дальнейший анализ выделенных кластеров позволяет выделить устойчивые, характерные для частушечной речи лексико-синтаксические модели.

Выделенные с помощью Stylo кластеры позволяют рассмотреть корпус частушечных текстов на нескольких уровнях. На уровне текста выделяются тексты с формами местоимения «я», тексты с обращениями или апеллятивами и все остальные. Тексты с «я» составляют большую часть корпуса. Обращения же в частушках используются для наиболее яркого эмоционального воздействия при использовании минимального количества средств. Для этого используют механизмы «нереального адресата», описание стереотипной ситуации, вовлечение слушающего. На уровне предложений и словосочетаний оба рассмотренных нами корпуса делятся на группы, выделенные на основе различных комбинаций частотных слов с другими частями речи. Для исследования колокаций при работе с более крупными корпусами представляется обоснованным прибегнуть к методам корпусной лингвистики. Исследование наших корпусов позволило выявить следующие устойчивые закономерности частушечной речи: преобладание сочетания отрицательной частицы «не» с глаголами над сочетаниями с именными формами, преобладание сочетаний «а+я+глагол»

и «а+я+местоимение» над сочетанием «а+я+служебные части речи», преобладание сочетаний «на + существительное» или «на + прилагательное /местоимение + существительное» над сочетанием «на + местоимение», преобладание сочетания «в + существительное» над сочетанием «в + местоимение». Второй компонент сравнения во всех случаях является характерной чертой обычной речи, представленной в современной литературе, публицистике, интернет-коммуникации (примеры взяты из основного корпуса НКРЯ, интересной исследовательской задачей представляется сравнение выделенных нами особенностей частушечной речи с другими корпусами).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песня в русской культуре: поэтика, историческая динамика, социальный контекст» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Авторы выражают благодарность С.Ю. Неклюдову, поддерживавшему и направлявшему наше исследование на всех его этапах, В.А. Воробьеву, обратившему внимание на особенности языка частушки, и К.М. Новикову, писавшему скрипты для облегчения работы с корпусом. Кроме этого, мы сердечно благодарим всех собеседников, уделивших нам время.

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the RSUH project “Song in Russian culture: poetics, historical dynamics, social context” (competition “Student project research teams of RSUH”).

The authors express their gratitude to S.Yu. Neklyudov, who supports and guides our research at all its stages, V.A. Vorobyov, who drew attention to the features of the chastushechny language and K.M. Novikov, who wrote scripts to facilitate work with the corpus.

Литература

- Адоньева 2004 – Адоньева С.Б. Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 156–178.
- Березкин 2021 – Березкин Ю.Е. Границы и контакты: модели распределения фольклорно-мифологических мотивов в Евразии // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 6–23.
- Вежицкая 1999 – Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
- Жолковский, Мельчук 1965 – Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19 / под ред. А.А. Ляпунова. М.: Наука, 1967. С. 177–238.

- Кербелите 2001 – *Кербелите Б.П.* Типы народных сказаний: структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб.: Европейский дом, 2001. 605 с.
- Козьмин 2009 – *Козьмин А.В.* Сюжетный фонд сказок: структура и система. М.: РГГУ, 2009. 109 с.
- Мельчук 1967 – *Мельчук И.А.* К построению действующей модели языка // Проблемы языкознания / отв. ред. К.П. Филин. М.: Наука, 1967. С. 82–89.
- Новикова, Тихонова 2022 – *Новикова В.Б., Тихонова М.А.* Квантитативный анализ частушек с использованием пакета Stylo для R // Песенный фольклор: тексты, традиция, современность: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 10 ноября 2022 г.) / сост.: С.Ю. Неклюдов, В.А. Воробьев, Я.А. Савицкая. М.: РГГУ, 2022. С. 20–27.
- Пермяков 1970 – *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 239 с.
- Пропп 1928 – *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Сёрль 1986 – *Сёрль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой, В.З. Демьянкова. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
- Eder and al. 2016 – *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* Stylometry with R: A package for computational textanalysis // *The R Journal*. 2016. No. 1 (8). P. 107–121.
- Eder 2017 – *Eder M.* Visualization in stylometry: Cluster analysis using networks // *Digital scholarship in the humanities*. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 50–64.

References

- Adonyeva, S.B. (2004), “The pragmatics of chastushka”, *Antropologicheskii forum*, vol. 1, pp. 156–178.
- Berezkin, Yu.E. (2021), “Boundaries and contacts: models of distribution of folklore-mythological motifs in Eurasia”, *Ethnografia*, vol. 14, no. 4, pp. 6–23.
- Eder, M. (2017), “Visualization in stylometry: Cluster analysis using networks”, *Digital scholarship in the humanities*, vol. 32, no. 1, pp. 50–64.
- Eder, M., Rybicki, J. and Kestemont, M. (2016), “Stylometry with R: A package for computational textanalysis”, *The R Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 107–121.
- Kerbelite, B.P. (2001), *Tipy narodnykh skazanii: strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya litovskikh etnologicheskikh, mifologicheskikh skazanii i predanii* [Types of folk tales: a structural-semantic classification of Lithuanian etiological, mythological tales and legends], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia.

- Koz'min, A.V. (2009), *Syuzhetnyi fond skazok: struktura i sistema* [Plot fund of fairy tales: structure and system], RGGU, Moscow, Russia.
- Mel'chuk, I.A. (1967), "On the construction of an operative model of language", in Filin, K.P., ed., *Problemy yazykoznaniya* [Problems of linguistics], Nauka, Moscow, Russia, pp. 82–89.
- Novikova, V.B. and Tikhonova, M.A. (2022), "Quantitative analysis of chastushkas using the Stylo package for R", in Neklyudov, S.Yu., Vorob'ev, V.A. and Savitskaya, Ya.A., comps., *Pesennyi fol'klor: teksty, traditsiya, sovremennost': materialy kruglogo stola (Moskva, RGGU, 10 noyabrya 2022 g.)* [Song folklore: Texts, tradition, modernity: proceedings of the conference (Moscow, RSUH, November 10, 2022 RGGU, Moscow, Russia, pp. 20–27.
- Permyakov, G.L. (1970), *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchei teorii klishe)* [From proverb to fairy tale (notes on the general theory of cliché)], Nauka, Moscow, USSR.
- Propp, V.Ya. (1928), *Morfologiya skazki* [The morphology of the fairy tale], Academia, Leningrad, USSR.
- Searle, J.R. (1986), "What is a speech act?", in Kobozeva, I.M. and Dem'yankov, V.Z., comps., *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. 17, Progress, Moscow, USSR, pp. 151–169.
- Vezhbickaya, A. (1999), *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and language description], Yazyki russkoi kultury, Moscow, Russia.
- Zholkovskii, A.K. and Mel'chuk, I.A. (1965), "On semantic synthesis", in Lyapunov, A.A., ed., *Problemy kibernetiki* [Problems of cybernetics], vol. 19, Nauka, Moscow, USSR, pp. 177–238.

Информация об авторах

Виктория Б. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jbranchik@gmail.com

Маргарита А. Тихонова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; margarita.a.tikhonova@mail.ru

Information about the authors

Victoria B. Novikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; jbranchik@gmail.com

Margarita A. Tikhonova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; margarita.a.tikhonova@mail.ru

УДК 398.86:004.738.5

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-37-67

Частушка в Интернете: между фольклором и стилизацией

Екатерина А. Закревская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakrevskaya.ea@gmail.com*

Аннотация. Считается, что частушки – это один из немногих «живых», продуктивных и активно бытующих в наши дни жанров традиционного формульного фольклора. Их формальные и содержательные особенности позволяют им бытовать не только в своем первоначальном виде, но и на ТВ, в Интернете, в рамках конкурсов и художественной самодеятельности. Хотя исследователи признают, что интернет-частушки значительно отличаются от традиционных устных, их все равно относят к полноценным фольклорным жанрам, что кажется мне сомнительным. Я предлагаю разделить интернет-частушки на несколько категорий, среди которых есть не только фольклорные по своей прагматике и путям бытования произведения, но и чистые литературные стилизации, в которых частушечная форма является средством выразительности, а не признаком фольклорности.

Ключевые слова: частушки, интернет-фольклор, интернетлор, псевдо-фольклор, фольклорная стилизация

Для цитирования: Закревская Е.А. Частушка в Интернете: между фольклором и стилизацией // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 37–67. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-37-67

Chastushka on the Internet: between folklore and stylization

Ekaterina A. Zakrevskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zakrevskaya.ea@gmail.com*

Abstract. Chastushka's – four-line folk ditties, usually humorous, sung in a lively manner, were widely spread during the 20th century. It is believed today that these ditties are the only genre of traditional folklore that still

© Закревская Е.А., 2024

productively and actively exists nowadays. Chastuska's formal features and its content allow it to exist not only as a spoken genre, but also on TV, on the Internet. Although researchers admit that Internet ditties significantly differ from traditional oral ones, they are still classified as folklore. However, this idea seems doubtful to me. I suggest categories of the Internet ditties. Some of them seems to be folklore due to their pragmatics and ways of transmission, but there are also some ditty-styled short poems. Authors of these poems use the form of the ditty as a means of expressiveness rather than a sign of folkloric nature.

Keywords: chastushka, ditties, Internet-folklore, pseudo-folklore, folk-styled poetry

For citation: Zakrevskaya, E.A. (2024), "Chastushka on the Internet: between folklore and stylization", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 37–67, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-37-67

Частушка – один из немногих жанров традиционного фольклора, активно бытующий в наши дни. Легко воспроизводимая форма позволяет ей существовать и в своем первоначальном виде, и в письменной форме – чаще всего в Интернете [Тубалова 2011, с. 53]. Исследователи признают, что интернет-частушка значительно отличается от устной [Тубалова 2011, с. 55], однако, несмотря на формальные отличия, все-таки считают ее полноправным фольклорным жанром. Именно эта уверенность кажется мне не совсем обоснованной. В этой статье я попытаюсь создать типологию интернет-частушек – меня интересует, в каких обстоятельствах и на какие темы они пишутся, как они бытуют (являются ли фольклорными текстами или стилизованными), как коррелируют их содержание, платформа размещения и особенности бытования. Важно отметить, что существует еще один тип бытования частушек – на ТВ, в рамках конкурсов и художественной самостоятельности. Такие частушки исполняются устно, но, в отличие от традиционных частушек, их тексты не являются спонтанными, а среда исполнения – неформальной. Эти тексты соотносятся с интернет-частушками сложным образом – их взаимосвязь я кратко опишу в этой статье, – однако они не являются объектом моего исследования.

Краткий генезис частушки

Частушки в своем первоначальном виде – это короткие стишки (как правило, из четырех строк), не обязательно исполняемые под музыку, но всегда ритмично декламируемые нараспев. Они имеют несколько содержательных особенностей: в частушке лирический

герой, как правило, тождественен исполнителю, а ее сюжет состоит в описании и комментировании единичной ситуации из жизни [Адоньева 2004, с. 157–158]. Стилистически частушки ориентированы на «прорыв» нормы, опрокидывание авторитетов, экспрессию и некоторое хулиганство. Из-за этого они зачастую вызывали неприятие современников-горожан. Так, Алексей Смирнов-Кутачевский выпустил целый сборник «хулиганских частушек», обычно исполняемых молодыми мужчинами и посвященных дракам и грабежам, и связал наличие в живой традиции этих текстов с «дичью и глушью» деревни, отсутствием просвещения и насыщенной социальной жизни¹.

Частушка считается жанром позднетрадиционного фольклора: она появилась на рубеже XIX–XX вв. Существует довольно длительная дискуссия о том, является ли она продуктом деревенской культуры или заимствованием из культуры городской², кроме того, у исследователей нет единого мнения о том, являются ли политические частушки частью вернакулярной традиции. Так, анализируя сборники частушек, записанных в начале XX в., Федор Селиванов отметил, что тексты, написанные, на его взгляд, без поощрения со стороны властей, были посвящены в основном быту, отношениям в коллективе, семейной и сексуальной жизни [Селиванов 1993]. Такие частушки позволяли эксплицировать, подвергнуть обсуждению и осмыслить ситуации, связанные с частной жизнью и жизнью в социуме, и зачастую затрагивали «спорные» ситуации, которые в эпоху перемен возникали все чаще и чаще (например, быстрые браки без традиционного сватовства [Адоньева 2004, с. 161–163]). Селиванов предположил, что написание частушек, прославлявших советскую власть, изначально было инструментом агитации, и лишь затем политическую тему в частушках «принял» и перенял народ³ [Селиванов 1993].

¹ Смирнов-Кутачевский А.М. Хулиганская частушка современной деревни // Печать и революция. 1925. № 7. С. 128–132.

² Мнения о том, что городская фабричная частушка зародилась раньше сельской, придерживались, например, Володимир Стратен (*Стратен В.В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор: Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / под ред. Ю. Соколова. Т. 2–3. М., 1927. С. 144–164) и Дмитрий Зеленин (*Зеленин Д.К.* Новые веяния в народной поэзии // Избранные труды: Статьи по духовной культуре, 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 27–37). Версии о том, что частушки – это деревенский жанр, придерживалась Елена Елеонская (*Сборник великорусских частушек / под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914. 539 с.*).

³ Известно, что советская власть уделяла фольклору большое внимание, так как считала его тем языком, при помощи которого можно

Другие исследователи⁴ считают, что инициатива сочинения политических частушек принадлежала носителям традиции – такие тексты были способом осмыслить и обсудить меняющуюся реальность. Так или иначе, практика обсуждения политики и политических новостей вошла в жизнь рядовых граждан именно в связи с преобразованиями 1910–1920-х гг., и, при большем или меньшем влиянии пропагандистских частушек, прижилась. Частушка закрепилась не только в сельской традиции, но и в городской. Здесь она «слилась» с куплетами – эстрадным жанром, которому тоже свойственны краткость и установка на комментирование актуальных событий⁵.

К 1930-м гг. доброжелательный интерес, который власти проявляли к «языку улицы», сменился желанием контролировать фольклор, выражавший «неправильные» мнения. В это время политические частушки как раз прижились в традиции – в частушечной форме крестьяне критически оценивали, например, коллективизацию и раскулачивание. Частушка стала первым «репрессированным» жанром фольклора: уже в 1920-е гг. были запрещены некоторые сборники частушек, а в 1930-е – за сочинение и исполнение антисоветских частушек, наряду с анекдотами, начали давать реальные сроки [Архипова*, Неклюдов 2010]. 1950-е годы, когда идеологический контроль ослаб, стали расцветом частушечной традиции⁶: в это время широко бытовали тексты о дефиците или об освоении целины.

В 1960–1970-е г. начался «закат» частушечной традиции. Количество горожан в СССР впервые превысило количество сельских жителей. Бытовые практики горожан переориентировались на большую камерность – основным пространством неформального общения стали домашние вечеринки и разговоры на кухне. В это время анекдоты начали вытеснять частушки, которые в сельской традиции исполнялись для большой аудитории [Фокин

было говорить с сельским населением (и наоборот, собирая и анализируя фольклор, понимать настроения граждан) [Архипова*, Неклюдов 2010].

* Настоящий материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен иностранным агентом Александрой Сергеевной Архиповой, содержащейся в реестре иностранных агентов, либо касается деятельности иностранного агента Александры Сергеевны Архиповой, содержащейся в реестре иностранных агентов 18+.

⁴ Об этом пишет, например, Дмитрий Зеленин, который в своей статье «Современная русская частушка» описал тематическое разнообразие революционных и ранних советских частушек, см.: [Зеленин 1999].

⁵ *Стратен В.В.* Указ. соч. С. 144–164.

⁶ На эту тему см., например: [Фокин 2007].

2018, с. 55]. Эти жанры оказались взаимозаменяемы из-за сходной прагматики: и частушки, и анекдоты представляют собой короткие тексты, ориентированные на нарушение нормы, смеховую реакцию и комментирование конкретных событий. Тематический состав частушек и анекдотов был похож, однако при одинаковом сюжете (например, критика продуктового дефицита или высмеивание выборов) частушка почти всегда оказывалась резче анекдота и зачастую включала в себя матерную лексику и грубые шутки [Фокин 2018, с. 58]. Здесь можно предположить, что еще одна причина роста популярности анекдотов (взамен частушек) заключается в постепенном «рафинировании» нравов горожан [Алексеевский 2013].

Рассматривая политический фольклор эпохи перестройки, исследователи отмечают появление стилизованных под фольклор и бытующих письменно коротких четверостиший, иногда с парной рифмовкой, и предполагают, что их генезис связан с частушками [Минаева, Панченко 2013]. В постсоветскую эпоху исследователи фиксировали частушечные тексты в сельской местности, однако информации о том, как функционировали городские частушки, не много. Подборка политических и, вероятно, городских частушек сделана, например, на портале «Уроки истории»^{**7}; также их можно найти в собрании авторских частушек Виталия Григорова⁸, где преобладают тексты, которые иронизируют над новым языком и новыми реалиями: депутатами, приватизацией и т. д. Однако неизвестно, бытовали ли эти тексты устно, и если бытовали, то в каких обстоятельствах. В целом можно констатировать, что к этому времени, по крайней мере в городской традиции, на смену устной частушке пришла письменная, бытующая в газетах наряду с анекдотами⁹, и эстрадная. В конце 1980-х гг. в эфир вышел ряд телепередач, участники которых исполняли частушки – например,

^{**} Проект Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Организация внесена Минюстом РФ в реестр НКО, исполняющих функцию иностранного агента.

⁷ Частушки 1990-х // Уроки истории^{**}. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/chastushki-1990-h> (дата обращения 5 ноября 2021; страница больше недоступна).

⁸ Частушка 90-х: Из собрания Виталия Григорова // Общелит.ру. Стихи. URL: <http://www.obshelit.ru/works/148561/> (дата обращения 7 ноября 2021).

⁹ См., например, на сайте проекта «Играй, гармонь». Журнал // Играй, гармонь. Российский центр им. Г.Д. Заволокина. URL: <https://zavolokin.ru/catalog> (дата обращения 21 марта 2023).

«Играй, гармонь» или «Эх, Семеновна!» – о них еще пойдет речь ниже. Еще одна практика, появившаяся в позднесоветский период, – конкурсы частушек. Они подразумевали написание тематических частушек на заказ и способствовали поддержанию у людей навыка сочинения частушек, но при этом содержание текстов отличалось от традиционного: формальная обстановка конкурса вынуждала авторов отказаться от наиболее рискованных сюжетов. Такие конкурсы существуют и по сей день, например, в рамках предвыборной агитации их проводила партия «Единая Россия» [Эмер 2008, с. 40].

Частушки в Интернете

В начале 2000-х гг. появилось несколько подходов к определению интернетлора: так называли фольклор, связанный с компьютерами и Интернетом (например, особый сленг и корпус текстов, бытующих среди программистов), фольклор, размещенный в Интернете, и, наконец, бытующие в Интернете анонимные и коллективные тексты (например, мемы, текстовые шутки, слухи или фейки) [Алексеевский 2010, с. 154–159]. Третья точка зрения со временем стала общепринятой, сейчас под интернет-фольклором понимаются «вирусные» тексты, которые передают и дополняют пользователи социальных сетей и мессенджеров. Таким образом, критерием, согласно которому мы признаем или не признаем текст принадлежащим к интернет-фольклору, является способ его бытования, а не форма или содержание. Размещенные в Интернете сказки, былины и частушки далеко не всегда принадлежат к интернетлору.

Частушки, размещаемые в Интернете, имеют ряд особенностей, которые отличают их от традиционных устных частушек. Они ориентированы на чтение, а не на произнесение и часто включают в себя сложные для произношения или нарушающие размер стиха аббревиатуры, заимствования или неологизмы [Тубалова 2011, с. 55]. Кроме того, им свойственны игра с заимствованиями и смешение с другими типами коротких стихотворений. Произшедшая еще в начале XX в. смычка с куплетами сохраняется и в письменной традиции; также частушка «соединяется» с садистским стишком [Петрова 2009], с пирожками и порошками – короткими, как правило, ироничными и абсурдными стишками, появившимися в эпоху интернет-фольклора [Петренко 2014]. Стихотворный размер частушки, таким образом, размывается. «Настоящие» частушки сохраняются, но бытуют вместе с другими короткими текстами. Иногда в подборках «частушек» можно найти просто короткие

стихотворения, которые формально не имеют к частушкам никакого отношения¹⁰. Иными словами, для того чтобы текст был выложен на страницу с частушками, нужно только, чтобы его автор или сторонний подборщик посчитал его частушкой.

Порталы, где можно найти подборки частушек, – это, например, «Проза.ру»¹¹ и «Стихи.ру»¹². На таких сайтах автор регистрируется и выкладывает свои произведения; пользователи могут комментировать эти тексты, отправлять личные сообщения, добавлять друг друга в «Избранное», подписываться и оставлять ссылки на свои сторонние ресурсы. Портал «Изба-читальня»¹³ работает по схожему принципу: там авторы тоже создают профиль и загружают свои тексты. Разница состоит лишь в том, что интерфейс «Избы-читальни» дает возможность сортировать тексты по жанру (в понимании самих авторов). В «Живом Журнале»¹⁴ («LiveJournal») бытуют и авторские тексты, и компиляции, и циклы частушек, позаимствованные с других сайтов. Кроме того, компиляции частушечных подборок часто можно найти на развлекательных порталах широкого профиля. Например, это такие сайты, как «Sovet expert»¹⁵ (так называемый «женский» портал с советами про быт, семейные отношения и воспитание детей), «Методическая копилка»¹⁶ (сайт с поздравлениями и тостами, в том числе в стихах и частушках)

¹⁰ Так, автор одной из подборок счел частушкой это короткое стихотворение, написанное пятистопным хореем: «Насте лайк поставил Алексей, / Настя лайк поставила взаимно. / И теперь у них есть четверо детей, / Дом за городом, собака и машина» (Современные частушки для веселого корпоратива – большая подборка для шумной компании // Heaclub. Женский клуб красоты и здоровья. URL: <https://heaclub.ru/sovremennye-chastushki-dlya-veselogo-korporativa-bolshaya-podborka-dlya-shumnoj-kompanii> (дата обращения 18 декабря 2021)).

¹¹ Проза.ру. URL: <https://proza.ru/> (дата обращения 28 декабря 2023).

¹² Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/> (дата обращения 28 декабря 2023).

¹³ Изба-читальня. URL: <https://www.chitalnya.ru/> (дата обращения 28 декабря 2023).

¹⁴ LiveJournal. URL: <https://www.livejournal.com/> (дата обращения 28 декабря 2023).

¹⁵ Большая подборка современных частушек для веселого корпоратива // Sovet expert. Клуб советов онлайн. URL: <https://ginger-slim.ru/domi-byt/chastushki-dlya-veselogo-korporativa-bolshaya-podborka/#i-7> (дата обращения 11 ноября 2021).

¹⁶ Веселые поздравительные частушки для дней рождения и юбилеев // Методическая копилка учителя, воспитателя, родителя. URL: http://zanimatika.narod.ru/DR_chastushki.htm (дата обращения 23 марта 2023).

или «Коллекция политического юмора»¹⁷ (сайт, посвященный политическому юмору в любом его виде и включающий, помимо частушек, текстовые шутки, мемы, видео). Наконец, частушки можно встретить в постах и комментариях в социальных сетях, об особенностях такого их бытования речь еще пойдет ниже.

Тематически интернет-частушки можно разделить на несколько групп: частушки о политике, озорные стишки о работе и семейной жизни и детские частушки. Поисковая система «Яндекс»¹⁸ предлагает продолжить запрос «частушки» вариантами «про Путина», «про Путина и Медведева», «про коронавирус», «про ковид»¹⁹, «про евреев», «про выборы», «про <Великую Отечественную> войну». Запрос «частушки о» предлагается продолжать следующими вариантами: «России», «Путине», «политике», «Родине». Кроме того, популярны «частушки о работе» / «частушки для корпоратива», «народные частушки» / «русские частушки», «частушки с матом» и «частушки про пенсию». Остальные популярные варианты, по-видимому, предназначены для детей: поисковик предлагает частушки о маме, о школе, о дружбе, о спорте, про Новый год, про учителей.

Я группирую частушки по нескольким типам на основании того, как они бытуют и какова их прагматика, и описываю, на каких сайтах они выложены и на какие темы написаны. Материалами этого исследования стали 58 страниц с подборками частушек и 25 единичных частушек, найденных в комментариях или твитах.

¹⁷ Коллекция политического юмора: Видео, картинки, истории, анекдоты о политике. URL: <https://polithum.ru/?s=частушки> (дата обращения 13 декабря 2021).

¹⁸ Известно, что поисковые подсказки основываются в первую очередь на наиболее популярных запросах. После того как пользователь делает некоторое количество запросов, выдающих интерес к какой-либо теме, алгоритмы начинают подстраиваться под него и делать подсказки таргетированными. Зная эту особенность, я привожу те варианты поисковых подсказок, которые «Яндекс» предлагал мне в первый день работы над этой темой, когда мой интерес к частушкам еще не отразился в истории поиска. Подробнее о механизмах работы подсказок можно прочитать здесь: Как это работает? Поисковые подсказки // Блог Яндекса. URL: <https://yandex.ru/blog/company/84816> (дата обращения 9 сентября 2021).

¹⁹ Тему коронавируса (COVID-19) я отношу к политическим, так как в этих текстах обсуждается не сам вирус, а его социальные последствия, в том числе меры, принятые государством в связи с пандемией: самоизоляция, вакцинация, введение qr-кодов и т. д.

Частушка как авторитетный текст

В 1986 г. гармонист Геннадий Заволокин создал посвященную народной музыке передачу «Играй, гармонь любимая!». По замыслу Заволокин со своей командой ездил по регионам СССР и записывал локальные варианты исполнения частушек, игры на гармонии и танцев. После распада Советского Союза передача сохранила свое место в эфире и продолжила выходить на Первом канале, а ее география расширилась – теперь выпуски «Гармони» снимали и за пределами стран бывшего СССР. В 1999 г. на экраны вышла еще одна передача, посвященная частушкам, – «Эх, Семеновна!». Между коллективами конкурирующих программ разгорелся конфликт: команда «Гармони» обвиняла команду «Семеновны» в искажении народной культуры. В частности, Геннадий Заволокин и его дети, тоже работавшие в «Гармони», критиковали наличие матерных частушек в программе «Семеновны»:

Брань и непристойность, которые чуть ли не сплошным потоком льются в этой передаче, ее авторы пытаются выдать за подлинно народное искусство. Я исколесил Россию вдоль и поперек, побывал на съемках «Гармони» во всех теперь уже бывших республиках СССР и могу с полной уверенностью сказать: глубоко заблуждаются те «господа», которые пытаются отождествить «Семеновну» с культурой нашего народа²⁰.

Риторика команды «Гармони» кажется мне симптоматичной из-за того, что она отражает произошедший незадолго до распада Советского Союза подъем интереса к фольклору и традициям²¹.

²⁰ Геннадий Заволокин: пока жива гармонь – жива русская душа // Труд. URL: https://www.trud.ru/article/24-05-2001/24495_gennadij_zavolokin_poka_zhiva_garmon_-zhiva_russka.html (дата обращения 11 декабря 2021).

²¹ Отмечу, что движение по возрождению народной музыки было не единственным, связанным с этой тенденцией: его можно поставить в один ряд, например, с деятельностью писателей-деревенщиков, которые в своих произведениях рисовали идеализированное традиционное общество [Разувалова 2015]. Сами участники «Гармони» тоже ощущали некоторое «родство» с «деревенщиками» – об этом они говорят, например, в интервью portalu Lenta.ru («Возрождение русской культуры пытался пресечь КГБ». Ее спасали Листьев и Черномырдин. Как «Играй, гармонь!» продержалась на телевидении 35 лет? // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2021/03/09/garmon_lybimaya/ [дата обращения 21 марта 2023]).

В контексте консервативного поворота 1990–2000-х гг. внимание к национальной культуре только усиливалось, а фольклор приобретал все большую значимость в качестве нормативного образца, транслятора этой национальной культуры. Фольклорные или псевдофольклорные тексты стали «авторитетными», в том числе изначально дерзкие и непристойные частушки. Как уже было отмечено выше, «оригинальные» частушки часто включали в себя мат, критику авторитетов (власти или старших членов семьи), скабрезные шутки, описания драк и грабежей. Однако, по версии Заволокина, матерные частушки были продуктом «бездуховного настоящего», тогда как настоящие традиционные частушки просто не могли включать в себя обценную лексику. Возникновение таких представлений о частушках можно описать в терминах «изобретения традиций». Это концепция, согласно которой национальная идентичность какой-либо группы часто опирается на представления о древних традициях, хотя на деле эти традиции зачастую формируются «на ходу», а нарративы об их «исконности» нужны для придания им дополнительной ценности [Hobsbawm 2000].

Необходимость показывать выпуски «Гармони» с утра Анастасия Заволокина объясняла тем, что «пожилые люди и маленькие детки просыпаются рано»²² – и если пожилые люди, которые в молодости застали живую частушечную традицию, действительно являлись потенциальной целевой аудиторией передачи, то частушки для «маленьких деток» стали новшеством. Однако в современной частушечной традиции²³ таких «детских» текстов достаточно много. Обычно они размещаются на порталах для родителей или учителей и исполняются на школьных праздниках по инициативе взрослых. На сайтах с детскими частушками подборки предваряют подобные комментарии:

Трудно найти такого ребенка, который бы не распевал частушки на всевозможных школьных мероприятиях: первом звонке, новогоднем утреннике, выпускном балу. Кроме того, эти веселые частушки

²² Анастасия Заволокина: «Играй, гармонь» лечит от болезней // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/community/36068353-anastasiya-zavolokina-igray-garmon-lechit-ot-bolezney/> (дата обращения 15 ноября 2021).

²³ Здесь важно отметить, что «детские» частушки (так же, как и частушки про корпоративы или про коронавирус, о которых речь пойдет дальше) бытуют не только в письменной, но и в устной форме.

развивают музыкальную память, вокальные способности и создают праздничное настроение у детей²⁴.

На сайте “Sibmama” подборка частушек про школу дополнена постановочным фото детей, которые в венках из ромашек водят хоровод в поле:

Мы спешим учителей
С праздником поздравить!
Может, кто-нибудь захочет
«Пять» в дневник поставить!²⁵

Нужно отметить, что не все школьные частушки повествуют о хорошем поведении. Темы плохих оценок и прогулов в них тоже появляются:

Витя наш стихи не любит,
Витя стих не доучил,
И за то сегодня в школе
Полчетверки получил²⁶.

Прагматика таких частушек отличается от прагматики традиционной частушки. Сложно представить, что подобные тексты сочиняются школьниками по собственному желанию и бытуют в неформальной детской среде – вероятно, их распространяют учителя и родители. Эти тексты не осмысляют пережитый лирическим героем, который тождественен рассказчику, кризисный момент, а критикуют неправильные формы поведения с позиции взрослого²⁷. Тексты «школьных» частушек нередко создаются

²⁴ Частушки про школу // Bobrmama.by: Место встречи Бобруйских родителей. URL: <https://bobrmama.by/poleznyj-sunduchok/roditelyam-na-zametku/381-chastu> (дата обращения 16 ноября 2021).

²⁵ 22 веселых частушки про школу // Сибирский семейный сайт Sibmama.ru. URL: <https://sibmama.ru/ciastuscichi.htm> (дата обращения 16 ноября 2021).

²⁶ Веселые школьные частушки // Привет пипл! URL: https://privetpeople.ru/publ/stikhi/vesjolye_shkolnye_chastushki/4-1-0-420 (дата обращения 16 ноября 2021).

²⁷ Здесь можно отметить, что практика исполнения фольклорных текстов для регуляции поведения членов группы широко применялась и ранее. Так, известны случаи, когда во время Великой Отечественной войны песни о воображаемых изменах девушек солдатам исполнялись с целью превентивно их устыдить и уберечь от измены [Малая, Закревская, Аиткулова 2020].

в рамках уже упомянутых выше частушечных конкурсов. Так, на портале «Кладовая развлечений» приведен план тематического мероприятия, в результате которого дети под надзором взрослых должны сочинить по частушке²⁸.

Другие «авторитетные» частушки тоже нередко появляются именно по заданию в рамках конкурса. Так, на сайте Управления культуры Брянской городской администрации можно найти информацию о проведении конкурса частушек на тему труда, Великой Отечественной войны, шуточных и плясовых²⁹, а на сайте культурного центра «Восход» – на темы Нового года и Рождества, масленицы, армии и флота, любви, семьи и локальной истории Дмитровграда³⁰.

В текстах, называемых пользователями «русские частушки» или «народные частушки», прямо эксплицируется функция частушек как транслятора народной культуры. На портале «В гостях у сказки» частушкам посвящена отдельная вкладка, где кратко описан их генезис и даны ссылки на подборки частушек «про деревню и село», «про любовь», «про свадьбу», «для детей», «веселые и смешные», «про пироги»³¹. Сам сайт оформлен в нарочито архаичном стиле – тексты разделены славянскими орнаментами и снабжены картинками из сельской жизни, шрифт имитирует традиционную каллиграфию. Частушки показывают романтизированные образы сельского быта:

²⁸ Конкурс частушек в начальной школе: Сценарий // Кладовая развлечений. URL: <https://kladraz.ru/scenari/dlja-shkoly/scenari-meroprijatii-prazdnikov-dlja-1-2-3-4-klasov/konkurs-chastushek-v-nachalnoi-shkole-scenarii.html> (дата обращения 12 ноября 2023).

²⁹ Стартовал XXXIV Межрегиональный фестиваль – конкурс «Севская частушка» и XXIII конкурс гармонистов «Играй, гармонь!» // Управление культуры Брянской городской администрации. URL: <https://uprkult32.ru/startoval-xhxiv-mezhregionalnyj-festival-konkurs-sevskaya-chastushka-i-xxiii-konkurs-garmonistov-igraj-garmon/> (дата обращения 12 ноября 2023).

³⁰ Народный конкурс частушек // ЦКИД «Восход». Муниципальное автономное учреждение культуры центр культуры и досуга «Восход». URL: <https://voshodcentrdd.ru/Народный-конкурс-частушек/> (дата обращения 12 ноября 2023).

³¹ Русские народные частушки // В гостях у сказки. URL: https://skazka-dubki.ru/zhizn-slavyan/russkiy-folklor/russkie-narodnye-chastushki/#pro_derevnyu (дата обращения 16 ноября 2021).

Солнце весело сияет.
Нет причины хмуриться.
Бабы по полю идут,
И на Солнце жмурятся.

Я сидела на печи,
Сторожила калачи.
А за печкой мышки
Сторожили пышки.

По селу хожу с Тимошкой,
А Тимошка мой – с гармошкой.
Он играет, напевает,
Ветер кудри развеивает.

Роль механизма трансляции и сохранения национальной культуры стала приписываться фольклорным текстам еще в XIX в., когда в эпоху романтического национализма понятие национального приобрело высокую важность. Тогда же появились практики редактирования фольклорных текстов и цензурирования «неподходящего» фольклора, который бросает тень на традицию. Так, заветные сказки Афанасьева были собраны в XIX в., а опубликованы в России только в конце XX в.³²; заветные пословицы изымались из сборников Буслаева, Даля и Снегирева; «заветные» частушки также публиковались отдельно. В предисловии к сборникам «заветных» частушек из собрания А.Д. Волкова составитель оговаривает критерии отбора – это политические и эротические темы – и маркирует сборник как предназначенный «узкому кругу специалистов по фольклору и этнографии»³³.

Эта логика заметна и на примере интернет-частушек на еще одну востребованную тему – о Великой Отечественной войне. Роль памяти о войне в российском мемориальном каноне резко возросла в начале 2000-х гг. [Копосов 2011, с. 162; Миллер 2012, с. 329]. В наши дни Победа является критически важной главой российской истории, и тексты, конструирующие национальную идентичность, не могут обойти ее стороной. В этом случае частушки транслируют не непосредственно национальную культуру, но историческую память как часть культуры. Интернет-частушки

³² Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки. СПб.: ТОО «Бланка»: АО «Бояныч», 1994. 335 с.

³³ Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: В 2 т. / Подгот. А.В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. Т. 1: Эротические частушки. 766 с.; Т. 2: Политические частушки. 500 с.

о войне очень «правильные» по форме и смыслу – они рисуют патристическую картину народной памяти о войне, как, например, приведенные ниже тексты, которые размещены на сайте «Мир анекдотов»³⁴:

А я выйду на крылечко
И увижу самолет.
Там миленок мой, сердечко,
С высоты фашистов бьет.

Боевые наши танки
Танков вражеских сильней,
Самолеты – быстроходней,
Наши летчики – смелей.

Первая частушка встречается также на сайте газеты «Волховские огни», там составительница подборки атрибутировала ее как написанную «давно», однако созналась, что многие тексты она переписала на свой вкус³⁵. Кроме того, женщина расставила тексты в хронологическом порядке – от начала войны к Победе. Таким образом, они могут быть восприняты как единое целое (о том, как частушки в интернет-бытовании превращаются в строфы длинных стихотворений, см. в разделе «Частушка как стилизация»). Единственная частушка в этой подборке, которая точно осталась без изменений, – та, которую составительница приводит первой с небольшим предисловием:

Сидит немец на заборе
И кричит: «Алло, алло!
Дайте курицу с России!
А то кишки подвело!»

Эту частушку женщина не нашла в Интернете, а записала от своей матери – ребенка войны. По ее словам, частушка исполнялась в оккупированной Псковской области. Стилистически и содержательно этот текст отличается от приведенных выше – он содержит сниженную лексику и скорее высмеивает оккупантов, чем прославляет победы Красной Армии. Аутентичные частушки военного времени из собрания Льва Пушкарёва тоже зачастую посвящены символической агрессии в отношении нацистов:

³⁴ Частушки о Великой Отечественной войне // Мир анекдотов. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/chastushki-o-velikoj-otechestvennoj-vojne/> (дата обращения 21 ноября 2021).

³⁵ Частушка в зеркале войны // Волховские огни: Еженедельная газета Волховского района. URL: <https://volhovogni.ru/articles/media/2020/5/7/chastushka-v-zerkale-vojni/> (дата обращения 16 ноября 2021).

Купил милый поросенка,
Хотел Гитлером назвать.
Зачем домашнюю скотину
Понапрасну обижать?³⁶

Сидит Гитлер на заборе,
Просит кружку молока,
А доярка отвечает:
«Подую сейчас быка!»³⁷

Другие темы, которые поднимаются в частушках военного времени, тоже связаны с комментированием окружающей человека реальности, например, дождутся ли солдат их девушки и жены. Таким образом, взгляд носителя традиции и взгляд «романтического фольклориста» (осознающего себя таковым или не осознающего, как создатели описанных в этом параграфе подборок) порождают разные логики написания и собирательства частушек. «Фольклорист» воспринимает частушки как транслятор национальной культуры (памяти) и подбирает тексты, которые передают ее «подобающим» образом, а для носителя традиции частушка – это неформальный и спонтанный текст, который помогает осмыслить реальность и выразить отношение к ней. Тексты, проходящие цензуру «фольклоризма», не комментируют актуальные события, а утверждают порядок вещей («получать двойки плохо», «наши танки сильнее вражеских»); они лишены установки на опрокидывание нормы, а вместо этого ее, наоборот, создают.

Частушка как стилизация

Пользователь портала «Имба-читальня» Михаил Предзимний разместил на своей страничке целый цикл частушек, посвященных госпитализации Алексея Навального в немецкую клинику «Шарите»:

Растяни меха, гармошка,
Эх, играй, наявивай!
Жарь частушки Бабка-Ежка
Про трусы Навального!

Как-то раз на веселее
Я летала в Шарите,
Видела в полете
Черта в самолете!
<...>

³⁶ Пушкарёв Л.Н. По дорогам войны: Воспоминания фронтовика-фольклориста. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 99.

³⁷ Там же. С. 64.

СССР одни продали
За котелку колбасы,
Эти ж вовсе все развалят
За Навального трусы!³⁸

Эта подборка текстов куда больше похожа на традиционные частушки: она не просто комментирует некоторое резонансное и широко дискутируемое в обществе событие, но делает это в подчеркнуто критичном и хулиганском ключе и обращается к теме телесного низа. Однако есть и ряд важных отличий. Во-первых, тексты должны читаться вместе – по сути, они являются не самостоятельными частушками, а строфами стихотворения. Во-вторых, эта публикация представляет собой не только текстовое, но и более сложное мультимедийное единство. Тексты снабжены иллюстрациями: отредактированной фотографией Ангелы Меркель с трусами в руках, школьниками на митинге, аэропортом Тегель. Перед подборкой прикреплена запись песни Бабок-Ёжек из мультфильма «Летучий корабль» (1979), которую, вероятно, нужно включать, чтобы читать частушки под музыку.

Эти стилизованные под частушки тексты могут быть соотнесены с концепцией постмодернизма³⁹. Теоретики постмодернизма отмечают, что одной из его ключевых черт является стилизация под уже существующее, игра с готовой формой – пастиш. Пастиш отличается от пародии тем, что в этом случае использование готовой формы является не отсылкой, цель которой – сообщить что-либо об оригинале, а игрой. Так происходит из-за того, что все художественные формы, которые можно было создать, уже созданы; авторам новых текстов остается только компиляция. Инна Тубалова, анализируя интернет-частушки, отмечает, что в них почти всегда присутствует множество отсылок и цитат, и предполагает, что чтение таких текстов приносит удовольствие «расшифровывающему» и понимающему эту систему читателю [Тубалова 2011, с. 57]. Я же предлагаю пойти дальше и отнести к цитатам и отсылкам саму форму частушки, которую авторы текста используют не из-за того, что их текст фольклорный, а из-за того, что такая организация текста, как им кажется, даст какой-либо эстетический эффект.

³⁸ Частушки: антиНавальные // Изба-читальня. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3007093/> (дата обращения 17 ноября 2021). Кроме того, эти же тексты, но без музыки и картинок размещены автором и на другом портале, см.: АнтиНавальные частушки // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2021/01/31/4912> (дата обращения 17 ноября 2021).

³⁹ Об этом писал, например, Фредерик Джеймисон [Джеймисон 2019].

Такие частушки-стилизации часто обращаются к политической тематике (можно предположить, что их авторы знакомы с советской традицией политических частушек). В январе 2021 г. в топ социальной сети Twitter⁴⁰ поднялись «правые куплеты» пользователя с ником Айрон Дрю⁴¹. Эти тексты представляли собой пародию на «правый тред⁴²» Александра Литреева – программиста, предпринимателя и известного приверженца либертарианских взглядов. В «правом тред» Литреев высказывал свои суждения о том, как должно работать государство. Айрон Дрю последовательно «перевел» каждый пост Литреева в куплет, не искажая при этом его содержания, и сопровождал картинками с Николаем Бандуриным и Михаилом Вашуковым – известными куплетистами, которые регулярно участвовали в передачах центральных каналов. Привожу ниже некоторые оригинальные твиты Литреева и куплеты, написанные по их мотивам (табл. 1).

Таблица 1

1. Это правый тред. Здесь то, как все должно быть у нормальных с...а людей.	Это правые куплеты в свете елочных огней / Мы споем как все должно быть у нормальных б... людей.
3. Нет ни у кого никакого права на бесплатное высшее образование. Хочешь высшее – возьми кредит, заплати профессионалам, обучись и выплачивай его обратно, пользуясь полученными навыками.	Захотел образование – укради, возьми кредит / Ведь возврат к средневековью нам совсем не повредит.
7. Частная собственность – это ваше главное и основное право. И вы должны иметь возможность защищать свое право, в том числе, и оружием.	Нужно всем раздать гранаты, пистолеты на крайняк / Как-то надо отбиваться от проклятых коммуняк.
21. Если вы тяжело больны – вам могут помочь частные благотворительные фонды, куда люди вносят пожертвования добровольно. В мире гораздо больше добрых людей, чем вам кажется.	Если очень заболели, обращайтесь сразу в фонд / Таким образом от бедных мы почистим генофонд.

⁴⁰ Запрещена в РФ.

⁴¹ Айрон Дрю // Twitter. URL: <https://twitter.com/tonik602/status/1345777388576235521?lang=da> (дата обращения 18 ноября 2021). Социальная сеть Twitter запрещена в РФ.

⁴² Последовательность постов, связанных одной темой и включающих в себя ссылки друг на друга.

С помощью обращения к форме куплетов автор высмеивает идеологического оппонента. Успех треда Айрон Дрю можно объяснить тем, что благодаря КВН и ряду других телепередач⁴³ куплеты стали узнаваемой юмористической формой, возможность добавить фото исполнителей помогает автору сделать отсылку еще более заметной. «Правые куплеты» – еще один пример фольклорной стилизации. Это законченное произведение, не предусматривающее ответов и агона; последовательность куплетов и дополняющие их картинки являются частью целого и взаимодействуют с серией твитов Литреева как единое целое.

Пользующиеся популярностью подборки частушек «про депутатов» и «про политику» тоже зачастую являются стилизациями. Пример такого текста – частушки про депутатов, выложенные на портале «Стихи.ру» автором Аленчик Боровонос. Она обращается к политической теме, но делает это в стилистике панибратской шутки:

Полюбила депутата,
Молодой и пряткий,
Ну, а в койке, всё как в Думе,
С пятой лишь попытки⁴⁴.

Популярный в Яндексе запрос на частушки «про Путина и Медведева» связан, как мне кажется, с наличием медиапараллелей: в выходявшей с 2009 по 2013 г. сатирической передаче «Мульт личности» мультипликационные президент и премьер-министр регулярно «исполняли» частушки вместе.

Другой важный сюжет в политическом сегменте частушек – это тексты, построенные вокруг прецедентных высказываний политиков. Ряд частушек связан с интервью, которое Дмитрий Медведев дал в Крыму в 2016 г. Стихи строятся вокруг укороченной и видоизмененной фразы, произнесенной Медведевым во время этой поездки. Так, Аленчик Боровонос разместил(а) на портале «Стихи.ру» целых две подборки стихотворений, начинающихся с цитаты⁴⁵:

⁴³ Дуэт Бандурина и Вашукова действовал с 1983 по 2006 г.

⁴⁴ Частушки: Денег нет, но Вы держитесь 1 // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2016/07/23/625> (дата обращения 18 декабря 2021); Частушки: Денег нет, но Вы держитесь 2 // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2016/07/29/7958> (дата обращения 18 декабря 2021). Приведенная в тексте частушка размещена во второй подборке.

⁴⁵ На самом деле, отвечая на вопрос об индексации пенсий, Дмитрий Медведев сказал следующее: «Ее <индексации> нигде нет, мы

Денег нет, но Вы держитесь,
И премьеру поклонитесь.
Он для частушек строчку дал,
Хоть сам того не ожидал.

Нарочито-фольклорная частушечная форма позволяет автору текста выстроить свое высказывание на тему видоизмененной «цитаты» Медведева не как личное мнение, а как «народный» ответ премьер-министру. Кроме того, автор намекает, что обсуждать ее будет не только он, но и вся страна («для частушек строчку дал»). Также распространены тексты, где обыгрывается часто приписываемая Владимиру Жириновскому цитата «Каждой бабе – по мужику, каждому мужику – по бутылке водки»:

Нам Владимир Жириновский,
Женщинам всем одиноким,
Обещал по мужу дать,
А мужей, чёт не видать!⁴⁶

Жириновский настаивал на том, что никогда не произносил такой фразы, но это не помешало ей «уйти в народ». Впрочем, российские политики здесь не одиноки: исследуя политический юмор Беларуси, Анастасия Астапова отметила, что шутки по мотивам вымышленных цитат Александра Лукашенко занимают важное место в устной традиции [Astapova 2021, p. 94–97].

Другие популярные запросы – это «частушки для взрослых», «частушки с матом», «дерзкие частушки». Такие тексты воспроизводят хулиганский настрой и непристойность традиционных частушек и зачастую включают в себя обсценную лексику. Тематически их можно разделить на короткие стишки про секс, измены супругу, сложные взаимоотношения супругов между собой и с расширенной семьей – чаще всего с тещей. Прагматика таких текстов близка к анекдотам:

вообще не принимали, просто денег нет сейчас. Найдем деньги, сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья!»

⁴⁶ Пропою я вам частушки // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/02/24/3170> (дата обращения 18 декабря. 2021). В этой авторской подборке тему частушки про фейковую цитату Жириновского продолжает следующий текст: «Я ему теперь не верю, / До сих пор я все одна, / А ведь замуж так хотела, / Пусть дает мне жениха! О-о-о-ох!»

Ах, ты Гена, ах ты Гена
 Ты не щупай за колено
 Щупай сразу за ****у
 А не то домой пойду⁴⁷

Тёща мне ну просто мать
 Что ещё могу сказать?
 Вспоминаю я её,
 Через слово с буквы “ё”!⁴⁸

Я купил вибратор Вале,
 Чтоб порадовать ее.
 Свет погас во всем квартале,
 Что ж я сделал, е-мое?⁴⁹

Широко распространены частушки про работу и пенсию; как и детские, они, по всей видимости, исполняются на мероприятиях. Так, на сайте “Heaclub” подборку текстов о работе предваряет заголовок «Современные частушки для веселого корпоратива – большая подборка для шумной компании»⁵⁰. Тексты о работе в основном строятся вокруг успешных или неуспешных попыток главного героя избежать труда:

Мы работы не боимся,
 От работы не бежим.
 Есть работа – спать ложимся,
 Нет работы – тоже спим.

Частушки на тему взаимоотношений в рабочем коллективе тоже не обходятся без мата:

В кабинете по утрам
 Сексуальный тарарам.

⁴⁷ Матерные частушки. Внимание! Ненормативная лексика! // Стихи. ру. URL: <https://stihi.ru/2004/05/10-347> (дата обращения 23 марта 2023).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Матерные частушки // Приколись-ка. URL: <https://pricoliska.ru/maternye-chastushki/> (дата обращения 18 декабря 2021).

⁵⁰ Современные частушки для веселого корпоратива – большая подборка для шумной компании // Heaclub: Женский клуб красоты и здоровья. URL: <https://heaclub.ru/sovremennye-chastushki-dlya-veselogo-korporativa-bolshaya-podborka-dlya-shumnoj-kompanii> (дата обращения 18 декабря 2021).

Чтоб пахал живе́й народ,
Замов оптом босс е...т!⁵¹

Таким образом, в авторских стилизациях, бытующих на сайтах с подборками, частушечная форма применяется в тех случаях, когда автор хочет прокомментировать новости, политику, семейную или социальную жизнь и сделать это в юмористическом и/или критическом ключе. Тематический состав частушек-стилизаций и «заветных» частушек почти полностью совпадает – это зачастую включающие в себя грубый юмор тексты про политику, секс или нарушение социальных конвенций. Такое понимание частушки авторами и собирателями свидетельствует о том, что описанные в разделе «Частушка как авторитетный текст» практики цензурирования не смогли полностью изменить восприятие жанра. Авторы современных частушечных текстов создают их, опираясь, по-видимому, на знакомый им из устной традиции стереотип частушки как хулиганского стишка.

Частушки как интернет-фольклор

Как было отмечено в разделе «Частушка в Интернете», любой «вирусный» текст, передаваемый пользователями социальных сетей, можно назвать интернет-фольклором. Несмотря на то что выложенные в Интернет частушки не являются фольклорными текстами только из-за своей формы, они могут стать таковыми из-за способа бытования. Речь идет о спонтанных текстах, которые пользователи социальных сетей оставляют в качестве комментариев или постов.

При исполнении традиционных устных частушек нередко происходил агон – соревнование, в котором люди старались перещеголять друг друга мастерством исполнения или способностью сочинить / вспомнить подходящую к ситуации частушку. В социальных сетях, в отличие от сайтов-агрегаторов, возможность репостов и комментариев изначально заложена в функционал сайта и максимально упрощена. Логично предположить, что это создает условия для появления онлайн-вариации частушечного агона.

Такой импровизированный письменный «агон» появляется там, где к нему есть прямое или косвенное приглашение. Например,

⁵¹ Частушки про работу // Труд и работа. URL: <https://trud.temaretik.com/183077007926758171/chastushki-pro-rabotu/> (дата обращения 18 декабря 2021; страница больше недоступна).

фем-активистка Дарья Серенко*** в декабре 2020 г. решила подвести итоги года серией твитов в стихах и частушках⁵². Приведенный ниже текст отсылает к начавшейся пандемии коронавируса:

как в дветысячидвадцатом
все и засрано, и всрато
не понос, так вирусы
боже правый, смилуйся.

Подписчики присоединились к ее задумке и оставили в комментариях свои частушки про события, которыми им запомнился год. К примеру, стендап-комик Александр Долгополов написал частушку, посвященную политическому кризису в Беларуси («А когда я был малец / Пил у пива пенку / Когда же свергнут наконец / Сашу Лукашенко»).

В мае 2020 г. на портале «Самарские судьбы» Геннадий Зенков объявил конкурс – предложил посетителям сайта написать частушки про коронавирус⁵³. Тексты, которые он отберет из комментариев, должны были войти в сборник частушек про коронавирус, а авторы, приславшие определенное количество частушек, награждались «виртуальной вакциной», званием поэта-частушечника и дипломом имени Крокодила Гены. 26 и 27 мая пользователь Виктор Маньков в комментариях предложил три частушки для конкурса. Вот одна из них:

Дед пришёл ко крохе-внуку
Преподавать мальцу науку:
– Побеждай врага не палкой
– Антивирусной смекалкой.

*** Настоящий материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен иностранным агентом Дарьей Андреевной Серенко, содержащейся в реестре иностранных агентов, либо касается деятельности иностранного агента Дарьи Андреевны Серенко, содержащейся в реестре иностранных агентов 18+.

⁵² Тихий пикет // Twitter. URL: <https://mobile.twitter.com/Tihiipiket/status/1341154880510193665> (дата обращения 20 ноября 2021). Социальная сеть Twitter запрещена в РФ.

⁵³ Объявление о конкурсе на включение в сборник и предложенные частушки можно посмотреть здесь: Сборник антикоронавирусных частушек // Самарские судьбы: Сайт для общения творческих людей. URL: <https://samsud.ru/news/sbornik-antikoronavirusnyh-chastushek.html> (дата обращения 20 декабря 2021). На сайте «Самарские судьбы» есть и другие похожие объявления.

27 мая Маньков выложил на сайты «Стихи.ру» и «Изба-читальня» и на свою страницу в «Одноклассниках» подборку из шести частушек, в числе которых были три «конкурсные»⁵⁴. В подборке мы видим уже разобранный нами в разделе «Частушка как стилизация» тип бытования интернет-частушек: изначально спонтанные и созданные как независимые друг от друга в рамках импровизированного агона тексты превратились в единое повествование о том, как семья уезжает на дачу, чтобы провести там период самоизоляции. Этот пример интересен тем, что подборка «на наших глазах» не только появилась, но и приобрела сюжетность, тогда как «единичные» частушки в комментариях были законченными текстами.

Другой критерий фольклоризации – потеря текстом авторства и появление устойчивого набора сюжетов, которые говорят о том, что текст был присвоен традицией. Это произошло, например, с частушками про коронавирус. Тексты о пандемии оказались настолько востребованы, что на сайтах-агрегаторах стали появляться подборки, составленные из нескольких подборок, при этом в подобных «метаподборках» изначально авторские частушки смешивались между собой и утрачивали авторство.

Так, на сайте Heaclub размещена подборка из 471 (!) частушки⁵⁵. Легко найти некоторые ее «компоненты» – небольшие авторские подборки⁵⁶. Восстановить траектории бытования текстов

⁵⁴ Анतिकоронавирусные частушки // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2020/07/03/8912> (дата обращения 20 декабря 2021); Конкурс антикоронавирусных частушек на сайте «Самарские судьбы» // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/viktor.mankov/statuses/151654190989498> (дата обращения 20 декабря 2021); Анतिकоронавирусные частушки // Изба-читальня. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2845312/> (дата обращения 20 декабря 2021).

⁵⁵ Частушки про коронавирус и самоизоляцию // Heaclub: Женский клуб красоты и здоровья. URL: <https://heaclub.ru/chastushki-pro-koronavirus-kovid-pro-samoizolyaciyu-ot-koronavirusa-luchshaya-podborka> (дата обращения 21 декабря 2021). Страница в настоящее время недоступна.

⁵⁶ Часть подборки написана Дмитрием Надеиным и выложена на сайте «Проза.ру». См.: Частушки про коронавирус // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2020/11/09/6> (дата обращения 28 декабря 2023); часть выложена пользователем Аленчик Боровонос. См.: Частушки про коронавирус, карантин и самоизоляцию // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2020/05/22/677> (дата обращения 28 декабря 2023); и т. д. Найти источники для всех частушек из подборки не представляется возможным.

(на каком сайте они были размещены впервые, сколько репостов прошли, прежде чем попасть в эту подборку) невозможно, однако видно, что их путь был долгим: некоторые тексты в подборке повторяются с незначительными вариациями. Видно, что разные авторы были знакомы с этими вариантами и создавали свои. В качестве примера можно привести две частушки, эксплуатирующие один и тот же сюжет: разную доступность ПЦР-тестов на коронавирус для рядовых россиян и для элит.

Для элиты есть указы:
Делать тесты от заразы.
А другим здоровья для
Маску дать за три рубля!

Тесты делают банкиру.
Ты ж как хочешь, так живи.
Для элит – коронавирус.
Для народа – ОРВИ!

Тексты, критикующие действия властей, вероятно, можно объяснить как попытку символического сопротивления – завуалированную критику мер, принимаемых для борьбы с ковидом, которые кажутся населению недостаточными или, наоборот, избыточными и неудобными. Однако таких текстов немного, сюжеты с политической критикой в корпусе «коронавирусных» частушек не доминируют. Куда чаще частушки осмысляют изменившийся быт. Так, еще один сюжет «ковидных» частушек – это ирония над страхом дефицита гречки и туалетной бумаги, которого многие ожидали в феврале–марте 2020 г.:

За продуктами рванула
Баба, сев на помело.
В магазине так чихнула,
Разом с полок всё смело!

Я привёз на колымаге
Сто рулонов из бумаги.
И держу по ветру нос,
Жду и соплю, и понос⁵⁷.

Другие устойчивые сюжеты текстов о коронавирусе: критика самоизоляции, требование выдать пособия на время карантинных ограничений⁵⁸, шутки про невозможность сексуальной жизни (из-за требований оставаться дома, носить маски, не приближаться к людям ближе чем на полтора метра и т. д.), народные псевдомедицинские способы лечения от вируса, удаленная

⁵⁷ Частушки о коронавирусе и сопутствующих предметах // Неизвестный гений. URL: <https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/stihi/2126887.html> (дата обращения 21 марта 2022).

⁵⁸ Это требование появляется не в частушках, необходимость выплаты «вертолетных денег» широко дискутировалась весной 2020 г.

работа и учеба. Например, частушки на эти темы можно найти на сайте «бытиЁмое точка ру»⁵⁹:

Наши деньги на исходе,
Только шуток – до хрена,
Может ими заплатить нам
За апрель за ЖКХ?

Для соития и ласки
Я пришёл к любимой в маске
И до самого заката
Целовал ей респиратор.
Правда, понял лишь в конце
Что он был не на лице.

С кумом гоним самогон
Из листов папируса –
Помогает только он
От коронавируса⁶⁰.

Такую востребованность частушек (как и всех остальных типов текстов) про коронавирус можно объяснить тем, что пандемия резко меняет образ жизни и повседневные конвенции, что требует обсуждения⁶¹. Здесь прагматика интернет-частушек возвращается к прагматике традиционных устных частушек: эти тексты эксплицируют точки напряжения в обществе и дают возможность обсудить новые социальные нормы.

⁵⁹ Частушки про коронавирус – смешные прикольные современные // бытиЁмое точка ру. URL: <https://bytiemoe.ru/chastushki-pro-koronavirus/> (дата обращения 21 марта 2023).

⁶⁰ Эта частушка также была записана моими коллегами по проекту РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» в экспедиции в г. Бирск как устная. См.: Частушки Бирского района Республики Башкортостан (по материалам экспедиции 2021 г.) // Частушечный проект ЦТСФ. URL: <http://chastushkactsf.tilda.ws/expo2021> (дата обращения 21 марта 2023).

⁶¹ Анализируя шутки в социальных сетях, коллектив авторов под руководством Александры Архиповой* пришел к выводу, что сильнее всего дискутируются инфоповоды, связанные именно с переоценкой устоявшихся ценностей и изменением конвенций [Архипова*, Радченко и др. 2018].

Заключение

Интернет-частушки – это не частушки в том значении, в котором их понимают исследователи (короткие вернакулярные спонтанные тексты, которые осмысляют реалии современности и зачастую исполняются в формате агона). Частушками авторы и собиратели называют и собственно частушки, и пирожки, порошки, куплеты, лимерики и просто четырехстрочные стихотворения. Можно предположить, что представление о форме частушки размывается из-за того, что уходит практика устного исполнения этих текстов. Частушкой, таким образом, становится любое небольшое стихотворение. Причисление текста к частушкам как бы легитимирует грубый юмор, обценную лексику и подчеркнутую критичность к персонажам и событиям, о которых идет речь.

Сложно однозначно ответить на вопрос, являются ли эти интернет-частушки фольклорными текстами или стилизацией. Как мне кажется, степень их фольклорности можно представить в виде спектра. На одном его конце находятся тексты, которые являются стопроцентной стилизацией, в особенности это касается так называемых подборок, которые в действительности являются не подборками, а полноценными стихотворениями с развернутым сюжетом. Четырехстрочная (реже – шестистрочная) строфа, псевдофольклорная стилистика и хулиганская лексика – единственное, что роднит эти тексты с частушками. Такие стихи часто дополняются картинками, а в некоторых случаях даже музыкой. На другой стороне спектра находятся тексты, которые появляются в формате импровизированного интернет-агона: пользователи спонтанно создают их в момент коммуникации как ответ на предыдущую частушку или на предложение написать частушку. Здесь важен элемент соревнования и игры, интертекстуальные средства выразительности, такие как картинки или музыка, применяются редко. Учитывая, что функционал социальных сетей легко позволяет их использовать, можно предположить, что главная функция этих текстов авторами мыслится не как эстетическая, а как коммуникативная – они осознанно не добавляют в свой текст дополнительные мультимедийные компоненты. Между этими полюсами находится множество текстов, которые не создаются спонтанно, но являются реакцией на актуальные события и попыткой их осмыслить (прагматика этих текстов, таким образом, сближается с прагматикой традиционной частушки), они с разной степенью активности перепозиционируются. Влияет на «фольклорный потенциал» частушек и платформа, на которой они выложены. Спонтанные тексты, как правило, появляются на тех интернет-площадках, где возможность

комментирования включена в функционал (это социальные сети и некоторые порталы). На сайтах-агрегаторах с текстами коммуницировать сложнее – они существуют в стабильном виде и не могут быть включены в агон.

Однако контекст советских политических или озорных сельских частушек – не единственный, который задает стилистические и содержательные рамки для авторов и собирателей интернет-частушек в наши дни. Представления о частушках нередко возникают на основе некоторого идеализированного, «лубочного» представления о фольклоре как об источнике нравственности и трансляторе народной культуры. Так появляются детские, «псевдонародные» и патриотические частушки.

Отдельной исследовательской проблемой является соотношение устного и письменного бытования частушек. Некоторые из текстов, на которые я ссылаюсь в этой статье, размещены на сайтах с частушками для мероприятий – корпоративов или детских утренников – и, с большой вероятностью, исполняются устно. Мне кажется, что такой тип бытования является не фольклорным, а скорее эстрадным. Вероятно, что перед исполнением частушки заранее отбираются и встраиваются в драматургию мероприятия, а не сочиняются или припоминаются в рамках агона. Однако в некоторых случаях Интернет может служить источником заимствования для устной традиции. Как было отмечено выше, один из текстов, найденный мной в Интернете, был параллельно записан моим коллегой в экспедиции. Возможно, здесь сыграло роль то, что темой этой частушки были псевдомедицинские способы лечения коронавируса, которые были на слуху и часто обсуждались в 2020–2021 гг. Можно предположить, что именно поэтому частушка, увиденная в Интернете, запомнилась читателю, была им исполнена и закрепились в устной традиции.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песня в русской культуре: поэтика, историческая динамика, социальный контекст» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song in Russian culture: poetics, historical dynamics, social context” (competition “Student project research teams of RSUH”).

Литература

- Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: Амфора, 2004. 312 с.
- Алексеевский 2010 – *Алексеевский М.Д.* Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу: навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: сборник материалов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 151–166.
- Алексеевский 2013 – *Алексеевский М.Д.* Очерки из новейшей истории российского политического анекдота // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое издательство, 2013. С. 250–305.
- Архипова*, Неклюдов 2010 – *Архипова* А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 1. С. 84–108.
- Архипова*, Радченко и др. 2018 – О чем мы на самом деле шутим: количественный анализ анекдотов 2017 г. / А.С. Архипова*, Д.А. Радченко, С.В. Белянин, А.А. Кирзюк, Д.Ю. Доронин, Е.Ф. Югай // Фольклор и антропология города. 2018. Т. 1. № 1. С. 180–203.
- Джеймисон 2019 – *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
- Зеленин 1999 – *Зеленин Д.К.* Современная русская частушка // Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: В 2 т. М.: Ладомир, 1999. Т. 2. С. 459–482.
- Копосов 2011 – *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Малая, Закревская, Аиткулова 2020 – *Малая Е.К., Закревская Е.А., Аиткулова Э.Р.* Между женской верностью и изменой: фольклорные переделки военных песен // Фольклор и антропология города. 2020. Т. 3. № 3–4. С. 69–104.
- Миллер 2012 – *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI в.: сборник статей / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
- Минаева, Панченко 2013 – *Минаева А.П., Панченко А.А.* «Сон Горбачева» и русский политический фольклор // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое издательство, 2013. С. 171–205.
- Петренко 2014 – *Петренко С.Н.* Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. 2014. № 7 (92). С. 129–135.

- Петрова 2009 – *Петрова А.А.* Частушка и садистский стишок: память жанра: Вербальное, виртуальное, визуальное // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 408–424.
- Разувалова 2015 – *Разувалова А.И.* Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с. (Новое литературное обозрение: научное приложение; вып. 146).
- Селиванов 1993 – *Селиванов Ф.М.* Частушка // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / отв. ред. К.П. Кабашников. Мн.: Наука и техника, 1993. С. 444–446.
- Тубалова 2011 – *Тубалова И.В.* Современная письменная частушка: новая художественная форма в современной культурной парадигме // Вестник Томского государственного ун-та. Культурология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 50–58.
- Фокин 2007 – *Фокин А.А.* Советская смеховая культура в эпоху «Развернутого строительства коммунизма» // Вестник Челябинского государственного ун-та. 2007. № 13. С. 125–130.
- Фокин 2018 – *Фокин А.А.* Тема выборов и демократии в позднесоветском политическом фольклоре // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 55–63. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/fokin.pdf (дата обращения 12 ноября 2023).
- Эмер 2008 – *Эмер Ю.А.* Частушка как народная рефлексия ценностной системы // Вестник Томского государственного ун-та. 2008. № 313. С. 39–42.
- Astapova 2021 – *Astapova A.* Humor and rumor in the post-Soviet authoritarian state. Lanham: Lexington Books, 2021. 184 p.
- Hobsbawm 2000 – *Hobsbawm E.* Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914 // *The invention of tradition* / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 263–309.

References

- Adoniev, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], Saint Petersburg State University Press, Amfora, Saint Petersburg, Russia.
- Afanasiev, A.N. (1991), *Russkie zavetnie skazki* [Russian secret tales], Blanka, Boyanych, Saint Petersburg, Russia.
- Alekseevskii, M.D. (2010), “Folklore about the Internet or Internet-folklore? Modern folklore studies and virtual reality”, in *Ot kongressa k kongressu: navstrechu Vtoromu Vserossiiskomu kongressu folkloristov: sbornik materialov* [From Congress to Congress: towards the second All-Russian Congress of folklorists: collection of materials], The State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russia, pp. 151–166.

- Alekseevskii, M.D. (2013), "Essays on the recent history of Russian political folklore", in *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore: research and publications], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 250–305.
- Arkhipova*, A.S. and Nekludov, S.Yu. (2010), "Folklore and state in a closed society", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1, pp. 84–108.
- Arkhipova*, A.S., Radchenko, D.A., Belyanin, S.V., Kirzuk, A.A., Doronin, D.Yu. and Yugai, E.F. (2018), "What do we joke about: quantitative analysis of jokes (2017)", *Urban Folklore and Anthropology*, vol. 1, no. 1, pp. 180–203.
- Astapova, A. (2021), *Humor and rumor in the post-Soviet authoritarian state*, Lexington Books, Lanham, Maryland, USA.
- Emer, Yu.A. (2008), "Chastushka as a folk reflection on a moral values", *Tomsk State University Journal*, no. 313, pp. 39–42.
- Fokin, A.A. (2007), "Soviet culture of humor during the epoch of building communism", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 13, pp. 125–130.
- Fokin, A.A. (2018), "Elections and democracy in a modern political folklore", *Magistra Vitae: elektronii zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*, vol. 1, pp. 55–63, available at: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/fokin.pdf (Accessed 12 Nov. 2023).
- Hobsbawm, E. (2000), "Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914", in Hobsbawm, E. and Ranger, T., eds., *The invention of tradition*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 263–309.
- Jameson, F. (2019), *Postmodernizm ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism], Gaidar University, Moscow, Russia.
- Koposov, N.E. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory on a strict regime: history and politics in Russia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Malaia, E.K., Zakrevskaya, E.A. and Aitkulova, E.R. (2020), "Between female fidelity and adultery: folk remakes of war songs", *Urban Folklore and Anthropology*, vol. 3, no. 3–4, pp. 69–104.
- Miller, A.I. (2012), "Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21st century", in Miller, A. and Lipman, M., eds., *Istoricheskaya politika v XXI veke: sbornik statei* [Politics on history in 21st century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 7–32.
- Minaeva, A.P. and Panchenko, A.A. (2013), " 'Gorbachev's dream' and Russian political folklore", in *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniya i publikatsii*, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 171–205.
- Petrenko, S.N. (2014), "Pirozhki and poroshki: Internet-poety between folklore and literature", *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 92, no. 7, pp. 129–135.

- Petrova, A.A. (2009), "Chastushka and sadistic rhyme memory of a genre. Verbal, virtual, visual", *Antropologicheskii forum*, no. 11, pp. 408–424.
- Razuvalova, A.I. (2015), *Pisateli-derevenshchiki: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [The village writers: literature and conservative ideology in 1970-s], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Selivanov, F.M. (1993), "Chastushka", in Kabashnikov, K., ed., *Vostochnoslavianskii folklor: slovar' nauchnoi i narodnoi terminologii* [Eastern Slavic folklore: A dictionary of scientific and folk terminology], Nauka i tekhnika, Minsk, Belarus, pp. 444–446.
- Tubalova, I.B. (2011), "Modern written chastushka: a new form of writing in modern cultural paradigm", *Tomsk State University. Journal of Cultural Studies and Art History*, no. 4, pp. 50–58.
- Zelenin, D.K. (1999), "Modern Russian chastushka", in Kulagina, A.V., ed., *Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova: V 2 t. T. 2: Politicheskie chastushki* [Secret chastushkas collected by A.D. Volkov, vol. 2 перевод], Lodomir, Moscow, Russia, pp. 459–482.

Информация об авторе

Екатерина А. Закревская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zakrevskaya.ea@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Zakrevskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakrevskaya.ea@gmail.com

Коллекция песенников в ЦТСФ РГГУ: типологическая и жанровая характеристика

Ульяна А. Петухова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petuhovauljana@rambler.ru*

Аннотация. Традиция ведения альбомов-песенников возникла в конце XVIII, а в России была особенно популярна в XIX–XX вв. Тетради с песнями, с текстами классической литературы, пожеланиями, посланиями вели школьники, военные, солдаты, заключенные, другие возрастные, профессиональные социальные группы.

В Центре типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета хранится несколько документов, составленных в 1930–2000-х гг.: девичьи альбомы и песенники, солдатские блокноты, песенник-самиздат приходского лагеря храма свв. бесср. Космы и Дамиана. Рукописи отражают основные особенности, присущие такого рода парафольклорной письменности. Основное место в них занимают песни (баллады, романсы, эстрадные, песни из кинофильмов, пародии на шлягеры), сентенции (пожелания, наставления, умозаключения и проч.), альбомные штампы, художественные элементы (переводные картинки, рисунки, вырезки из журналов); в девичьих тетрадях есть и элементы с установкой на перформативность и коммуникативность (тексты для гадания: чихалки, икалки).

В статье будет рассмотрена коллекция песенников: жанровый состав и характеристика репертуара рукописей, особенности их составления и оформления, прагматика, типологическое обозначение документов.

Ключевые слова: парафольклорная письменность, песенник, альбом, солдатский фольклор, детский фольклор

Для цитирования: Петухова У.А. Коллекция песенников в ЦТСФ РГГУ: типологическая и жанровая характеристика // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 68–82. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-68-82

Collection of songbooks
at the Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies RSUH:
Typological and genre characteristics

Uliana A. Petukhova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, petuhovauljana@rambler.ru*

Abstract. The tradition of keeping songbooks emerged in the late 18th century and was particularly popular in Russia in the 19th and 20th centuries. Notebooks with songs, texts of classical literature, wishes, and messages were maintained by schoolgirls, military personnel, soldiers, prisoners, and various other age and professional social groups.

The Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities contains several documents composed in the 1930s – 2000s: girls' albums and songbooks, soldiers' notebooks, a samizdat (self-publishing) songbook from the parish camp of the Church of St. Cosmas and Damian. The manuscripts reflect the main features inherent in this kind of parafolklore writing. The main place in them is occupied by songs (ballads, romances, pop songs, songs from films, parodies of hits), sententiae, (wishes, counsels, conclusions and other), album stamps, artistic elements (decals, drawings, magazine clippings); in the girls' notebooks there are also elements with an emphasis on performativity and communication (texts for fortune telling: "chihalki", "ikalki").

The article will examine a collection of songbooks: genre composition and characteristics of the repertoire of manuscripts, features of their compilation and design, pragmatics, typological designation of documents.

Keywords: parafolklore writing, songbook, album, soldier's folklore, children's folklore

For citation: Petukhova, U.A. (2024), "Collection of songbooks at the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies RSUH: Typological and genre characteristics", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 68–82, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-68-82

Традиция составления альбомов берет начало с конца XVIII – первого десятилетия XIX в. и существует до сих пор, встраиваясь в новые условия функционирования социальных групп, закономерно заимствуя возможности создания, сохранения и передачи сообщения. Изначально ведение альбомов было прерогативой высших, образованных слоев общества, интеллигенции, поэтому рукописные личные альбомы и песенники стали прежде всего

средством изучения биографии конкретного человека, автора тетради. В конце XIX в. альбомы получили широкое распространение в замкнутых коллективах женских гимназий и пансионов, уйдя из внутрисемейной среды¹. Только в 1920–1930-е гг. произошли кардинальные изменения в традиции: вести тетради стали все классы, получившие минимальное образование, особенно школьницы, которые привносили в репертуар сборников свою «крестьянскую или «посадскую» («фабрично-заводскую») фольклорную традицию» [Головин, Лурье 1998]. В условиях постфольклора все более дифференцируется фольклор различных сообществ, возникает «тенденция к формированию “закрытых” традиций» [Неклюдов 1997]; при смене «фольклорной парадигмы» [Неклюдов 1997] фольклор оказывается «полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества» [Неклюдов 1997] – тетради-песенники ведут военные, девочки-школьницы, солдаты, студенты, отдыхающие в пионерских лагерях, уголовники, заключенные детских колоний и др.

Фольклористу изучение песенников полезно по ряду причин: во-первых, они позволяют выделить определенный жанровый срез традиции, актуальный песенный репертуар эпохи, в которой создавалась рукопись, и субкультуры, членом которой был составитель (школьник, участник пионерского лагеря, солдат срочной службы, дембель); во-вторых, оформление тетради отражает культурный фон, в котором находится человек: от переводных картинок до вырезок из журналов, от рисунков вечного огня и заставок западных фильмов до портретов советских актеров; в-третьих, представляет интерес сама альбомная традиция как явление парافольклорной письменности, как занимающая «пограничное положение между ЕПР (естественной письменной речью) и ИПР (искусственной письменной речью)» [Архипова 2005, с. 185].

В последние десятилетия рукописные источники являются объектом пристального внимания фольклористов. Изучалась традиция ведения песенников [Архипова 2005; Калашникова 2004; Головин, Лурье 1998; Позднеев 1956; Рычкова 2015; Чеканова 2006], публиковались тексты песен, к ним давался академический комментарий²; рукописные источники учитываются

¹ Отметим, что, по мнению А.К. Байбурина, альбомная традиция возникла в среде европейских студентов и связана с «художественным самовыражением составителя и его социализацией в группе (субкультуре)» [Байбурин 2009а, с. 20].

² *Бахтин В.С.* Песни Ленинградской области: Записи 1947–1977 гг. Л.: Лениздат, 1978; Боян: Поэтическая речь русских: Народные песни

при изучении истории конкретного текста [Лурье 2009; Неклюдов 2005].

В Центре типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета хранится несколько песенников, относящихся к XX – первому десятилетию XXI в.: пять тетрадей, составленных школьниками, два дембельских альбома и один песенник-самиздат приходского лагеря православного храма. Ценность их в том, что составители тетрадей принадлежат к разным социальным группам, представляют основные субкультуры носителей традиции (пожалуй, здесь недостает только альбомов заключенных), а также в том, что песенники охватывают практически полный период современной городской формы существования рукописных песенников: в самом старом документе под записями поставлены даты начиная с 1930-х гг. самый новый можно датировать лишь приблизительно 2000-ми гг.

Школьные девичьи альбомы-песенники

Тетради, принадлежавшие школьникам, отражают характерные черты низовой альбомной традиции: «пошловатые»³ стишки, которыми полны рукописи, переписывающиеся из тетради в тетрадь, песни, прозаические произведения, стихотворные тексты, часто записывающиеся без расстановки границ между строками; все тексты содержат большое количество орфографических, пунктуационных ошибок, опечаток, исправлений. Внешне тетради никак не маркированы: часто это обычная тетрадь объемом от 11 до 80 листов, имеющая на обложке типологическое обозначение («Песенник», «Тетрадь для песен и стихов», «Выдержки, стихи и песни»), иногда – имя автора или имя адресата альбома.

Две тетради принадлежат Нине Пряниковой. Первые записи в альбоме подписаны 1930-ми гг., а позже, в 1941 г., были внесены новые. О возрасте, статусе владельца можем догадываться лишь по второстепенным сведениям: девичий альбом обычно заполняли ровесники, люди приблизительно равного возраста и статуса. Поскольку одна из записей в документе содержит пометку «Люся

и современный фольклор / собр. А. Бройдо, Я. Кутыгина, Я. Бройдо. URL: <https://daabooks.net/indexkoi.html> (дата обращения 17 ноября 2023). См. также: [Головин, Лурье 1998; Бройдо 2008; Русский школьный фольклор 1998; Фольклор без фольклористов 2019].

³ Альбинос // Толковый словарь Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal/альбинос> (дата обращения 18 ноября 2023).

Горшкова 12 л<ет>», можно предположить, что адресат сообщения примерно того же возраста.

Другая тетрадь заполнена не раньше 1937 г., о чем можно судить по приуроченности выпуска тетради к столетию со дня смерти А.С. Пушкина. Возможно, две тетради велись одновременно, поэтому они разделяются типологически: одна – альбом – заполнена пожеланиями владельцу тетради от разных людей, другую – песенник – владелец составлял самостоятельно, она в основном содержит песни.

Другая, третья тетрадь на обложке имеет название «Песенник» и подписана на обложке, что она принадлежит Бугровой Наташе и составлена с 18.04.73 по 13.04.74. Примерно к тому же времени можно отнести тетрадь Наташи Ш.⁴, которая имеет «авторское» название «Выдержки, стихи и песни», о чем можно судить по записанным в ней текстам, самые современные из которых датируются 1975 г.

Рукопись под названием «Тетрадь для песен и стихов» составлена не раньше 1990 г., судя по датам создания некоторых записанных в ней текстов песен. В рукописи не указаны имена, только на третьей странице обложки есть почтовый индекс Севастополя и имя – Самолук Владимир. Установить, кому она принадлежала, затруднительно, но по репертуару (популярные песни о любви, сентенции, рисунки мультипликационных персонажей) можно предположить, что автор этого песенника тоже школьница, как и составители описанных выше документов.

Лейтмотивом записей служит любовная тематика. Лишь в тетради Наташи Ш. есть песни пионерского лагеря «Искатели», песни, которые могли петь в школьном хоре («Наша школьная страна», «Отважная песня»), пацифистские тексты («Я зарю свой меч и чит...»), частушки. Остальные же – популярные романсы (например, «Васильки...», «Как на главном Варшавском вокзале...», «Дайте ходу пароходу...»), шлягеры («Лебединая верность», «Яблони в цвету», «Надежда», «Алиса», «Люди встречаются...» и др.), песни из кинофильмов («Неуловимые мстители» (1966 г.), «Золушка» (1947 г.), «Они были первые» [1956 г.]), переделки песен («Ромашки сорваны, соседи спрятались...» («Ромашки спрятались, поникли лютики...»), «Если б гитара умела...» («Если б гармошка умела...»)). Примечательно, что из около 200 песенных текстов в девичьих альбомах повторяется лишь один – «Огонек», причем в тетради, озаглавленной «Песенник», подряд записаны

⁴ Написание фамилии неразборчиво, можно предположить, что «Шестова». В дальнейшем будем обозначать по имени и инициалу фамилии.

сразу два варианта – исходный текст М.В. Исаковского с небольшими изменениями и переделанный, с отрицательной коннотацией. Такое разнообразие текстов говорит о богатстве традиции, возможно, о желании выделиться, иметь в альбоме, с одной стороны, самые популярные песни (с этой точки зрения многообразие обусловлено временной разрозненностью рукописей), а с другой – реже встречающиеся в подобных тетрадах. Отсутствие песен о партии, В.И. Ленине, идеологически окрашенных текстов характерно для постфольклора, существующего в оппозиции к диктуемым властями правилам.

Поэтический альбомный корпус составляют стихи русских поэтов XIX–XX вв. Среди них в альбоме 1930 г. – А.А. Ахматова («Я с тобой не стану пить вино...», «Как велит простая учти-вость...» и др.), Ф.К. Сологуб («Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг...», «Люби меня ясно, как любит заря...»), А.А. Фет («Какое счастье: и ночь, и мы одни...»). Трудность представляет определение авторства некоторых текстов. Вероятно, они сочинены самим автором тетради. Это относится и к прозаическим произведениям – рассказы есть только в «Тетради для песен и стихов».

Наряду с песнями в рукописях есть и сентенции – альбомные поэтические штампы. Это наставления, поучения, пожелания, написанные владельцем альбома или другим, адресованные ему. Они записываются по одному, могут быть объединены под общим заголовком («Выдержки»), иллюстрируют песню (например, после песни «Наташа» («Хотят меня с ума свести / Наташку держат взаперти...»): «Убегает в горы старый конь / Надобно веревкою связать / А уходит девушка – не тронь / Старую любовь не навязать»), оформляют тетрадь («Тили, тили, тили бом / Открывается альбом. / Писал не писатель, / Писал не поэт. / Писала девчонка 15 лет!»). Можно выделить и следующие разновидности альбомных речевых жанров: обращение к владельцу альбома от него самого / от другого («Люблю тебя, как рыба воды...»); советы и наставления от владельца альбома к его читателю и наоборот, к владельцу («Будь настолько горда / Что б заставить себя / Не любить того / Кто не любит тебя»); умозаключения (чаще – о противоположном поле: «что за народ эти мальчишки»); определения любовных терминов («Ревность – это тень любви...»; «Любовь – это ток, от которого сгорают все предохранители»), любовный этикет («Если видишь, что тебя полюбили / Но не в силах сама полюбить / Не губи, как <нрзб> губили / А скажи, что не в силах любить»). В одной рукописи ее владелец записал три короткие сентенции, которые озаглавил как «подпись фотографий» (напр., «Дарю тому, о ком мечтаю / о ком я думаю всегда. / Кого я, лучше всех считаю

и не забуду / никогда»⁵). В альбоме Пряниковой около половины записей подписаны именем и/или датой, намеренно анонимизированы («Писала я узнай меня»). Личная подпись «указывает на ту или иную степень присутствия своего создателя – от авторства до ознакомления и знакомства» [Байбурин 2009б, с. 69]. Подписи дают понятие о контексте, в котором создавался альбом, – окружение адресата сообщений (молодые люди, подруги, сестра; их возраст; владение традицией, умение грамотно писать и проч.), даты заполнения альбома.

Речевые жанры, сентенции, записываемые в альбомы, песенники, стереотипны [Архипова 2005, с. 185], личные переживания выражены через клишированные тексты, которые переходят из альбома в альбом⁶. Такие «эмоциональные матрицы» [Лярский, Фахретдинов 2019, с. 155], «предзнания» [Неклюдов (1)] дают «возможность правильного понимания и успешности интерпретации сообщения в устной⁷ коммуникации» [Неклюдов (1)], верного применения знания к собственным эмоциям. Несмотря на то что их содержание и форма клишированы, но среди коллекции сборников практически не встречаются повторяющиеся тексты. Можно привести в пример лишь следующие: «В 15 лет – любовь опасна / В 16 – хуже нет любви / В 17 лет – любовь прекрасна»;

⁵ Сохранены авторская орфография и разделение на строки.

⁶ Возможно, некоторые из них могли заимствоваться из печатных изданий, письмовников (популярных в XIX – начале XX в.), отрывных календарей, содержащих кроме писем и устных объяснений в любви – стихи, превозносящие адресата, и остроумные изречения, сходные с альбомными (ср.: «Лучшая победа женщины – не давать себя победить» (*Красовский Н.И.* Полный письмовник для влюбленных: Настольная книга для молодых людей: Руководство к изучению житейской мудрости: Правила общественных приличий и хорошего тона, принятого в светском интеллигентном обществе, правил ловкости и любезности секретных тайн любви и уменье делать выбор жениха и невесты; Образцы любовных писем, стихотворений, акrostихотворений и нежных посвящений / сост. Н.И. К-ский. М.: А.Д. Сазонов, 1916) и «Умри, но не давай поцелуя без любви» – в альбоме). В современной цифровизованной культуре это схоже со статусами в социальных сетях (ср.: «В молодости упустишь. В старости не наверстаешь...»; «Любовь это когда душа видит свое отражение в другом человеке». См.: Статусы для социальных сетей (300 статусов). URL: <https://all-aforizmy.ru/citaty/statusy-dlya-sotsialnyh-setey-300-statusov/> (дата обращения 17 ноября 2023).

⁷ Добавим, что не только в устной коммуникации, но в современных условиях и в письменной форме передачи сообщения.

«В 13 лет – любовь опасна, / В 15 лет – она верна, / В 17 лет – она прекрасна, / А в 25 – увь, стара!».

Отдельные речевые жанры представляют собой тексты, поясняющие гадания: чихалки, икалки. Суть их заключается в том, чтобы узнать значение чихания или икания в определенное время суток; для этого каждый час каждого дня недели с 7 утра до полуночи расписан действиями, которые произойдут, если будет предзнаменования в виде названного физиологического действия. Все эти события связаны с теми, что могут случиться в реальности («радость», «огорчение», «ребятам нравится твоя улыбка»), могут выражать советы («сходи гулять, не пожалеешь», «тебе надо быть чуть-чуть поскромнее», «люби его вечно»), проецировать в виде знака, о чем мечтает («жди свидание», «он тебя вспоминает») или чего боится («он любит другую», «тот, с кем тебе хорошо, тебя не любит») девушка.

Девичий альбом характеризуется установкой на перформативность и коммуникативность, направленность на нелинейное чтение текста, языковую игру. Среди перформативных элементов одну группу составляют такие, которые требуют действие: в двух тетрадах есть листы, сложенные в виде треугольника с надписью «Секрет», «Открывать нельзя!»; если же развернуть лист, то внутри будут обличительные штампы, такие как «Ах, какая же ты свинья! / Ведь тут написано / Нельзя!»; страницы, согнутые пополам, внутри которых записаны пожелания. В другую группу перформативных альбомных элементов можно отнести акростихи и прочие игры со словом. Так, обозначения конца записи песенного определяются *di xi* в виде слова «конец», которое обыгрывается то как простая дробь и уравнение, то как палиндром («ценок»).

Художественную часть девичьего альбома составляют рисунки, вырезки, переводные картинки. Графическое оформление полей страниц, названий песен, рисунки виньеток, разделяющих тексты, выполняются цветными карандашами, шариковыми ручками, фломастерами. В альбоме Пряниковой Нины тексты проиллюстрированы переводными картинками; вся тетрадь, адресованная Бугровой Наташе, почти на каждом развороте имеет вырезки из периодических изданий, которые показывают моду, знаменитых актеров (Донатас Банионис, Виктор Павлов, Лариса Голубкина, Екатерина Савинова, Татьяна Доронина, Светлана Светличная, Ольга Остроумова, Ия Саввина и др.).

Солдатские блокноты

Жанровый репертуар и особенности оформления из девичьего альбома заимствуются в блокноты солдат срочной службы.

Альбомы, хранящиеся в коллекции ЦТСФ, датируются 1970-ми гг. Оба владельца блокнотов служили в войсках ПВО, в Электростали Московской области и в Уфе (1977–1979 гг.), их имена неизвестны. Рукописи составлены в телефонной книге, непосредственная функция которой реализуется только в записях адресов и почтовых индексов.

Заполнение блокнота, с одной стороны, выполняется с целью создать «вещь на память», что характерно для дембельского альбома или тетради военного, который может храниться в семейном архиве как реликвия, даже «меморализовываться» как «памятник, воздвигнутый... собственному прошлому» [Лярский, Фахретдинов 2019, с. 153]. С другой стороны, солдатский альбом обладает психотерапевтической функцией; по мнению А. Бройдо, такой блокнот живет около пяти лет – «два года ведения и три года по окончании записи» [Бройдо 2008, с. 23].

Тематическое наполнение солдатских блокнотов определяет отношение составителя к рукописи: часто они повторяют девичьи альбомы-песенники, в них примерно половину содержания составляют различные речевые жанры, по структуре схожие с теми, что есть и в школьных тетрадях. Лейтмотивом, объединяющим все тексты рукописи, выступает любовная тема, ожидание дембеля. Мотивы переживания о будущем определяют сходство с девичьими, тюремными альбомами, создаваемыми людьми в периоды бифуркации, жизненных перемен. В этом аспекте противопоставляются солдатам и студентам как класс людей, который остался дома, с их невестами: «Кто был студентом – видел юность, кто был солдатом – видел жизнь».

Среди речевых жанров можно выделить сентенции о тяготах службы («Сурова жизнь, коль молодость в шинели / И юность перетянута ремнем / Здесь долго тянутся недели / А молодость уходит день за днем...»), «краткие советы и изречения» о доблести и чести («Человек никогда не должен становиться на колени. Если он встал на колени, он уже не человек»), о том, какой должна быть женщина («Лучше целовать пепельницу, чем курящую женщину»), фразеологизированные высказывания («Водка – враг для солдата, но солдат не боится врагов», «Чтоб кто-то мог в руках держать цветы, мы держим карабины»). Для выражения сентенций используются привычные приказные формы, которым даются юмористические переделки: «С кем спит мужчина за свою жизнь» (с соской, с мишкой, с книжкой и т. д.), «Чем жена удерживает

мужа» («а) немка – питанием / б) англичанка – воспитанием...» и т. д.), исторически актуальные — «Кого запустили в космос» («а) 4 татарина вместо Гагарина / б) 4 грузина для открытия магазина...» и т. д.). В форме молитвы написана «Молитва солдата», в которой перечисляется, от чего просит спасти дембель, причем в двух блокнотах сохраняется лишь форма и общая тематика желаний (в одной рукописи просьбы относятся не только к армейской жизни, но и касаются жизни на гражданке: «Да воскреси господи / на свет божий / Мать демобилизованного...»), но выражаются они разными лексическими средствами (ср.: «От занятий физических / Строевых и политических...» и «От занятий политических / Боевых, тактических...»).

В эти сборники не попадают произведения классической литературы – встречается лишь одна переделка «К Чаадаеву» А.С. Пушкина («Товарищ, верь, взойдет она / Звезда пленительного счастья / Когда из списков этой части / Исчезнут наши имена»). Часто переделывают современные шлягеры («С чего начинается армия...» («С чего начинается Родина...», есть в одном школьном альбоме), «Гаснет в роте свет и снова...» («Маэстро»)). В блокнотах есть и собственно солдатские песни (напр., широко распространенная «Уезжают в родные края дембеля, дембеля, дембеля...»), которые записываются вместе с гитарными аккордами или только схемы аккордов для исполнения песни, без текста.

Один песенный текст повторяется дважды в разных вариантах («Мы сегодня до зари встанем / На зарядку побежим строем...» и «Я сегодня до зари встану / Километр пробегу сяду...»), причем в девичьем альбоме есть запись части первой строфы в изначальной версии Р. Рождественского. В интернет-блогах встречается множество вариантов этой песни, которая распространена в разных воинских частях.

Рисунки в блокнотах отражают солдатскую топику: цветными карандашами, шариковыми ручками и фломастерами нарисованы типичные «святости», воинские клише – вечный огонь, самолеты, воины. Память о жизни «на свободе» выражается в рисунках элементов массовой культуры – например, заставок из западных фильмов.

Песни приходского лагеря

Другой тип песенника представляет собой напечатанный сборник песен приходского лагеря храма свв. бесср. Космы и Дамиана. Такие сборники существуют, как правило, неофициально, выпус-

каются как самиздат, для себя, или выкладываются в открытом доступе на сайте храма или церковной общины⁸.

Целевое назначение сборника – потребление внутри коллектива конкретного приходского лагеря. Этим обусловлен жанрово-тематический состав сборника, в который включены духовные тексты вне зависимости от их происхождения. Песенник структурирован от наиболее строгих догматических песен (первый текст – переделка молитвы «Отче наш»), в которые часто включаются цитаты из Евангелий, к песнопениям различных конфессий, которые зачастую являются переводами, и заканчивается сборник шлягерами. Так, тексты этих песнопений можно найти на сайтах католической, экуменистической, пятидесятнической церквей на русском, английском, латинском, каталанском языках, на православных форумах. Они представляют небольшие сентенции из 2–6 строк, в которых, в отличие от описанных выше альбомов, песенников, блокнотов, воспеваются не любовь к противоположному полу, а имя Бога. Таким образом, эти тексты направлены на людей образованных, знающих иностранные языки (в девичьем альбоме есть только одна запись песни на немецком русской транскрипцией).

Большую часть сборника составляют светские песни, установить авторство которых затруднительно. Часть текстов встречается в электронных каталогах на сайтах храмов, часть, возможно, написаны прихожанами храма свв. бесср. Космы и Дамиана, так как их варианты найти не удалось. Наличие литературной рифмы, разбиения на строки, выделение куплетно-припевной формы и проч. позволяют отнести песни к продуктам городской культуры, что также маркируется текстами, размещенными в конце песенника: среди них песни из советских кинофильмов: «Ветер перемен» и «Непогода» («Изменения в природе...») (слова Н. Олева, звучат в фильме «Мэри Поппинс, до свидания», 1983 г.); эстрадные тексты, соотносящиеся с тематикой сборника: песни группы «Машина времени» («Дорога в небо», «Я сюда еще вернусь», «Костер»),

⁸ Приведем в пример несколько таких электронных ресурсов: Буду петь и славить / Дом ХВЕ. URL: <https://domhve.com/budu-pet-i-slavit-13.html> (дата обращения 16 ноября 2023); Сборник католических песнопений // Католичество. URL: <http://ruscath.ru/laulud/> (дата обращения 16 ноября 2023); Сборник детских пасхальных песен // Катехизация и воцерковление. URL: <https://azbyka.ru/katehizacija/sbornik-detskikh-paskhalnykh-pesen.shtml> (дата обращения 16 ноября 2023); Список песен по номерам. URL: <https://novchurch.github.io/songs/> (дата обращения 16 ноября 2023); Тексты песен // Церковь. Слово надежды. URL: <https://slovo.of.by/tvorchestvo/texts-of-songs> (дата обращения 16 ноября 2023).

«Аквариум» («Серебро Господа моего», «Город золотой»), «Мельница» («Баллада о трех сыновьях»), «ДДТ» («Это все»), «Алиса» («Кибитка»), «Би-2» («Молитва»).

Типологическое разнообразие девичьих, солдатских альбомов-песенников, изданий церковного прихода обнаруживает прагматические особенности каждой рукописи. Отнесение к периоду бифуркации характеризует автора школьной и солдатской рукописи; сентенции, песни экстериоризируют эмоциональное состояние владельца документа. Установка на рекреационную, развлекательную функцию школьного альбома определяет его оформление, включение развлекательных, перформативных элементов.

Песенник приходского лагеря показывает, что парафольклорная письменность существует не только в условиях рукописных текстов, переписывающихся из других подобных тетрадей или специальных сборников сентенций; заимствование текстов из электронных ресурсов отражает ту же культуру, а тиражирование печатного (а не рукописного) песенника внутри коллектива, для внутреннего потребления, характеризует ситуацию пост-фольклора.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song traditions of the 20th – 21st centuries: Poetic structures, biographical discourse and historical narrative” (contest “Student project scientific collectives RSUH”).

Литература

- Архипова 2005 – *Архипова Г.Ф.* Девичий альбом: к вопросу о происхождении жанра // Культура и текст. 2005. № 10. С. 184–189.
- Байбурин 2009а – *Байбурин А.К.* Альбом // Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов: К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. СПб.: Ин-т логики, 2009. С. 20–22.
- Байбурин 2009б – *Байбурин А.К.* Личная подпись // Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов: К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. СПб.: Ин-т логики, 2009. С. 69–73.

- Бройдо 2008 – *Бройдо А.* Поэзия в казармах: очерки фольклора российских солдат // Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из собрания «Боян» Андрея Бройдо, Джаны Кутьиной и Якова Бройдо) / сост. и ред. М.Л. Лурье, М.: ОГИ. 2008. С. 17–62.
- Головин, Лурье 1998 – Девиный альбом XX века / Предисл. и публ. В.В. Головина, В.Ф. Лурье // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М.: Ладомир; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. С. 269–362.
- Калашникова 2004 – *Калашникова М.В.* Современный альбом: Типология, поэтика, функции: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 265 с.
- Лурье 2009 – *Лурье М.Л.* Народная баллада «В одном городе близ Саратова...» (Постановка вопросов и публикация вариантов) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2009. № 9. С. 216–258.
- Лярский, Фахретдинов 2019 – *Лярский А., Фахретдинов Р.* «В Память Русской Германской Войны»: песенник артиллериста Талашова // Антропологический форум. 2019. № 40. С. 149–176.
- Неклюдов (1) – *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции». URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov14.htm> (дата обращения 17 ноября 2023).
- Неклюдов 1997 – *Неклюдов С.Ю.* Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре / под ред. А.А. Архипова, И. Полинской. Oakland (CA): Berkeley Slavic Specialties, 1997. Вып. 2. С. 77–89. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov7.htm> (дата обращения 17 ноября 2023).
- Неклюдов 2005 – *Неклюдов С.Ю.* «Все кирпичики да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тищенко. М.: Водолей, 2005. С. 271–303.
- Позднеев 1956 – *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: В 2-т.: из истории песенной силлабической поэзии: дис. ... др-а филол. наук. М., 1956. 635 с.
- Русский школьный фольклор 1998 – Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М.: Ладомир; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД». 1998. 744 с. (Русская потаенная литература).
- Рычкова 2015 – *Рычкова Н.Н.* Собрание и изучение городских песен // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: Форум, 2015. С. 22–52.
- Фольклор без фольклористов 2019 – Фольклор без фольклористов: рукописные альбомы и любительские собрания частушек первой трети XX в. / РГГУ, Центр типологии и семиотики фольклора; под ред. М.Л. Лурье; сост. М.Л. Лурье, Н.Н. Рычкова. М.: РГГУ. 2019. 408 с.

Чеканова 2006 – Чеканова А.В. Рукописный девичий альбом: Традиция, стилистика, жанровый состав: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 192 с.

References

- Arkhipova, G.F. (2005), "The girl's album: on the question of the origin of the genre", *Kul'tura i tekst*, no. 10, pp. 184–189.
- Baiburin, A.K. (2009), "Album", in *Kratkii ilustrirovannyi slovar' klishe i stereotipov: K 60-letiyu Pavla Anatol'evicha Klubkova* [A short illustrated dictionary of clichés and stereotypes: On the 60th anniversary of Pavel Anatolyevich Klubkov], Institut logiki, Saint Petersburg, Russia, pp. 20–22.
- Baiburin, A.K. (2009b), "Personal signature", in *Kratkii ilustrirovannyi slovar' klishe i stereotipov: K 60-letiyu Pavla Anatol'evicha Klubkova* [A short illustrated dictionary of clichés and stereotypes: On the 60th anniversary of Pavel Anatolyevich Klubkov], Institut logiki, Saint Petersburg, Russia, pp. 69–73.
- Broido, A. (2008), "Poetry in the barracks: Essays on the folklore of Russian soldiers", in Lurie, M.L., comp., ed., *Poeziya v kazarmakh: Russkii soldatskii fol'klor (iz sobraniya "Boyan" Andrey Broido, Dzhany Kut'inoi i Yakova Broido)* [Poetry in the barracks: Russian soldier folklore (from the collection "Boyan" by Andrei Broido, Jana Kut'ina and Yakov Broido)], OGI, Moscow, Russia, pp. 17–62.
- Chekanova, A.V. (2006), *Rukopisnyi devichii al'bom: Traditsiya, stilistika, zhanrovyyi sostav* [Handwritten maiden album: Tradition, stylistics, genre composition], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Golovin, V.V. and Lurie, V.F., comp. (1998), "A girl's album of the 20th century", in Belousov, A.F., ed., *Russkii shkol'nyi fol'klor. Ot "vyzyvaniy" Pikovoi damy do semeinykh rasskazov* [Russian school folklore. From the "summoning" of the Queen of Spades to family stories], OOO "Izdatel'stvo AST-LTD", Moscow, Russia, pp. 269–362.
- Kalashnikova, M.V. (2004), *Sovremennyyi al'bom: Tipologiya, poetika, funktsii* [Modern album: Typology, poetics, functions], Ph.D. Thesis (Philology), Tver', Russia.
- Lurie, V.F. (2009), "Folk ballad in a town near Saratov... (Formulation of research questions and publication of textual variants)", *RSUH/RGGU Bulletin, History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies* Series, no. 9, pp. 216–258.
- Lurie, M.L., ed. (2019), *Fol'klor bez fol'kloristov: rukopisnye al'bomy i lyubitel'skie sobraniya chastushek pervoi treti XX veka* [Folklore without folklorists: handwritten albums and amateur collections of ditties from the first third of the 20th century], RGGU, Moscow, Russia.

- Lyarskii, A., Fakhretdinov, R. (2019), “ ‘In memory of the Russian German War’ ”: songbook of artilleryman Talashov, *Antropologicheskii forum*, no. 40, pp. 149–176.
- Neklyudov, S.Yu., *Semantika fol'klornogo teksta i “znanie traditsii”* [Semantics of folklore text and “knowledge of tradition”], available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov14.htm> (Accessed 17 Nov. 2023).
- Neklyudov, S.Yu. (1997), “Oral traditions of a modern city: a change in the folklore paradigm”, in Arkhipov, A.A. and Polinskaya, I., eds., *Issledovaniya po slavyanskomu fol'kloru i narodnoi kul'ture* [Studies in Slavic folklore and folk culture], Berkeley Slavic Specialties, Oakland (CA), USA, iss. 2, pp. 77–89, available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov7.htm> (Accessed 17 Nov. 2023).
- Neklyudov, S.Yu. (2005), “All the bricks and the bricks...”, in *Shipovnik: Istoriko-filologicheskii sbornik k 60-letiyu R.D. Timenchika* [Rosehip. Historical and philological collection dedicated to the 60th anniversary of R.D. Tymenchik], Vodolei, Moscow, Russia, pp. 271–303.
- Pozdneev, A.V. (1956), *Rukopisnye pesenniki XVII–XVIII vv.: v 2-kh tomah: iz istorii pesennoi sillabicheskoi poezii* [Manuscript songbooks of the 17th – 18th centuries: in 2 vol.: from the history of syllabic song poetry], D. Sc. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Rychkova, N.N. (2015), “Collecting and studying urban songs”, in *Situatsiya postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki* [The post-folklore situation: urban texts and practices], Forum, Moscow, Russia, pp. 22–52.

Информация об авторе

Ульяна А. Петухова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; petuhovauljana@rambler.ru

Information about the author

Uliana A. Petukhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; petuhovauljana@rambler.ru

УДК 398.51

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-83-107

Песни и стихи ГУЛАГа в воспоминаниях Ю.П. Якименко

Василий А. Воробьев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, q.h.f@yandex.ru*

Аннотация. В публикации представлены тюремные песни и стихи из машинописного текста мемуаров Ю.П. Якименко «По тюрьмам и лагерям: воспоминания» (документ хранится в коллекции мемуаров и литературных произведений Архива истории ГУЛАГа общества «Мемориал»^{*}). Тексты из воспоминаний свидетельствуют об особенностях бытования некоторых тюремных песен, стихотворений, поэм в разных лагерях на территории СССР. Автор фиксирует песенные репертуары советских заключенных ГУЛАГа, контексты возникновения и традирования песен, поэм, стихотворений. Публикуются также сочинения самого Якименко из источника, как индивидуально-авторские, так и написанные в соавторстве с другими заключенными.

Ключевые слова: тюремные песни, стихотворения, поэмы, репертуар, фольклоризация, ГУЛАГ, Якименко

Для цитирования: Воробьев В.А. Песни и стихи ГУЛАГа в воспоминаниях Ю.П. Якименко // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 83–107. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-83-107

© Воробьев В.А., 2024

^{*} Организация внесена Минюстом РФ в реестр НКО, исполняющих функцию «иностранный агент».

GULAG songs and poems in the memoirs of Yu.P. Yakimenko

Vasilii A. Vorob'ev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, q.h.f@yandex.ru*

Abstract. The publication presents prison songs and poems from the typewritten text of Yu.P. Yakimenko's memoirs "On prisons and camps: memories" (the document is stored in the collection of memoirs and literary works of the Archive of GULAG History of the Memorial* Society). The texts from memoirs provide insights into the peculiarities of the existence of certain prison songs and poems in various labor camps across the USSR. The author records the song repertoire of Soviet GULAG prisoners, the contexts of songs and poems emergence and transmission. The compositions of Yakimenko from the source are also published, both individually authored and co-authored with other prisoners.

Keywords: prison songs, poems, repertoire, folklorization, GULAG, Yakimenko
For citation: Vorob'ev, V.A. (2024), "GULAG songs and poems in the memoirs of Yu.P. Yakimenko", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 83–107, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-83-107

Факты бытования песенного фольклора и «наивной литературы» в советских тюрьмах и лагерях неоднократно фиксировались фольклористами по различным источникам¹. Как отмечает Е.С. Ефимова, «современные исследования отечественных фольклористов посвящены отдельным жанрам тюремного фольклора и опираются на материал письменный или записанный вне зоны» [Ефимова 2003, с. 234]. Однако, несмотря на обширную работу по изучению и публикации² песен и стихов, связанных с тюремной

¹ См., например: [Цехновицер 2012; Джекобсон, Джекобсон 2014; Лурье 2016].

² См.: [Бахтин, Путилов 1994; Шумов, Кучевасов 1995; Бахтин 1997; Чистова, Чистов 1998; Неклюдов 2006; Архипова**, Неклюдов 2008; Калашникова 2009; Лурье 2010; Москвин 2012; Пьералли 2019; Рычкова 2020].

** Настоящий материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен иностранным агентом Александрой Сергеевной Архиповой, содержащейся в реестре иностранных агентов, либо касается деятельности иностранного агента Александры Сергеевны Архиповой, содержащейся в реестре иностранных агентов 18+.

культурой и бытовавших в условиях тюрем и лагерей, некоторые материалы остаются неопубликованными, хотя безусловно заслуживают внимания исследователей.

Воспоминания Ю.П. Якименко (род. в 1929 г.) привлекают внимание, поскольку охватывают большую часть жизненного пути автора³. Текст мемуаров описывает 18 лет переводов и этапов по советским тюрьмам и лагерям, начинается он с двух лет условного срока (1944 г.) и завершается освобождением в 1964 г. Большая часть текста – прозаическая, это и собственные впечатления автора, и записи рассказов сокамерников. Эта часть во многом авторефлексивна – Якименко опирается на свой собственный опыт. Он пишет о политических событиях, анализирует их, часто апеллирует к быту и психологии заключенного: «Нет и не будет такой книги, чтобы в нее уложить все мучения: физические, духовные и психические, которым подвергались эки. Эту бесчеловечность нельзя передать на бумаге. Почувствует только тот, кто сам испытал эти кары суровые» (с. 253)⁴.

В самом начале воспоминаний автор формулирует цель их написания: «хочу, чтобы читающий понял и знал, что творилось в Советских тюрьмах и лагерях» (с. 3). Но судя по общему настрою первой части, своими воспоминаниями Якименко прежде всего желает помочь другим людям избежать участи и пути вора, которым он стал. Эту цель воспоминаний он часто подчеркивает – так, например, он подытоживает первый раздел, давая своего рода предупреждение: «Чем переживать самому, лучше учиться на ошибках других. Поэтому почитай эту книгу, сделай для себя разумные выводы. И ты поймешь на какие суровые последствия ты себя обрекаешь» (с. 6).

При первом аресте в 1944 г. несовершеннолетнего Юру Якименко осудили на два года условно за воровство, но в том же году последовал повторный арест и осуждение на два года уже в Земо-Авчальской детской трудовой колонии⁵. Здесь мы встречаем первый записанный текст – гимн колонии (№ 1) и обстоятельства его исполнения: «Если за какую-нибудь провинность приводили

³ В краткой биографии Ю.П. Якименко описаны некоторые этапы жизни автора (жизнь до воровства, попытка обучения, война), в том числе основные места заключения. *Зубарев Д.* Якименко Юрий Петрович: По тюрьмам и лагерям: Воспоминания // Каталог воспоминаний архива «Мемориала*». URL: <https://memoirs.memo.ru/memoir/show/id/207> (дата обращения 27 февраля 2023; материал больше недоступен).

⁴ При всех цитатах из архивного текста даются ссылки на номер страницы в машинописи. Орфография и пунктуация автора сохранены.

⁵ Около 16 километров от Тбилиси.

к начальнику колонии, то он первым делом заставлял петь гимн Советского Союза или гимн колонии. <...> Если ты знал оба гимна, значит жди пощады» (с. 48). Текст гимна включает патристическую топику – в духе гимна СССР, что, вероятно, и спасало от начальника колонии⁶, если заключенный совершал какую-то провинность. Обнаруживаются явные содержательные сходства с гимном СССР 1944 г.⁷: Сталин выступает в роли родителя; Родина, как и колония, вдохновляет на труд и подвиги, на борьбу с врагом.

Особый интерес представляет стихотворение «Письмо к матери» (№ 2), которое, по словам Якименко, «сочинили недумающие о побеге» (с. 102). Возможный прототип текста обнаруживается легко, это стихотворение «Письмо матери» С.А. Есенина, опора на которое угадывается и в содержании, и в стиховой организации текста⁸. Содержательная канва в обоих случаях одинакова: «сын хочет увидеть мать, которую давно не видел из-за радикальных перемен в его жизни (заключение в тюрьму, переезд в город, пьянство)». Из стихотворения Есенина переходят и более мелкие детали: сад у дома, дорога⁹. Аргументом в пользу возможного подражания Есенину может быть еще и огромная популярность поэта в тюремной среде¹⁰, а на широкую известность именно «Письма матери» прямо указывает В.Т. Шаламов: «Это был единственный поэт (Есенин. – В. В.), “принятый” и “освященный” блатными,

⁶ Особенно учитывая связь с гимном СССР.

⁷ При этом тексты различаются метрически: гимн СССР написан амфибрахией, тогда как гимн колонии сочетает амфибрахий и ямб. Видимо, по первоначальному замыслу предполагалось воспроизвести ритмику гимна, но затем это утомило авторов, и они перешли на более простой ямб. Отмечу, что М.Л. Гаспаров писал о «торжественности» семантического ореола трехстопного амфибрахия именно в XX в., и конкретно – в применении к российской тематике 1940-х гг. [Гаспаров 2012, с. 194–195].

⁸ Однозначно все же утверждать не решаюсь, однако такая вероятность весьма высока.

⁹ М.Л. Гаспаров отмечает характерные для пятистопного хорея описания пейзажа и дороги [Гаспаров 2012, с. 340, 349], что обнаруживается и в рассматриваемых стихах. В тексте из воспоминаний Якименко есть фрагмент с пейзажем и фрагмент с дорогой. В этом плане «Письмо к матери» (№ 2) полностью соответствует семантическому ореолу пятистопного хорея.

¹⁰ Широкую популярность Есенина в тюремной среде отмечает также певец Андрей Рублевич: «...чаще Есенина просят, лирику его. Есенина, наверное, как никого в блатной песне почитают, ему даже на фене кличку урки дали – “Пегас блатной”» [Башарин 2005].

которые вовсе не жалуют стихов. <...> “Письмо матери” известно очень хорошо»¹¹.

Тексты в воспоминаниях часто являются реакцией на определенные обстоятельства, это могут быть и исторические события, и ситуации из жизни заключенных. Подобным текстом является, например, № 3. Другу Якименко приходит письмо с фотографией его дочери, и они вместе сочиняют стихотворение, посвященное ей. Интересно, что стихотворение получилось от группы заключенных, а не только от отца девочки. Текст № 3, как и текст № 4, содержит важное противопоставление жизни внутри и вне лагеря. Оба написаны двухсложными размерами – ямбом и хореем, что вполне характерно для части стихотворений в воспоминаниях Якименко¹².

В текстах есть реакция на внешние события, причем особенным поводом стала смерть Сталина. Вот как Якименко описывает эмоции, свои и других обитателей лагеря, вызванные произошедшим:

Когда он (надзиратель. – *Примеч. публикатора*) отошел в другой конец коридора и стал разговаривать с другим надзирателем, мне из другой камеры кричат: «Юрка, Усатый хвост откинул!» Это означало – Сталин умер! <...> С часовым, который стоял на вышке, я раньше разговаривал, хороший парень. Спрашиваю его: «Ну, как ты провел 8 марта, у девочек, наверное?». Он скорбным голосом мне ответил: «Как же у девочек, ты, что не слышал?». Я сразу вспомнил, что мне из другой камеры кричали. Говорю, слышал что кто-то умер. Он мне сказал: «Иосиф Виссарионович Сталин умер». Я почувствовал радостное вдохновение и стал как на крыльях ходить по кругу прогулочного двора. Мне стало так легко, как будто свалилась с плеч непосильная ноша. <...> Быстро прошли полчаса прогулки, вот я снова в камере, радость не покидает меня. В голове зародились строки (с. 127–128).

В воспоминаниях есть два стихотворения на смерть Сталина: индивидуально-авторское (по утверждению Якименко) и коллективное. Первое (№ 7), по словам автора, появилось сразу

¹¹ Шаламов В.Т. Сергей Есенин и воровской мир // Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР 2; Анна Ивановна: Пьеса. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 89.

¹² По данным А.В. Козьмина, тексты «блатной песни» 1930-х гг. тяготеют к двухсложным размерам: ямб – 36%, хорей – 30% [Козьмин 2005, с. 41]. Не исключено, что это характерно и для более поздней тюремной песни и любительской литературы.

после подтверждения факта смерти. Вероятно, создание текста в эмоциональном порыве привело к полиметрии – разные фрагменты написаны анапестом, ямбом и хореем¹³. Однако нельзя утверждать, что в воспоминаниях Якименко представлен полный первотекст стихотворения, так как некоторые четверостишия обнаруживаются в публикациях из других архивов, причем иные версии происходят из Каргопольлага и Ставропольской тюрьмы (ГАРФ¹⁴, ПермГАСПИ¹⁵). В этих местах заключения Якименко не бывал. Таким образом, если иметь в виду датировку документов из других публикаций (конец 1950-х гг.), можно предположить, что текст Якименко отражает лишь первоначальную краткую редакцию, которая в списках и устном бытовании со временем фольклоризуется, обрастая новыми подробностями.

Второй текст – коллективный – обширнее и содержит некоторые интересные элементы, например «торжественные обращения» к Сталину (*мудрец, мудрейший учитель*), вероятно, являющиеся пародией на советскую риторику, относящуюся к фигурам вождей. В стихотворении также прямо отражаются сильные чувства авторов: «*Нам радость всех так охватила*¹⁶, что шлем проклятья лишь одни. / И Воркута заговорила: подох, подох, будь трижды проклят ты!». Якименко отмечает, что этот текст – приговор: «На смерть Сталина были написаны такие стихи, это приговор в стихотворной форме, который вынесли мы ему, за пережитые нами страдания» (с. 140); но, учитывая эмоциональную насыщенность события, к приговору примешиваются элементы одического жанра. Содержательно оба текста строятся, с одной стороны, на фиксации преступлений Сталина, а с другой – на радости по поводу его смерти.

Встречаются стихотворения, которые в подробностях описывают случаи из лагерной жизни, которые могли происходить не один раз с разными заключенными. Сюжет «Баллады об одной посылке» (№ 5) можно описать так: ‘мама отправляет посылку сыну в лагерь, но фактически до сына ничего не доходит, все разбирает начальство’. Якименко описывает похожий случай перед текстом баллады: «Письма получали редко, в посылки из дома то кирпичи, то деревянные чушки засунут, а содержимое вытащат по

¹³ «Литературная “хромота” наивных авторов, естественно, особенно заметна в текстах наивной поэзии. Это – неумение последовательно придерживаться избранной метрической схемы» [Неклюдов 2001, с. 7–8].

¹⁴ См.: [Козлов, Мироненко 2005, с. 98–99].

¹⁵ «На смерть Уса» // Центр исторической памяти. URL: <http://rtem.ru/index.php?id=138> (дата обращения 27 февраля 2023).

¹⁶ Курсив мой. – В. В.

дороге работники администрации» (с. 105). Текст баллады и фрагмент воспоминаний иллюстрируют отношение лагерного начальства к заключенным. В «Балладу об одной посылке» вплетается частый для тюремных песен содержательный элемент – скорбь матери по сыну-заключенному.

Стихотворение «Таня» (№ 9) описывает болезнь и смерть женщины из-за условий работы в лагерях. Якименко часто встречался с женщинами-заключенными, и их репертуар частично отражен в воспоминаниях. «Таня», видимо, является частью женского репертуара. Как и в предыдущем тексте, здесь описывается безразличное отношение начальства к жизни и правам заключенных, а также тоска по дому и родным. Тексты № 5 и 9 содержательно схожи, они прежде всего фиксируют тюремный быт и имеют подытоживающий финал, некую мораль. В одном тексте (№ 5) это перенос случая с одним заключенным на других, которые оказываются в подобной ситуации¹⁷, в другом – нравственный приговор начальству, которое безразлично относится к смерти заключенных, и предупреждение о расплате, возмездии¹⁸.

Для описания труда заключенных, выполнения задач государства (заготовка леса и железнодорожное строительство) использовался жанр поэмы. Поэма «Ликуй, Москва» (№ 10) посвящена лесозаготовкам, которые прежде всего осуществлялись в Соловецком ИТЛ, отсюда – соответствующие реалии: река Воньга, Услон (Управление Соловецких лагерей особого назначения). В поэме противопоставляются веселое проведение весенних праздников в Москве и условия труда заключенных на лесозаготовках; весьма вероятно, что значительная часть текста имела устное бытование. Есть публикация другого варианта поэмы¹⁹, который имеет определенные отклонения от текста у Якименко.

Крайне интересна другая поэма – «Железная дорога» (№ 6), посвящена 501-й стройке²⁰. Текст написан по следам одноименного стихотворения Н.А. Некрасова, об этом свидетельствуют

¹⁷ «Пусть каждый узнает, как жизнь коротает / Много миллионов Ваньков в лагерях» (с. 107).

¹⁸ «Погодите ж, кровопийцы, вас везде найдут! / За гибель миллионов, за кровавый след, / И за море слез и стонов будет, гады, вам ответ!» (с. 172).

¹⁹ «Ликуй, Москва. Москва, ликуй» // Центр исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=139> (дата обращения 27 февраля 2023). Тетрадь с текстом хранится в ПермГАСПИ, принадлежала заключенному Каргопольлага Г.П. Бельтикову.

²⁰ Трансполярная магистраль (Обский исправительно-трудовой лагерь и строительство № 501).

и название, и стихотворный размер (дактиль²¹), и отдельные элементы текста; несколько фрагментов поэмы – практически дословные цитаты из Некрасова. При этом произведение в целом вполне оригинально и описывает именно историческую реальность 501-й стройки. Обнаруженный текст отчасти опровергает тезис Шаламова о невостребованности «Железной дороги» у заключенных: «Проверено это мной многократно. Но ни “Железная дорога”, ни “Василий Шибанов” не производили на блатарей никакого впечатления» [Шаламов 2013а, с. 78]. Видимо, поэма бытовала прежде всего на 501-й стройке²², возможно, там же был сочинен первоначальный вариант – с опорой на стихотворение Некрасова, но со всеми подробностями строительства железной дороги заключенными ГУЛАГа в 1950-е гг.²³

Якименко приводит множество текстов из разных лагерных репертуаров. Встречаются небольшие фрагменты (1–2 куплета) песен «Не плачь, подруженька...», «Прощайте, девушки, подружки милые...», «Начальник Барабанов дал приказ», «Где глухие болота кончаются...», «Этап на Север», «По Тундре, по железной дороге...», а также песня «Прости» – фольклоризации стихотворения М. Исаковского «Прощальная» (1942). Автор описывает не только общий репертуар, но и некоторые наиболее специализированные песни, что прямо указывается в мемуарах, – песни женщин-заключенных²⁴, беглых заключенных²⁵ (*побегушиников*). Однако основное внимание уделено лагерным песням без «специализации». Несколько текстов Якименко приводит целиком: «Судьба» (№ 12), «Огни притона» (№ 11) и «Воркутинская застольная» (№ 13).

«Судьба» считается старой и широко распространенной в лагерном мире тюремной песней²⁶. Начало ее бытования относят

²¹ Дактиль и анапест принято называть «некрасовскими трехсложниками».

²² Возможно, поэма активно бытовала и на других объектах, связанных с железными дорогами, например на 503-й стройке.

²³ Не исключено, что автором поэмы является сам Якименко.

²⁴ «*Налей подруженька, ты девица гулящая / Больную душу я водкой отважу / Так наливая же, наша жизнь теперь пропащая / И тело женское уж проклято судьбой*» (С. 75). Таких фрагментов несколько. Не исключено, что текст № 9 также был востребован прежде всего среди женщин-заключенных.

²⁵ «*Три удалых лихих молодца, / Всеми силами вдаль они рвалися, / Где их ждали родные сердца. / Их обратно вести не приказано, / Знать судьба их была решена*» (С. 101).

²⁶ «Весьма распространена и примечательна по своей мелодии песня “Судьба”. Жалобная мелодия может подчас довести впечатлительного

к концу 1920-х г. [Джекобсон, Джекобсон 2014, с. 109], на эту же мелодию созданы и другие тюремные песни, в том числе «Огни притона». Запись Якименко включает эпизод, который в иных вариантах «Судьбы» не обнаруживается²⁷, – это попытки бывшего заключенного получить работу на свободе, которые заканчиваются неудачей²⁸. Эпизод взят из другой песни на ту же мелодию, а именно «Я сын рабочего, подпольщика-партийца...»²⁹ [Джекобсон, Джекобсон 2014, с. 159–160], это лишний раз доказывает востребованность самой мелодии и разных версий песни в лагерной культуре.

По своему содержанию «Огни притона»³⁰ [Джекобсон, Джекобсон 2014, с. 297–298] схожи с предыдущим текстом, сюжет построен на описании отношения матери с сыном-заключенным. Интересен начальный фрагмент, встречающийся лишь в некоторых опубликованных вариантах песни³¹, причем у Якименко он отличается от них, в него вплетаются новые темы: безвинность заключенных и открытость преступного мира.

Один из уникальных текстов в воспоминаниях Якименко – «Воркутинская застольная» (№ 13). На текстовом уровне это фольклоризация «Застольной Волховского фронта»³² или «Волховской застольной», автором считается фронтовой поэт П. Шубин. Однако и у этого текста был свой источник, прежде

слушателя до слез. Блатаря песня до слез довести не может, но и блатарь будет слушать “Судьбу” проникновенно и торжественно» (*Шаламов В.Т. Аполлон среди блатных* // Шаламов В.Т. Собрание сочинений. Т. 2. С. 79).

²⁷ Судьба (Судьба во всем большую роль играет...) // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/dvor/sudbabolch.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

²⁸ После отказов работодателей бывший заключенный снова начинает воровать.

²⁹ Я сын рабочего, подпольщика-партийца // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/dvor/jasynrabotch.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

³⁰ Песня «Огни притона» также написана на мелодию песни «Судьба». Это подтверждает тезис о зависимости широкой популярности от мелодии, на которую исполняются различные тексты.

³¹ Блатные и уличные песни / сост. Г.Ф. Семга. М.: Центрполиграф, 2009. С. 226. См. также: [Рычкова 2020, с. 316].

³² *Любан И., Шубин П.* Застольная Волховского фронта // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/ww2/oficial/zastolnvolh.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

всего мелодический, но отчасти и текстовый – речь идет о песне «Наш тост»³³ или «Гвардейская застольная» (музыка И. Любана, слова М. Косенко и А. Тарковского). Разумеется, текст «Воркутинской застольной» имеет мало общего со своими предшественниками, за исключением стиховой организации³⁴. Содержательно текст у Якименко описывает тяготы заключенных ГУЛАГа – рабский труд, смерть, холод. Персонажи текста выпивают не за Сталина, братство или партию, а за несчастную Родину и заключенных в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа.

Ниже публикуются полноценные стихотворения и песни из воспоминаний Ю.П. Якименко. Все они даны с сохранением авторской строфики, орфографии и пунктуации; правка вносятся только там, где сам Якименко от руки правил машинописный текст. Названия приводятся лишь в тех случаях, если они присутствовали в оригинале. Нумерации в машинописи нет – добавил для удобства цитирования в тексте.

№ 1

Война много душ погубила, мы дети покинув семей
Но Родина нас не забыла и лаской согрела своей
Нам Родина матерью стала, а Сталин любимым отцом
Колония нас воспитала, чтоб каждый был смелым бойцом
Бойцом и в труде и на фронте, в колхозных полях и в бою
Бойцом терпеливым и стойким, защищать Отчизну свою.
Мы трудовой колонии сплоченный коллектив,
Идем за счастье смело мы и все за одного.
Мы учимся в колонии, а подойдут года,
За Родину за Сталина пойдем мы на врага.

№ 2. Письмо к матери

Крутят ветры, злобно завывая, замело дороги, не дойти домой,
Хочется, мамаша дорогая, хоть денек, хоть час побыть с тобой.
Взять твои морщинистые руки, рассказать, как много неудач,
Пережить пришлось мне в дни разлуки, только ты, пожалуйста,
не плачь.

³³ Любан И., Косенко М., Тарковский А. Наш тост // А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/ww2/oficial/nachtost.php> (дата обращения 27 февраля 2023).

³⁴ «Застольная Волховского фронта», как и «Воркутинская застольная», написана дактилем.

Ведь слезами горю не поможешь, я приду, любимая, приду!
Ты меня как прежде спать уложишь, где-нибудь под вишнею в саду,
Вот тогда над изголовьем сына, можешь ты немножечко всплакнуть
И с тобою вместе заедино я всплакну, припомнив этот путь.

Путь, где шел шатаясь, и оставил, загубил, вернее, много дней.
Где печальный памятник оставил бесшабашной юности своей,
Где мне ветры, злобно завывая, пели о потерянной судьбе.
Много раз, мамаша дорогая, с этой песней я летал к тебе.

Видел дом знакомый над рекою, мне казалось будто в тишине,
Ты поешь, склонившись надо мною, песню о далекой стороне.
Я прекрасно слышал в каждой ноте, ты звала, звала меня домой.
Подожди, пока что я в болоте с непокорной буйной головой.

Подожди я выйду на дорогу, разогнусь, и первый свой маршрут
Проложу к родимому порогу, где задорно весело поют, соловьи,
Где небо голубое, где речной рассыпчатый песок
Где над люлькой детства золотого песню напевал твой голосок.

Подожди и запасись терпением, я приду, родимая, приду!
Встречу назовем мы воскресеньем, стол накроем где-нибудь в саду.
Сядешь ты напротив дорогая, на меня посмотришь и поймешь,
Как глумились ветры, злобно завывая, вот тогда, пожалуй,
и всплакнешь!

А сейчас не смей, не смей слезами обливать безрадостные дни.
Встреча нам приписана с тобою, мы с тобой в разлуке не одни.
Тысячи и тысячи страдают, поджидают, также как и мы,
Также как и мы в мечтах витают, с песней засыпавшей старины.

№ 3

Живешь недавно ты и очень далеко,
И незнакомы тебе тягости разлуки,
И любишь ты немного молоко
И матери заботливые руки.

Завидуем, хороший возраст твой,
Не думаешь, чем завтра тебя встретят.
Никто не ломает твой покой,
Никто тебя позором не отметит.

Не знаешь ты как вьюги здесь поют,
Своим напевом душу раздирая,
Как группой фотокарточку твою
При тусклом свете лампы разбираем.

И глядя на тебя, на пухлые ручонки,
На прядь волос, на милый детский взгляд,
Мы думаем, как много у девчонки того,
Что нам уж не вернуть назад.

Желаем тебе, крошка, расцветать,
Желаем счастья океан и более.....
И никогда вовеки не узнать того,
Что нам обрушилось на долю.

№ 4

За окном таежные дороги, тихая неведомая даль,
За спиной я слышу оклик строгий и штыка блистающую сталь.
Я заброшен в дикий омут леса, где гуляет ветер да мороз,
Где луна, небесная повеса, охраняет скуку меж берез.

И все называется судьбою
И ее нельзя переломить
Ты оденешь платье голубое
И пойдешь с другим весну встречать

Вы возьметесь за руки как дети.....

№ 5. Баллада об одной посылке

С далекого края старушка седая,
Чуть только вспорхнула заря,
Проплакав ночку, в холщовом мешочке
Послала сынку в лагеря.

Послала посылку, в ней масла бутылку, жестких ржаных сухарей
Два яблока с сада, кисет самосада, носочки работы своей.
Она не забыла ни меду, ни мыла, сальца завернула шматок
И даже тетрадку и так для порядку иголку и ниток моток.

Дорожкой новой с отметкой почтовой летела на север она.
Нигде не застряла и как-то попала на вахту охраны сполна.
Позвали Ванюшу, за добрую душу мамаше “спасибо” он слал.
Поплакал чуточек, но принял мешочек и бодро в барак зашагал.

Залез он на нары, разложил товары и думал устрою я пир,
За чаем в беседе сойдутся соседи, но тут подкатил бригадир:
«Здорово, Ванюша, устрой ка покушать, сам знаешь, что нужно,
браток»
Поморщился Ваня, эх знала б маманя, и начал в мамашин платок

Класть сала кусочек с тетради листочек, два жестких ржанных сухаря,
Да яблочко с сада, да горсть самосада, такие уж здесь лагеря.
Здесь так уж ведется, теперь не придется соседей на чай приглашать
Беда-то большая, вот долюшка злая, решил он один чай попить.

Набрал кипяточка, два сделал глоточка, вдруг глянул вперед –
Медвежьей походкой с прожорливой глоткой десятник-верзила идет.
«Ты что же, паршивец, забыл кто кормилец? А, ну-ка, взгляну
на мешок
А, впрочем, не надо! Насыпь самосада, да сала, да меду чуток.

Тут дробь под рубашку, пробили мурашки и в грязную тряпку
Всего по порядку сложил понемногу Ванек.
Десятник-верзила с улыбкой сквозь силу ушел,
Но минуто спустя раздатчик явился, он сам долго рылся,

В посылке, причем не шутя. Он клал, что попало и масло,
И сало за ворот рубахи своей и ушел.
Но в этот момент у дверей нарядчик явился: «Ты где ж это рылся?
Порядка не знаешь, иль, гад, зажимаешь?» – он басом Ванюше кричал

Но Ваня убитый молчал, забрал он что было, носочки и мыло –
ушел.
Воды в котелочек, присел и сухарь намочил, поесть не удалось.
Доска приподнялась и кто-то бумагу стащил, пока разбирали
Да вора искали не стало ржанных сухарей, осталось в посылке,

Пустая бутылка, с тетради листочек, да иголка с мотком.
Что за пропасть денек, на всех было мало и масла, и сала, и вот,
поутру на развод
Погнали Ванюшу за добрую душу, мамаше, что слезы там льет,
Влепил оплеуху по самое ухо нарядчик, и матом покрыл.

Десятник-верзила собрал свои силы, вдоль ребер его наградил.
Шипят работяги: на две дали тяги и тачку ему одному.
Кому было мало, кому не досталось, все зверем подходят к нему.
Отняли фуфайку, урезали пайку и все, кто попало, клянет.

Надолго Ванечек за мамин мешочек, надолго поджал свой живот.
И вот как-то раз вечерком все спят работяги, он взял листик бумаги
И пишет мамаше тайком: «Спасибо, родная, с далекого края,
Посылку твою получил. Спасибо, старушка, я даже избушку

В ту ночку твою навестил. Пайки не хватает, здесь всяк голодает
Но только прошу тебя, мать, не надо, родная, с далекого края посылок
сюда высылать.

Не надо мне меду, здесь много народу. Я хлеб получу по труду.
Не надо мне сала, носки зря связала, не шли, дорогая, дойду!

Получит мамаша от сына своего письмецо,
Качнет головою и горькой слезою умоет старушье лицо.
Я передал свету историю эту, но суть – не в одних сухарях,
Пусть каждый узнает, как жизнь коротает
Много миллионов Ваньков в лагерях.

№ 6. Поэма «Железная дорога»

Грустно поет за окном песню ветер, жгучий суровый мороз.
Жалко гитара звучит в этот вечер, скучно и больно до слез.
Северный край, не слышал ты веками стука и грома колес,
Только вчера меж твоими снегами здесь, надрываясь,
прошел паровоз.

Кто же нарушил твою тишь бесподобную, ты не сумел отстоять,
Кто же согнал сюда массу народную гроб здесь себе обретать?
Много сказали мне думушки слезные, но не решен был вопрос,
Вдруг я услышал сквозь стекла морозные говор вагонных колес.

Кто-то сказал: «Подожди брат с гитарою иш, как живые поют!»
Слушали мелодию старую, грустную, горькую тут, пели ее провода
телеграфные
Сосны, одетые в снег, слушайте, слушайте спутники ратные,
Слушай простой человек, много есть правды в народных сказаньях.

Но не сложили такой, где бы ты увидел, твои же страдания
Льются широкой рекой. Брось же, товарищ, себя в обаянии,
Как за решеткой держать и разреши мне при лунном сиянии
Правду тебе рассказать.

Труд этот, милый, был страшно громаден, не по плечу одному
Был, говорят, в мире царь беспощаден, голод – название ему.
Много гонял он массы народные, горе его был приказ.
Радостно думать, что дни те бесплодные не докатились до нас.

Не пережили мы их, не увидели, но и без царских проказ,
Нужны железной дороги строители и появился указ от 4. 06. 47 года
Кто не слышал его возгласа дикого, с Волхова, с Волги, с Оки.
С разных концов государства великого взвыли тогда мужики.

Выгнал его он из дома родимого в грязный вагон погрузил
Сделал тупого его нелюдимого, силы беднягу лишил.
Идет человек со стальной лопатой, зорко следит за ним строгий
конвой,
Здесь он гнет свою спину горбатую и уже знаком с вечной мерзлотой.

Что за преступник, за что он карается, в чем он повинен,
за что осужден?
Может заслуженно здесь он скитается, что не простил ему
суровый закон.
Каждый свое совершил преступление, есть кто на рынке полбулки
украл,
Кто-то не так написал заявление, может быть вещь «не на месте»
продал.

Так он попал сюда строгий и замкнутый, все ни почем, только тупо
молчит.
И механически ржавой лопатой мерзлую землю долбит.
Русских людей охраняют здесь русские, край оцепили: дозоры, посты
Так и возникли здесь насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты

Словно как думы людские, холодные, ровной струей идет.
А по бокам все те кости народные, кто их сочтет?
Кто их помянет за жизнь беспросветную, кто их за труд наградит?
Разве лишь ветер той песне заветною, и хоть от сна пробудит.

Встанут они, поглядят горемычные на непосильный губительный
труд.
Где эшелоны походкой привычною новые жертвы везут и везут.
Добрый словечком помянут любезную родину, сын и отец вынесли
эту дорогу железную
Вынесли, где же конец, где же, когда же ту светлую жизнь дадут
в руки ему.

Только как видно, ту пору прекрасную так же и нам не видеть
никому.

№ 7. Сталин

Что ты сделал для блага людского? Нагло стал на трон партбюро
Дал свободу МВД и Гулагу, а людям рабство и ярмо.
Ты всю Россию заковал цепями, опутал сетью лагерей.
И тридцать лет бессонными ночами лились слезы жен и матерей.

Умер ты, теперь вздохнут народы там, где ты заботу проявлял
Под лживым лозунгом свободы – ты крепостное право возраждал.

№ 8

На радость мира умер он, страна хоронит чародея.
Положен будет в пантеон, земля не приняла злодея.
Всех притеснитель, всего душитель, скончался мировой подлец.
Подох мудрейший наш учитель, подох, подох он наконец!

Такой мудрец, такой прохвост, нашел же место где укрыться.
Он к Ленину залез под хвост, надеясь им теперь прикрыться.
Кровавый изверг и палач, тебе нигде прощенья нет
Там горе жен и детский плач зовут тебя давать ответ.

Из пантеона под забор тебя история прогонит.
Таков народный приговор, в семье об этом каждый молит.
Людей замучил ты немало, встают перед тобой они.
Земля недаром отказалась принять тебя в объятия свои.

Нас радость всех так охватила, что шлем проклятья лишь одни.
И Воркута заговорила: подох, подох, будь трижды проклят ты!
Твоих соратников в Кремле конец похуже ожидает,
Болтаться скоро им в петле, судьба незримо обещает.

№ 9. Таня

В цехе собачий холод, душит едкий дым,
Пересилив сон и голод, у станов стоим.
И промолвил кто-то тихо, слышно было всем,
«Таня отходила на работу, не придет уже совсем»:

Знают все, что у нее чахотка, и опять ее в санчасть,
Снова тоже за решетку понесли спокойно умирать.
И врачи ей не помогут, им наша жизнь не дорога.
А вчера сам начальник осмотрел ее слегка.

Поворчал, нахмурил брови, в Таниной руке
После кашля сгусток крови виден на платке.
Все мастырите мастырки и хотите отдыхать.
Вы должны трудом упорным себе свободу добывать.

Взглядом дерзким и ехидным осмотрел ее он стан
И промолвил тихо: «Ты уйдешь, где царствует туман».
Ночь, потушен свет в бараке, дождь в окно стучит,
На кровати в полумраке девушка лежит.

И никто к ней не приходит, мир жесток и пуст,
Теплой струйкой жизнь уходит из раскрытых уст.
Где теперь родная мама и любимая сестра?
Как тяжел свинцовый Север и проклятая тайга!

Мама, ты б меня накрыла шерстяным платком
А сестра б меня поила теплым молоком.
Слышу – воет ветер, за колючею тайга.
В этом страшном царстве прошли юные года.

Завезли сюда далеко от родимых мест,
И болезнь теперь жестоко все возьмет и съест.
Боже, как хотелось воли и свободы мне,
А слезы капают невольно по пылающей щеке.

Утро, кончилась ночная, в полутьме сырой,
Шли, дорогой засыпая, девушки домой.
Вот громадой грозной, хмурой их барак торчит,
Кто пойдет проведать Таню, девушка кричит.

Солнце пятнами седыми рвет заслоны туч,
Санитар лениво ищет от палаты ключ.
Таня спит, раскрыты вяло ее мутные глаза,
По щеке проходит алой крови полоса.

Ты еще металась жарко, боль ломила лоб.
А уже готовился в столярке твой дощатый гроб.
Как всегда твои убийцы курят, шутят, пьют.
Погодите ж, кровопийцы, вас везде найдут!

За погибель миллионов, за кровавый след,
И за море слез и стонов будет, гады, вам ответ!

№ 10. Поэма «Ликуй, Москва!»

Ликуй, Москва, Москва ликуй, и торжеству нет края!
И редко кто тоскует, когда смеется май.
Бежит крикливая волна по улицам и переулкам,
И не давала встреч толпе, толпа Сокольников толпа из Москворечья

Четко отбивая шаг шла рота, за ротой эскадрон
Вышли из Балтики матросы, красиво плещутся знамена,
Там вдали виднелся аэродром
А там из всех русских сторон раздавался стон заключенных,

Там на трибуне в бушлате, ровных складках синих губ,
Стоял соловецкий дятел, красный лесоруб.
Он, комкая слова, блинами, выдавливая из легких сок,
Он говорил: «Товарищи, мы тоже “за!”»,

Мы тоже выполняем пятилетку в срок.
Но орган его соловецкую песню пел. Рыдай Услон, Услон рыдай.
Здесь не смеются люди, когда смеется май.
Я помню курган, за курганом виднелось холодное море.

Сто тысяч баланов, пропитанных кровью, кочались на нем.
Ни доллары, ни фунты стерлингов не построят
Ни план пятилеток, ни стройки в лесу.
Да что я буду перечислять, комкая сколько.

Сорок вагонов под изоляции, ни помилования, ни касации.
Только слышны могильные колокола по карельскому краю,
Это я их так называю.
Проснулись болота, качаются кочки.

Все люди полумертвые в ранах идут. Терроры, расстрелы там были.
Там трупы никто не считал, считались баланы, а люди,
люди в расходе.
О Русь! Широка, велика, только знают карелы да финны.
Какая в Мурманске была нам цена.

А утром, проснувшись с пилой на развод,
И руки не держат пилу, и губы не связывают речи,
И ты проклинаешь судьбу.
Семь кубометров, дневное задание, становится жизнь коротка.

Взмах топора – и нет лесорубской кисти!
Только пень рассмеется кровавым пятном.
Эх мама, милая мама, ты не видишь: я пью кровавый ром,
Дрожащие вены кусая.

В картотеках числятся люди, картотеки бросают в огонь.
Двести на Воньге замерзло, от трупов разносится вонь.
Доллар ~~стерлингу~~ рублю режет путь,
А лес особой породы давит нам молодую грудь.

№ 11

Преступный мир для всех идет открытым
Он манит тех, кто проклятый судьбой.
И по нему идет так много жертв безвинных
И по нему идут из жизни молодой.

Огни притона заманчиво мигают,
Мотив фокстрота заманчиво звучит.
Там за столом мужчины совесть пропивают
Девыцы пивом заливают свой честь.

А там в углу сидел один угрюмый,
С большой, измученной, истерзанной душой,
Он молодой, но жизнь его разбита
Вошел в притон он заброшенной судьбой.

Он был дитя и мать его любила,
Сама не съест а все для сына сбережет
С рукой протянутой на паперти стояла,
Дрожа от холода в лохмотьях без пальто.

Вот вырос сын, с ворами он познался,
Стал пить, кутить ночами дома не бывать.
И жизнь провел свою в притонах и шалманах
И позабыл свою родную мать.

А мать лежит в сыром нетопленном подвале,
Не в силах руку за копейку протянуть.
Вот скрип дверей и двери отворились
Вошел в костюме, в кожаном пальто.

Вошел сказал он: «Мама здравствуй!»
Вымолвить не мог он больше ничего.

О что сынок, пришел мое больное сердце рвать
Ведь по тебе не мало слез пролито и ты не успокоишь свою мать.

«О мама, нет, пришел просить прощенья
Прости бродяге сыну своему
Я – вор, убийца, чужой забрызган кровью
Я атаман среди разбойников, воров».

А наутро из темного подвала
Его мать на кладбище несли,
А ее сына с шайкою бандитов
За преступление к расстрелу повели.

№ 12

Судьба большую в жизни роль играет, и от нее далеко не уйдешь.
Она везде тобою управляет, куда ведет, покорно ты идешь.
Там далеко есть Родина родная, не помню я, где умер мой отец.
Но помню то, что в муках умирая, не обнял он сыночка своего.

Чтоб легче жить работала мамаша, я постепенно начал воровать.
«Ты будешь вор, такой, как твой папаша», – твердила мне,
роняя слезы мать
Не слушал я мамашу наставленья, и не молился в церкви при дворце.
Я исполнял своей судьбы веленье – идти тропой, проложенной отцом.

Шестнадцать лет мне в это время было, когда меня принял
преступный мир
Вольною жизнь так быстро подхватило, я ревизором был чужих
квартир
И вот, друзья, пять лет как дома не был, освободился, только срок
отбыл.
И вот, друзья, чахоткою я болен, умру иль нет, но все же еще жив.

Вот, друзья, как трудно исправляться, когда правительство
на помощь не идет,
Хотел на фабрику рабочим поступить я, а мне сказали:
«Вы отбыли наказание,
Так постарайтесь адрес наш забыть».

И так пошел бродить от фабрики к заводу,
Всюду слышал один и тот же разговор.
Так для чего же добывал себе свободу,
Когда по-прежнему, по-старому я – вор?

В ком сила есть, тот может побороться, вести борьбу до самого конца.
Но я уж стар, и мне, друзья, придется идти тропой, проложенной
отцом.

№ 13. Воркутинская застольная

Выпьем за тех, кто под силой оружия,
Мерзлую землю долбил,
Кто, униженный и всем оскорбленный,
Номер раба проносил.

Выпьем за тех, кто сидел в изоляторах,
Кто умирал на снегу,
Кто пробирался звериными тропами,
Чтобы взглянуть на семью.

Выпьем за тех, кто сгубил свою молодость,
Жизни своей не щадя,
Кто испытал эти кары суровые,
Тюрьмы и спецлагеря.

Люди посажены, семьи разогнаны,
Кто их теперь соберет?
Кто отзовется на стон заключенного,
Тот счастье в борьбе обретет.

Выпьем товарищи, грянем застольную!
Выше бокалы с вином!
Выпьем за Родину нашу несчастную
Выпьем и снова нальем!

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Благодарю С.Ю. Неклюдова, указавшего мне на архивный источник и прочитавшего первую версию рукописи. Признателен Н.Н. Рычковой за ценные комментарии и Д.А. Самсоновой за обсуждение материалов.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song traditions of the 20th – 21st centuries: poetic structures, biographical discourse and historical narrative” (contest “Student project scientific collectives RSUH”).

I thank S.Yu. Neklyudov, who pointed me to the archival source and read the first version of the manuscript. I am grateful to N.N. Rychkova for valuable comments and D.A. Samsonova for discussing the materials.

Сокращения

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ПермГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории

Литература

- Архипова**, Неклюдов 2008 – *Архипова** А.С., Неклюдов С.Ю.* Два героя / два уркана: привал на пути // *Natales grate numeras?: сборник статей к 60-летию Г.А. Левинтона*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 27–75.
- Бахтин, Путилов 1994 – *Фольклор и культурная среда ГУЛАГа* / сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб.: Края Москвы, 1994. 209 с.
- Бахтин 1997 – *Бахтин В.* «Муркина» история // *Нева*. 1997. № 4. С. 229–232.
- Башарин 2005 – *Башарин А.* Блатная песня: terra incognita // *Массовая культура на рубеже веков: сборник статей*. М.; СПб., 2005. С. 176–192.
- Гаспаров 2012 – *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 414 с.
- Джекобсон, Джекобсон 2014 – *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник: 1917–1991 / подгот. текста Н.Н. Рычковой. М.: РГГУ, 2014. 424 с.
- Ефимова 2003 – *Ефимова Е.С.* Субкультура тюрьмы // *Современный городской фольклор*. М.: РГГУ, 2003. С. 231–265.
- Калашникова 2009 – *Калашникова М.В.* Самодетельная поэзия в местах лишения свободы: творчество Алевтины Ивановны Л. // *До и после литературы: тексты «наивной словесности»*. М.: РГГУ, 2009. С. 337–373.
- Козлов, Мироненко 2005 – *Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР* / ред. В.А. Козлов, С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. 432 с.

- Козьмин 2005 – *Козьмин А.В.* Метрический репертуар «блатной» песни 1920–1930-х гг. и проблема ее происхождения // Живая старина. 2005. № 2. С. 40–42.
- Лурье 2010 – *Лурье М.Л.* Политические и тюремные песни в начале XX в.: между пропагандой и фольклором // Антропологический форум. 2010. № S12. С. 1–20.
- Лурье 2016 – *Лурье М.Л.* Песни «деклассированных слоев» в записи советских фольклористов (конец 1920 – начало 1930-х гг.) // Традиционная культура. 2016. № 2. С. 139–161.
- Москвин 2012 – *Москвин А.Ю.* Шесть песен из блатного кармана // Живая старина. 2012. № 2. С. 19–21.
- Неклюдов 2001 – *Неклюдов С.Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.
- Неклюдов 2006 – *Неклюдов С.Ю.* «Гоп-со-смыком» – это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию А.Ф. Белоусова. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 65–85.
- Пьералли 2019 – *Пьералли К.* Поэзия ГУЛАГа: проблемы и перспективы исследования: К продолжению темы // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 1. С. 250–273.
- Рычкова 2020 – *Рычкова Н.Н.* Неуцененные песни ГУЛАГа: Интервью с Виктором Булгаковым // Фольклор и антропология города. 2020. Т. 3. № 3–4. С. 296–317.
- Цехновицер 2012 – *Цехновицер О.В.* <Тюремные песни> / вступ. ст., подгот. текстов Т.С. Царьковой; коммент. М.Л. Лурье // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 442–666.
- Чистова, Чистов 1998 – Преодоление рабства: фольклор и язык остарбайтеров: 1942–1944 / Сост. и текстология Б.Е. Чистовой, К.В. Чистова. М.: Звенья, 1998. 196 с.
- Шумов, Кучевасов 1995 – *Шумов К.Э., Кучевасов С.В.* «Розы гибнут на морозе, малолетки – в лагерях»: рукописные тетради из камеры малолетних преступников // Живая старина. 1995. № 1. С. 11–15.

References

- Arkhipova**, A.S. and Neklyudov, S.Yu. (2008), “Two heroes / two urkan: a halt on the way”, in *Natales grate numeras?: sbornik statei k 60-letiyu G.A. Levintona*. [Natales grate numeras?: collected articles for the 60th anniversary of G.A. Levinton], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia, pp. 27–75.
- Bakhtin, V.S. and Putilov, B.N., comp. (1994), *Fol'klor i kul'turnaya sreda GULAGa* [Folklore and the cultural environment of the GULAG], Kraya Moskvyy, Saint Petersburg, Russia.

- Bakhtin, V. (1997), "Murka's history", *Neva*, no. 4, pp. 229–232.
- Basharin, A. (2005), "Thug song: terra incognita", in *Massovaya kul'tura na rubezhe vekov* [Mass culture at the turn of the century], Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 176–192.
- Chistova, B. and Chistov, K., comp. (1998), *Preodolenie rabstva: fol'klor i yazyk ostarbaiterov. 1942–1944* [Overcoming slavery: Folklore and the language of the Ostarbeiters. 1942–1944], Zven'ya, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (2012), *Metr i smysl: ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamyati* [Meter and meaning: about one of the mechanisms of cultural memory], Fortuna EL, Moscow, Russia.
- Jakobson, M. and Jakobson, L. (2014), *Pesennyi fol'klor sovetskikh tyurem i lagerei kak istoricheskii istochnik: 1917–1991* [Song folklore of Soviet prisons and camps as a historical source. 1917–1991], RGGU, Moscow, Russia.
- Efimova, E.S. (2003), "Subculture of prison", in *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Modern urban folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 231–265.
- Kalashnikova, M.V. (2009), "Unprofessional poetry in places of imprisonment: the creativity of Alevtina Ivanovna L.", in *Do i posle literatury: teksty "nainoi slovesnosti"* [Before and after literature: texts of "naive literature"], RGGU, Moscow, Russia, pp. 337–373.
- Kozlov, V.A. and Mironenko, S.V., eds. (2005), *Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve 1953–1982 gg.: Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR* [Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982: Declassified documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR], Materik, Moscow, Russia.
- Kozmin, A.V. (2005), "The metrical repertoire of the 'thug' song of the 1920s – 1930s and the problem of its origin", *Zhivaya starina*, no. 2, pp. 40–42.
- Lurie, M. (2010), "Political and prison songs in the early 20th century: Between propaganda and folklore", *Antropologicheskii forum*, no. S12, pp. 1–20.
- Lurie, M.L. (2016), "Songs of the 'declassified layers' recorded by Soviet folklorists (late 1920s – early 1930s)", *Traditsionnaya kul'tura*, no. 2, pp. 139–161.
- Moskvin, A.Yu. (2012), "Six songs from a thug's pocket", *Zhivaya starina*, no. 2, pp. 19–21.
- Neklyudov, S.Yu. (2001), "From the compiler", in *"Naivnaya literatura": issledovaniya i teksty* ["Naive literature": studies and texts], Moscow, Russia, pp. 4–14.
- Neklyudov, S.Yu. (2006), "'Gop-with-a-smyk' is well known to everyone...", in *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sbornik statei k 60-letiyu A.F. Belousova* [Folklore, post-folklore, everyday life, literature: collected articles dedicated to the 60th anniversary of A.F. Belousov], SPbGUKI, Saint Petersburg, Russia, pp. 65–85.

- Pieralli, K. (2019), "Poetry of the GULAG: Problems and prospects for future research", *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 1, pp. 250–273.
- Rychkova, N.N. (2020), "Unappreciated songs of the GULAG. Interview with Viktor Bulgakov", *Urban folklore and anthropology*, vol. 3, no. 3–4, pp. 296–317.
- Shumov, K.E. and Kuchevasov, S.V. (2005), " 'Roses die in the cold, youngsters die in camps': handwritten notebooks from the cell of juvenile delinquents", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 11–15.
- Tsekhnovitzer, O.V. (2012), "<Prison songs>", in Tsar'kova, T.S., intro. art., prep. for publ., and Lurie, M.L., comments, *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2011], Dmitrii Bulanin, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 442–666.

Информация об авторе

Василий А. Воробьев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; q.h.f@yandex.ru

Information about the author

Vasili A. Vorob'ev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; q.h.f@yandex.ru

УДК 398:82.0

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-108-131

Фольклор как проявление коллективного творчества

Петр Г. Богатырев, Роман О. Якобсон

Для цитирования: Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как проявление коллективного творчества / публ. М.Л. Лурье // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 108–131. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-108-131

Folklore as a manifestation of collective creation

Petr G. Bogatyrev, Roman O. Jakobson

For citation: Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (2024), "Folklore as a manifestation of collective creation", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 108–131, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-108-131

Наивно-реалистический уклон, особенно характерный для теоретического мышления второй половины XIX в., новейшими течениями научной мысли уже изжит, тем не менее экспансия наивного реализма продолжалась и даже нередко росла еще в начале века нынешнего – в тех областях гуманитарного знания, где исследователи, поглощенные разработкой сырого материала и частными конкретными задачами, были мало склонны к ревизии философских предпосылок и потому неизбежно отставали в своих теоретических принципах.

Пусть в настоящий момент философское мирозерцание наивного реализма глубоко чуждо деятелям науки, но в различных областях науки о культуре в качестве контрабандного балласта, в качестве тормозящего развитие науки пережитка продолжают

жить многие формулировки, явившиеся непосредственным выводом из тех философских основ, на которых строилась господствующая наука второй половины XIX века (т. е. из философии наивного реализма, позитивизма, «ползучего эмпиризма»).

Одним из типичных продуктов наивного реализма был ходкий тезис «младограмматиков», что единственно реальным языком является язык индивидуальный. В своем эпиграмматическом заострении этот тезис гласил, что в конечном счете подлинная реальность это только язык данного лица в данный момент, все остальное – теоретическая, научная абстракция. Может быть, ничто не чуждо современным устремлениям языковедения до такой степени, как этот тезис, послуживший одним из краеугольных камней младограмматики.

Рядом с индивидуальным, партикулярным актом – parole, по терминологии Ф. де Соссюра, современная лингвистика знает lanque, т. е. *l'ensemble des conventions adoptées dans une collectivité donnée pour assurer l'intelligence de la parole* (система условностей, принятых в данном коллективе, дабы обеспечить понимание индивидуального речевого акта). В эту традиционную вневличную систему тот или иной говорящий может вносить личные изменения, но эти явления можно интерпретировать лишь как индивидуальные отклонения от lanque, только на фоне последнего. Они становятся фактами lanque лишь тогда, когда коллектив, являющийся носителем данного lanque, дает им свою санкцию, принимает их как общеобязательные. В этом лежит различие между языковыми изменениями, с одной стороны, и с другой стороны – индивидуальными *lapsus*'ами, продуктами личной речевой прихоти (скажем, эстетических побуждений) или же сильного аффекта говорящего индивидуума. Если нас интересует вопрос зачатия того или иного языкового новшества, то мы можем учесть случаи, когда языковые изменения происходят в силу своего рода социализации, обобщения индивидуальных *lapsus*'ов или индивидуальных – аффективных либо эстетических – деформаций речи. Возможно и иное происхождение языкового изменения, а именно – данное языковое изменение является неизбежным закономерным последствием предшествующих изменений языка и осуществляется непосредственно в lanque (ср. номогенез биологов). Но каковы бы ни были эти предпосылки языкового изменения, о рождении языкового новшества как такого мы можем говорить лишь с того момента, когда оно дано как социальный факт, когда оно присвоено говорящим коллективом.

Если мы из лингвистической области перейдем в область фольклора, мы обнаружим здесь параллельные явления. Фольклорное произведение только тогда начинает существовать как

такое, когда оно принято известным коллективом, и только то в нем существует, что этим коллективом принято.

Предположим, что имело место личное сочинительство отдельного члена коллектива. Если устное произведение, порожденное этим сочинительством, для коллектива по тем или иным причинам неприемлемо, если оно остается не усвоено прочими членами коллектива, то оно осуждено на гибель. Только случайная запись собирателя может спасти его, переводя это произведение из области устной словесности в область письменности.

Французский поэт 60-х годов прошлого столетия Lautréamont – один из характерных “poètes maudits”, т. е. поэтов отвергнутых, замолчанных, не получивших признания современников. Он издал книжку, но она совершенно не была замечена и не разошлась. 24-х лет он умирает. Читатели его не знают, критика игнорирует. Проходят десятилетия. Возникает так называемое сюрреалистическое литературное течение, которому поэзия Лотреамона в некоторых отношениях созвучна, и вот Лотреамона реабилитируют, издадут, возводят в мэтры. Он начинает оказывать влияние. Что было бы с Лотреамоном, если бы он был «автором» произведений устной словесности? Эти произведения бесследно погибли бы с его смертью.

Мы взяли крайний случай – неприемлемы целые произведения. Но могут отвергаться или не восприниматься отдельные черты, отдельные формальные особенности, отдельные мотивы. Среда исправляет в этих случаях произведение, и опять-таки все то, что средой отвергнуто, просто не существует как фольклорный факт, все это осуждено на изъятие из обращения, на смерть.

Гончаровская Марфинька, прежде чем читать роман, прочитывает развязку. Предположим, что в известную эпоху так поступает массовый читатель. Массовый читатель известной эпохи может пропускать при чтении все описания природы, оценивая их как обременительный, скучный балласт. Как бы ни деформировался роман читателем, как бы ни противоречил он по своей композиции требованиям очередной литературной школы и как бы ущерблено ни воспринимался таковою, он не тронут, он сохраняет потенциальное бытие; придет новая эпоха и, возможно, реабилитирует отвергавшиеся дотоле элементы. Но перенесем эти факты в плоскость фольклора: предположим, коллектив требует, чтобы развязка была дана наперед, и вот всякое происходящее через эту среду фольклорное повествование неизбежно усваивает композицию типа толстовской «Смерти Ивана Ильича», где рассказ начинается с развязки; если коллективу неуютны пейзажи, они вычеркиваются из фольклорного репертуара и т. д. Словом, в фольклоре

сохраняются лишь формы, для данного коллектива функционально оправданные. При этом сама функция формы может, разумеется, меняться. Но как только форма вовсе утрачивает функцию, она в фольклоре отмирает, тогда как в литературном произведении она продолжает потенциально существовать.

Еще историко-литературный пример: так называемые «вечные спутники» – писатели, которые на протяжении веков интерпретируются различными течениями – каждым по-своему, по-новому. Иные особенности этих писателей, современникам чуждые, непонятные, ненужные, нежелательные, получают в дальнейшем высокую оценку, внезапно актуализуются, т. е. становятся продуктивным литературным фактом. Также и это возможно только в плоскости литературы. Что было бы, например, в условиях устной словесности с отважным и «несвоевременным» языковым творчеством Лескова, которое стало продуктивным фактом лишь несколько десятилетий спустя – в литературной деятельности Ремизова и плеяды новейших прозаиков? Лесковская среда очистила бы его произведения от их причудливых стилистических особенностей. Словом, самое понятие литературной преемственности глубоко отлично от преемственности фольклорной. В области фольклора значительно ограниченной возможностью реактуализации художественных фактов. Если носители известной фольклорной традиции умерли, воскрешение традиции больше невозможно, тогда как литературные факторы воскресают и снова становятся продуктивными после вековой, порою многовековой, летаргии¹.

Из вышеизложенного явствует: существование фольклорного произведения предполагает наличие группы, подхватывающей, санкционирующей произведение. Говоря о фольклоре, следует иметь постоянно в виду предварительную цензуру коллектива. Мы сознательно подчеркиваем – предварительную, ибо, когда мы рассматриваем фольклорный факт, дело идет не о предбытийных моментах его биографии, не о зачатии, не об «утробной жизни», а о рождении фольклорного факта как такового и о его дальнейшей судьбе.

Фольклористы зачастую отстаивают тезис о том, что между устной словесностью и литературой принципиальной разницы нет, и что как в том, так и в другом случае перед нами несом-

¹ Отметим мимоходом, что не только преемственность, но и сосуществование в одной среде стилей, как различных целевых устремлений, более ограничено в области фольклора, т. е. многообразие стилей в фольклоре большей частью соответствует многообразию жанров. Перебой стилей без перебора жанров – явление, фольклору мало свойственное.

ненные продукты индивидуального творчества. Происхождение этого тезиса коренится именно в наивном реализме: коллективное творчество не дано в наглядном опыте, поэтому необходимо предполагать индивидуального творца, инициатора. Типичный «младограмматик» и в языковедении, и в фольклористике, В.Ф. Миллер так и пишет по поводу фольклорных сюжетов: «Кем они были измышлены? Коллективным творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал»². Здесь несомненно сказывается влияние нашего бытового окружения: для нас не устное творчество, а письменность – ходовая и наиболее знакомая форма, и вот привычные представления эгоцентрически вчитываются также в область фольклора. Поясним. Автор закрепил свое произведение на бумаге – это момент рождения литературного произведения, и по аналогии исследователь готов интерпретировать как момент рождения устного произведения тот момент, когда оно впервые объективируется, т. е. впервые кем-то произнесено; между тем в действительности произведение становится фольклорным лишь с момента принятия его коллективом.

У защитников этого тезиса об индивидуальном характере фольклорного творчества есть тенденция подставить на место коллективного понятие безличного, анонимного. Так например, в фундаментальном курсе русской устной словесности читаем: «Ясно, что и в обрядовой песне, если мы не знаем, кто был создателем обряда, кто был создателем первой песни, то это не противоречит индивидуальному творчеству, а только говорит за то, что обряд так древен, что мы не можем указать ни автора, ни условий возникновения старейшей, теснейшим образом связанной с обрядом песни, и что создался он в среде, где личность автора не представляла интереса, почему память о ней и не сохранилась. Таким образом идея “коллективного” творчества здесь ни при чем»³. Предположим, что зародышем того или иного обряда был индивидуальный акт, но от этого акта до обряда так же далеко, как от индивидуальной деформации речи до языкового изменения. Обряда вне санкции коллектива быть, разумеется, не может. Точно так же утверждение известного болгарского ученого И.Д. Шишманова, что «даже самая маленькая пословица – плод

² [Миллер В.Ф.] Очерки русской народной словесности. I. М., 1897. С. 24.

³ Проф. Сперанский М.Н. Русская устная словесность. [Русская устная словесность: Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера: Пособие к лекциям на Высш. женских курсах в Москве.] М., 1917. С. 163.

личного, а не коллективного творчества»⁴ – типичное *contradictio in adjecto*. Ведь «войти в поговорку» это именно значит «потерять автора», ведь именно в социализации состоит специфическое отличие поговорок от личного афоризма.

Сказанное о происхождении обряда и поговорки применимо и к эволюции таковых. К сожалению, усвоенное лингвистикой различие между изменениями языковой нормы и индивидуальным отклонением от нормы, различие, имеющее не одно лишь количественное, а принципиальное, качественное значение, еще в значительной степени чуждо фольклористике.

Одним из существенных признаков различия между фольклором и литературой является самое понятие бытия художественного произведения. В области фольклора – между художественным произведением, с одной стороны, и его объективацией, т. е. так называемыми вариантами этого произведения в исполнении отдельных лиц, с другой стороны, отношение аналогично отношению между *langue* и *parole*. Подобно *langue*, фольклорное произведение внелично и существует только потенциально, это только комплекс известных норм и импульсов, это канва актуальной традиции, которую исполнители расцвечивают узором индивидуального творчества, так же как поступают производители *parole* по отношению к *langue*⁵. Поскольку эти индивидуальные новшества в языке (или в фольклоре) отвечают запросам коллектива, поскольку они антиципируют закономерную эволюцию *langue* (или фольклорную эволюцию), постольку они социализируются, становятся фактом *langue* (resp. элементом фольклорного произведения).

Литературное произведение объективировано, оно конкретно существует помимо чтеца, и каждый следующий чтец обращается непосредственно к произведению. Это не путь фольклорного произведения от исполнителя к исполнителю, а путь от вещи к исполнителю. Интерпретация предшествующих исполнителей может учитываться, но это лишь один из составных элементов восприятия вещи, а не единственный источник, как в фольклоре. Роль исполнителя фольклорных произведений не может быть

⁴ [Šiřmanov I.D. Проблемы болгарской этнографии в связи с этнографиями общеславянскими //] Sbornik I sjezdu slovanských geografů a etnografů v Praze, 1924. [Praha, 1926.] С. 378.

⁵ Следует иметь в виду, пишет М. Мурко, что рапсоды не воспроизводят готового текста так, как это делаем мы, а постоянно создают его до известной степени заново ([Murko M.] Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien und der angrenzenden Gebiete von Kroatien und Dalmatien behufs Erforschung der Volksepik der bosn[ischen] Mohammedaner. [Wien, 1913.] S. 22).

ни в какой степени отождествлена ни с ролью читателя или чтеца литературных произведений, ни с ролью автора таковых. С точки зрения исполнителя фольклорного произведения, это произведение – внеличная данность (*langue*), которая уже существует помимо этого исполнителя. Это не исключает деформации, введения нового художественного и бытового материала. Для автора литературного произведения таковое не дано а priori, а лишь подлежит личному осуществлению (*parole*). Дан же комплекс действенных в этот момент художественных произведений, и на фоне этих произведений, их формального реквизита новое художественное произведение (путем усвоения одних из этих форм, преобразования других, отталкивания третьих) создается и воспринимается.

Существенное различие между фольклором и литературой в том, что для фольклора специфична установка на *langue*, для литературы установка на *parole*. Как правильно характеризует сферу фольклора Потебня, здесь «сам поэт не находит основания смотреть на свое произведение как на свое, на произведения других того же круга как на чужие»⁶. Роль цензуры коллектива в литературе и в фольклоре различна, как уже отмечалось выше. В фольклоре эта цензура императивна и составляет необходимую предпосылку возникновения художественных ценностей. Литератор более или менее считается с запросами среды, но как бы он ни приспосаблился к ней, здесь нет того неразрывного слияния цензуры и произведения, которое характеризует фольклор. Литературное произведение не предопределено цензурой, не может быть из нее всецело выведено, оно лишь приблизительно предугадывает ее требования – частью верно, частью ошибочно, часть запросов коллектива остается вне учета.

В плоскости экономики близкая параллель отношению литературы к потребителю – так называемое «производство на сбыт», тогда как фольклор ближе к «производству на заказ».

Несоответствие между требованиями среды и литературным произведением может быть авторским промахом, но может быть и преднамеренным умыслом автора, имеющего в виду преобразовать самые требования среды, литературно перевоспитать ее. Такая попытка автора реформировать спрос может быть и безуспешна: цензура не поддается, между ее нормами и произведением возникает антиномия. Мы склонны представлять себе «фольклорных авторов» по образцу и подобию литературного автора, но такое транспонирование ошибочно. В противоположность литературному поэту, фольклорный «поэт», по меткому замечанию Аничкова,

⁶ [Потебня А.А.] Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 143.

«никакой новой среды не создает»⁷, ему чужда самая тенденция к перевоспитанию среды: безусловное господство предварительной цензуры, осуждающее всякий конфликт произведения с цензурой на бесплодность, формирует особый тип участников поэтического творчества, навязывает личности отказ от посягательства на преодоление цензуры.

Кульминационным пунктом стремления упразднить границу между историей литературы и фольклористикой был тезис: «фольклор – проявление индивидуального творчества». Мы полагаем, как явствует из вышеизложенного, что этот тезис нуждается в существенной ревизии. Означает ли этот пересмотр реабилитацию романтической концепции, подвергавшейся столь резкой критике со стороны защитников приведенного тезиса?

Несомненно. В данной романтиками характеристике различия между устной поэзией и литературой был ряд верных мыслей, и романтические теоретики были правы, поскольку подчеркивали гуртовой характер устно-поэтического творчества и сопоставляли это творчество с языком. Наряду с этими верными положениями, есть в романтической концепции и ряд утверждений, которые не выдерживают современной научной критики.

Во-первых, романтики переоценивали самобытность, исконность фольклора, и лишь работа последующих поколений ученых показала, какую громадную роль в фольклоре играет то, что в современной немецкой этнографии называют *gesunkenes Kulturgut* (снизившиеся культурные ценности). Может показаться, что, признав то значительное, иногда прямо-таки исключительное место, которое занимает в народном репертуаре это *gesunkenes Kulturgut*, мы тем самым существенно ограничиваем роль коллективного творчества в области фольклора. Это не так. Заимствуемые народной словесностью от господствующих социальных слоев художественные ценности могут сами по себе быть типичными продуктами личной инициативы, индивидуального творчества. Но ведь сам по себе вопрос об источниках фольклорного произведения лежит по существу вне пределов фольклористики. Всякий вопрос о гетерогенных источниках только тогда становится проблемой, поддающейся научной интерпретации, когда эти источники рассматриваются под углом зрения системы, в которую они вошли, т. е. в данном случае под углом зрения фольклорным. Для науки о фольклоре существенно не внефольклорное возникновение и бытие источника, а функция заимствования, отбор и транс-

⁷ [История русской литературы / под ред. прив.-доц. Е.В. Аничкова, проф. А.К. Бороздина и проф. Д.Н. Овсянико-Куликовского. Т. 1–2. М., 1908. Т. 1.] Народная словесность / под ред. Е.В. Аничкова. С. 14.

формация заимствуемого материала. С этой точки зрения знаменитый тезис «das Volk produziert nicht, es reproduziert» (народ не производит, а воспроизводит) теряет свою остроту, ибо мы не вправе проводить непреодолимую грань между продукцией и репродукцией и толковать последнюю как-то свысока. Репродукция не означает пассивного принятия, и в этом смысле нет принципиальной разницы между Мольером, претворяющим старинные пьесы, и между народом, который, по выражению Наумана, *ein Kunstlied zersingt*⁸. Разве преобразование произведения так называемого монументального искусства в так называемый примитив не творческий акт?

Творчество проявляется и в отборе усваиваемых произведений, и в их приспособлении к иным навыкам и требованиям. Законченные литературные формы, при переброске в фольклор, оказываются материалом, подлежащим претворению. На фоне иного художественного окружения, иной традиции, иного отношения к художественным ценностям, произведение интерпретируется по-новому, и даже тот формальный реквизит, который, казалось бы на первый взгляд, сохранен при заимствовании, не может быть отождествлен с соответствующими формами вне фольклора: в этих художественных формах происходит, по выражению Тынянова, переключение функции. С функциональной точки зрения, вне которой понимание художественных фактов невозможно, художественное произведение вне фольклора и то же произведение, усвоенное фольклором, – два существенно различных факта.

История пушкинского стихотворения «Гусар» – характерный пример того, как, попадая из фольклора в литературу и обратно из литературы в фольклор, художественные формы меняют свою функцию⁹. Типичный фольклорный рассказ о встрече простого человека с потусторонним миром (причем в живописании нечистой силы лежит центр тяжести повествования) преобразован Пушкиным в ряд жанровых картинок с психологизацией действующих лиц и психологической мотивировкой их поступков. И главный герой – гусар, и в особенности народные верования окрашены Пушкиным юмористически. Использованная Пушкиным сказка простонародна, в переделке поэта простонародность – прием, она сигнализирована. Бытовой сказ народного сказочника превращается у Пушкина в пикантный материал для стихового оформления.

⁸ *Naumann H.* Primitive Gemeinschaftskultur. [Beiträge zur Volkskunde und Mythologie.] Jena, 1921. S. 6.

⁹ См.: *Богатырев П.* Стихотворение Пушкина «Гусар»: его источники и его влияние на народную словесность // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. [С. 147–193.]

Стихотворение Пушкина вернулось в фольклор, оно вошло в некоторые варианты «Царя Максимилиана». Оно служит здесь, наряду с другими литературными заимствованиями, для уплотнения вводного эпизода, это один из номеров того пестрого дивертисмента, который выполняет герой этого вводного эпизода – гусар. Ухарское бахвальство гусара вполне в духе балаганной эстетики, юмористическая передача чертовщины – также. Но, конечно, между юмором Пушкина, тяготеющим к романтической иронии, и между балаганной буффонадой «Царя Максимилиана», ассимилировавшей себе это стихотворение, общего мало. И в тех вариантах Максимилиана, где стихотворение Пушкина сравнительно мало изменено, оно 1. на фоне окружающих партий, 2. в исполнении народных актеров, 3. воспитанной на фольклоре публикой интерпретируется весьма своеобразно; в других вариантах эта замена функций реализуется непосредственно в форме: разговорный слог пушкинского стихотворения легко преобразуется в фольклорный сказочный стих, а сюжетная схема обнажается от мотивировок, и на нее нанизывается множество типичных балаганных острот и каламбуров.

Как бы ни переплетались в своих исторических судьбах литература и устная словесность, как бы обыденно и интенсивно ни было их взаимовлияние, сколько бы ни оперировал фольклор литературным материалом или, наоборот, литература материалом фольклорным, мы неправомочны в угоду генеалогии стирать принципиальную границу между устной словесностью и литературой.

Другой существенной ошибкой романтической характеристики фольклора является, рядом с тезисом о его самобытности, тезис, что автором фольклора, субъектом коллективного творчества мог быть только народ, не расчлененный на классы, своего рода коллективная личность с единой душой, единым мирозерцанием, коллектив, не знающий индивидуалистических проявлений.

Этот романтический тезис не забыт и ныне. Неразрывно связывают коллективное творчество с «примитивной общиной» Науман и его единомышленники, вообще во многих пунктах своего учения соприкасающиеся с романтиками: «Здесь еще не существует индивидуализма. Мы не остановимся перед сопоставлениями с животным миром: в последнем обнаруживаются самые близкие параллели... Подлинное народное искусство является искусством коллективным, так же как гнезда ласточек, пчелиные соты, раковины улиток представляют собою плод подлинного коллективного искусства»¹⁰. «Все они, говорит Науман о носителях общинной культуры, охвачены одним движением, все они одухотворены

¹⁰ Naumann [H. Op. cit. S.] 150.

одинаковыми намерениями и мыслями»¹¹. В этой концепции таится та же опасность, которая свойственна всякому прямолинейному умозаключению от социального акта к психике коллектива (*mentalité*), например от форм языка к формам мышления (где опасность подобного отождествления была прекрасно вскрыта Антоном Марти). Так и в этнографии: безраздельное господство коллективистского мышления вовсе не является неременной предпосылкой коллективного творчества, хотя такое мышление и представляет собою особенно благоприятную почву для наиболее полной реализации коллективного творчества. Но и культуре, пронизанной индивидуализмом, вовсе не чуждо коллективное творчество. Достаточно вспомнить хотя бы о процветающих в современном интеллигентном обществе анекдотах, легендообразных слухах и сплетнях, о повериях и мифотворчестве, о бытовом этикете, о моде. С другой стороны, русские этнографы, изучавшие деревни Московской губернии, могут многое порассказать о сочетании богатого и живучего фольклорного репертуара с многообразной социальной, экономической, идеологической, даже бытовой раслойкой крестьянства.

Бытование устной словесности находит себе объяснение скорее в функциональном плане, нежели в плоскости генетической психологии. Ср., например, сосуществование устной словесности и литературы в XVI–XVII вв. в тех же русских интеллигентных кругах: одни культурные задачи обслуживались литературой, другие устной словесностью. Но, конечно, в городских условиях доминирует литература над фольклором, производство на сбыт над производством на заказ, консервативной деревне чужда индивидуальная поэзия в роли социального факта, равно как ей чуждо производство на сбыт.

Принятие тезиса о фольклоре, как проявлении коллективного творчества, открывает перед фольклористикой ряд конкретных задач. Анализу фольклорных художественных форм зачастую вредило перенесение методов и понятий, добытых при разработке историко-литературного материала, в область фольклористики, в частности, недостаточно учитывалась громадная разница между литературным текстом и записью фольклорного произведения, которая уже сама по себе неизбежно деформирует его, транспонирует в иной ряд.

Было бы эквивокацией говорить о тождественных формах по отношению к фольклору и литературе. Например, стих – понятие одинакового, на первый взгляд, содержания и в фольклоре, и в литературе, но на деле перед нами глубокое функциональное

¹¹ Ibid. S. 151.

различие. Тонкий исследователь «устного ритмического стиля» (style oral rythmique) Марсель Жус считает это различие настолько существенным, что сохраняет термины «стих» и «поэзия» только для литературы, а применительно к устному творчеству пользуется соответственно обозначениями «ритмическая схема» и «устный стиль», дабы избежать вчитывания привычного литературного содержания в эти понятия. Он мастерски вскрывает мнемотехническую функцию этих «ритмических схем»¹². Жус следующим образом интерпретирует устный ритмический стиль «dans un milieu des récitateurs encore spontanés»: «Представим себе язык с двумя-тремя сотнями рифмованных фраз, четырьмя-пятью сотнями типов ритмических схем, которые твердо зафиксированы, переданы без изменений устной традицией: личное изобретательство состояло бы в том, чтобы, пользуясь этими ритмическими схемами как образцами, создавать по их подобию, при помощи фразных клише, другие ритмические схемы сходной формы, того же ритма, той же структуры... и, по мере возможности, того же смысла». Здесь четко охарактеризовано соотношение между традицией и импровизацией, между langue и parole в устной поэзии. Стих, строфа и более сложные композиционные структуры являются в фольклоре, с одной стороны, мощной опорой традиции, с другой (что с первым тесно связано), действенным средством импровизаторской техники¹³.

Типология фольклорных художественных форм должна строиться независимо от типологии форм литературных. Одной из актуальнейших проблем лингвистики является разработка фонологической и морфологической типологии. Уже обнаруживается, что существуют общие структурные законы, которых языки не нарушают; многообразие фонологических и морфологических структур оказывается ограниченным, оно сводится к сравнительно небольшому числу основных типов¹⁴. Это обусловлено тем, что ограничено многообразие форм коллективного творчества. Parole допускает большее разнообразие модификацией, чем langue.

¹² Jousse M. Études de psychologie linguistique[: Le Style oral rythmique et mnémotechnique chez les Verbo-moteurs // Archives de philosophie. Vol. 2, cahier 4]. Paris, 1925. (Цитата в следующем предложении статьи – перевод фрагмента со стр. 108 указанного издания. – М. Л.).

¹³ Ценные указания на специфические особенности этой импровизаторской техники см. в статье: Gesemann G. Kompositionsschema und heroisch-epische Stilisierung [// Gesemann G.] Studien zur südslavischen Volksepik. Reichenberg, 1926. [S. 65–96.]

¹⁴ Ср.: Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. Prague, 1929. II. § 4, 5.

С этими показаниями сравнительного языковедения можно сопоставить, с одной стороны, сюжетное многообразие, характеризующее литературу, с другой стороны, в области фольклора – ограниченный ряд сказочных сюжетов. Ни общностью источников, ни общностью психики и внешних условий эту ограниченность объяснить нельзя. Сходные сюжеты создаются в силу общих законов художественной композиции (тезис Виктора Шкловского)¹⁵. Эти законы, подобно структурным языковым законам, единообразнее и строже в применении к коллективному творчеству, нежели к творчеству индивидуальному.

Очередная задача синхронической фольклористики: характеристика системы художественных форм, составляющих актуальный репертуар определенного коллектива – села, округа, этнической единицы. При этом должно быть учтено соотношение форм в системе, иерархия, различие между формами продуктивными и утратившими продуктивность и т. п. Фольклорным репертуаром разнятся не только группы этнографические и географические, но и группы, характеризующиеся признаком пола (мужской и женский фольклор), возраста (дети, молодежь, старики), профессии (фольклор пастуший, рыбацкий, солдатский, разбойничий и т. д.). Поскольку названные профессиональные группы производят фольклор сами для себя, такие фольклорные циклы могут быть сопоставлены с профессиональными арготами. Однако есть фольклорные репертуары, монополизированные определенной профессиональной группой, но предназначенные для потребителя, к этой группе непричастного. Продукция устной поэзии является в этих случаях одним из профессиональных признаков группы. Так, например, на Украине и в большей части Великороссии духовные стихи исполняются почти исключительно «каликами переходными», нередко организованными в особые артели. Исполнение духовных стихов – один из главных источников их заработка. Между таким примером полного размежевания производителя и потребителя и противоположным крайним случаем – чуть ли не вся община является одновременно и производителем и потребителем (пословицы, анекдоты, частушки, некоторые жанры обрядовых и необрядовых песен) есть ряд промежуточных типов. Из данной среды выделяется группа одаренных лиц, более или менее монополизирующая продукцию определенного фольклорного жанра (напр., сказок); это не профессионалы, поэтическая продукция не является их основным занятием, специальностью, источником заработка; это дилетанты, культивирующие поэзию на досуге.

¹⁵ [Шкловский В.Б.] Связь сюжетосложения с общими приемами стиля [// Шкловский В.Б.] О теории прозы. М., 1925. [С. 24–67.]

Здесь нельзя провести знак полного равенства между производителем и потребителем, но нет здесь и полного размежевания. Граница зыбка. Производитель-дилетант легко превращается в потребителя и обратно: одно лицо совмещает роли сказочника и слушателя¹⁶.

Устно-поэтическое творчество и в условиях размежевания производителей и потребителей остается коллективным, но только коллектив приобретает здесь специфические черты. Это коллектив производителей, и «предварительная цензура» более эмансипирована от потребителя, нежели в условиях тождества между производителем и потребителем, когда цензура служит в равной степени интересам продукции и потребления.

Лишь при одном условии устная словесность выходит по существу за пределы фольклора, перестает быть теоретически коллективным: коллектив профессионалов, хорошо сложен; профессиональная преемственность обеспечена; он относится к определенным поэтическим произведениям с пиететом, и всемерно стремится сохранить их без всяких изменений. Что это более или менее осуществимо, свидетельствует ряд исторических примеров. Так, на протяжении столетий священнослужители передавали ведийские гимны – из уст в уста – «подобно корзинке» (передаваемой из рук в руки), согласно буддистской терминологии. Все усилия были направлены к тому, чтобы тексты не были повреждены, и, за вычетом малосущественных подновлений, это было достигнуто. Там, где роль коллектива сводится к консервированию возведенного в нерушимый канон поэтического произведения, там нет творческой цензуры, нет импровизации, нет больше коллективного творчества.

Параллельно пограничным формам устной словесности, можно отметить и пограничные формы литературы. Напр., оставаясь в рамках литературы, деятельность средневековых анонимных авторов и переписчиков, обладает некоторыми признаками, частично сближающими ее с устной словесностью: переписчик зачастую подходил к воспроизводимому произведению как к материалу, подлежащему переработке. Но сколько бы ни существовало промежуточных явлений, стоящих на грани между индивидуальным и коллективным творчеством,

¹⁶ Ср. интересные наблюдения А. Никифорова: «Казка, як і пісня, на Пінежжі й Заонежжі – є спільне добро і з цього погляду відрізняється від біліни, замови, голосіння, що зберігаються в пам'яті особливих знавців ([Нікіфоров О. Сьогоднішня Пінезька казка (деякі проблеми казковознавства в світлі крайового матеріалу) //] Етнографічний Вісник. VIII. 1929. С. 89).

мы все же не последуем примеру пресловутого софиста, ломавшего себе голову над тем, сколько песчинок надо отнять от кучи, чтобы она перестала быть кучей. Между смежными культурными областями обычны пограничные переходные зоны. Это обстоятельство не дает нам права отрицать наличие двух раздельных типов и продуктивность их размежевания.

Если в свое время сближение фольклористики с историей литературы позволило осветить ряд вопросов генетического характера, то размежевание обеих дисциплин и восстановление автономии фольклористики облегчит, надо думать, выяснение функций фольклора и вскрытие его структурных принципов и особенностей.

Приложение 1

Маргиналии Ю.М. Соколова на машинописи статьи Богатырева и Якобсона

*Фрагмент статьи Богатырева и Якобсона,
к которому относится маргиналия*

*Маргиналии
Ю.М. Соколова*

Но как только форма вовсе утрачивает функцию, она в фольклоре отмирает, тогда как в литературном произведении она продолжает потенциально существовать.

**Рудиментарные формы
и в фольклоре живут.**

Словом, самое понятие литературной преемственности глубоко отлично от преемственности фольклорной. В области фольклора значительно ограниченней возможность реактуализации художественных фактов.

(Но все же возможна)

Если носители известной фольклорной традиции умерли, воскрешение традиции больше невозможно, тогда как литературные факторы воскресают и снова становятся продуктивными после вековой, порою многовековой, летаргии.

Это бывает
и в фольклоре

Автор закрепил свое произведение на бумаге – это момент рождения литературного произведения, и по аналогии исследователь готов интерпретировать как момент рождения устного произведения тот момент, когда оно впервые объективируется, т. е. впервые кем-то произнесено; между тем в действительности произведение становится фольклорным лишь с момента принятия его коллективом.

А сказки-импровизации?

Точно так же утверждение известного болгарского ученого И.Д. Шишманова, что «даже самая маленькая пословица – плод личного, а не коллективного творчества» – типичное *contradictio in adjecto*. Ведь «войти в пословицу» это именно значит «потерять автора», ведь именно в социализации состоит специфическое отличие пословицы от личного афоризма.

Нет — это значит стать очень популярным.

В области фольклора – между художественным произведением, с одной стороны, и его объективацией, т. е. т. наз. вариантами этого произведения в исполнении отдельных лиц, с другой стороны, отношение аналогично отношению между *langue* и *parole*.

Незаконная аналогия.

Литератор более или менее считается с запросами среды, но как бы он ни приспособлялся к ней, здесь нет того неразрывного слияния цензуры и произведения, которое характеризует фольклор.

Это преувеличено.

В плоскости экономики близкая параллель отношению литературы к потребителю – т. наз. «производство на сбыт», тогда как фольклор ближе к «производству на заказ».

И там и тут есть и сбыт и заказ.

В противоположность литературному поэту, фольклорный «поэт», по меткому замечанию Аничкова, «никакой новой среды не создает»,

Неверно.

ему чужда самая тенденция к перевоспитанию среды: безусловное господство предварительной цензуры, осуждающее всякий конфликт произведения с цензурой на бесплодность, формирует особый тип участников поэтического творчества, навязывает личности отказ от посягательства на преодоление цензуры.

А моралистические легенды, сатирич<еские> сказки и пр.

Репродукция не означает пассивного принятия, и в этом смысле нет принципиальной разницы между Мольером, претворяющим старинные пьесы, и между народом, который, по выражению Наумана, *ein Kunstlied zersingt*. Разве преобразование произведения так называемого монументального искусства в так называемый примитив не творческий акт?

Это верно, но это противоречит другим положениям статьи.

Но, конечно, в городских условиях доминирует литература над фольклором, производство на сбыт над производством на заказ, консервативной деревне чужда индивидуальная поэзия в роли социального факта, равно как ей чуждо производство на сбыт.

Фольклор не ограничивается только творчеством консервативной деревни.

Анализу фольклорных художественных форм зачастую вредило перенесение методов и понятий, добытых при разработке историко-литературного материала, в область фольклористики, в частности, недостаточно учитывалась громадная разница между литературным текстом и записью фольклорного произведения, которая уже сама по себе неизбежно деформирует его, транспонирует в иной ряд.

Тут резкой грани между фольк<лором> и лит<ературой> нет

Сходные сюжеты создаются в силу общих законов художественной композиции (тезис Виктора Шкловского).

Неверно.

Из данной среды выделяется группа одаренных лиц, более или менее монополизирующая продукцию определенного фольклорного жанра (напр., сказок); это не профессионалы, поэтическая продукция не является их основным занятием, специальностью, источником заработка; это дилетанты, культивирующие поэзию на досуге.

Так и среди поэтов много дилетантов.

Приложение 2

Фотокопии страниц архивного дела

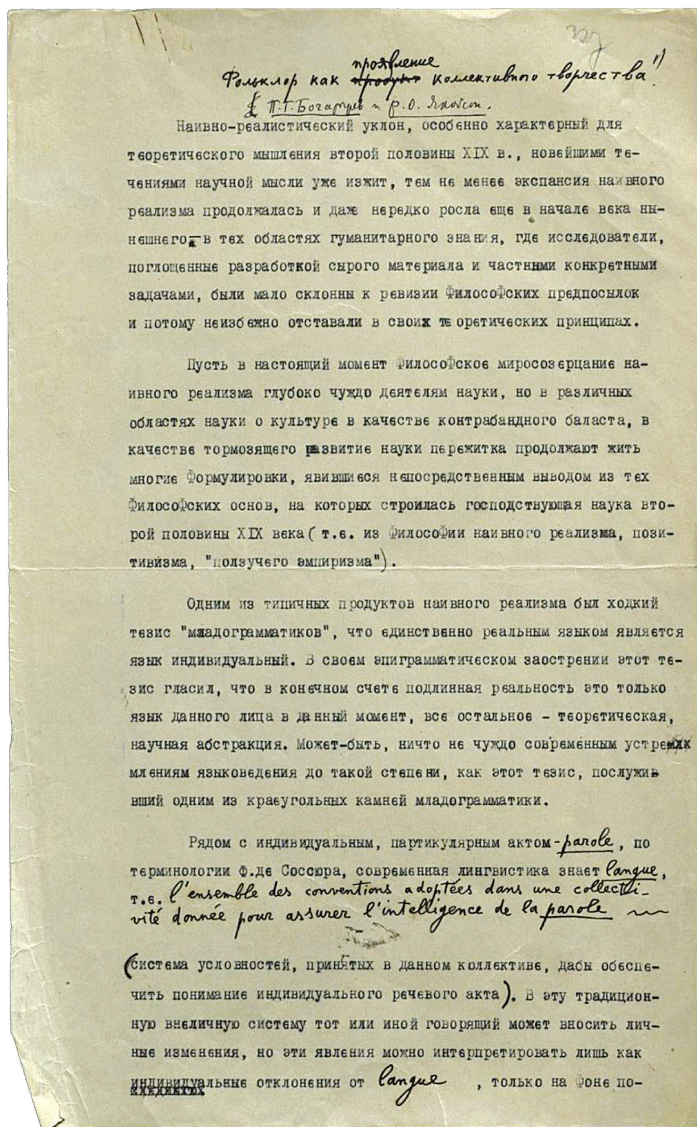

Рис. 1. Машинопись статьи П. Богатырева и Р. Якобсона, стр. 1. 1929 г.
 РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 327

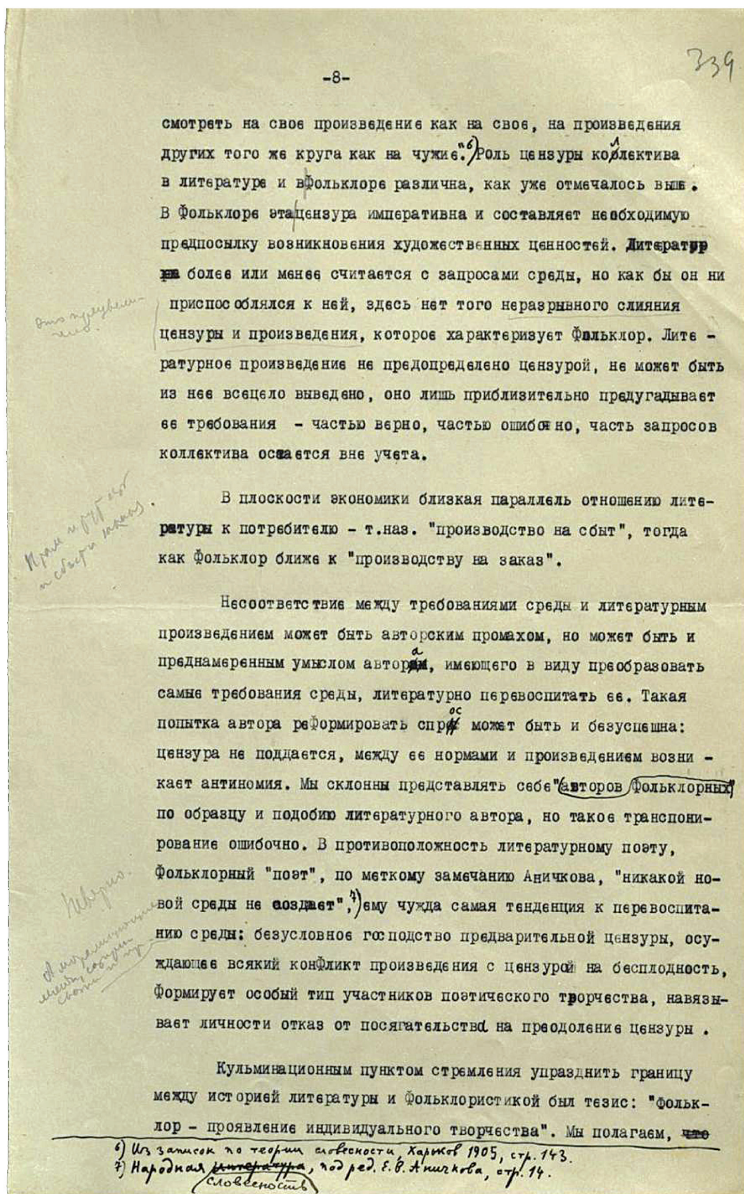

Рис. 2. Машинопись статьи П. Богатырева и Р. Яковсона, стр. 8. 1929 г.
РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 334

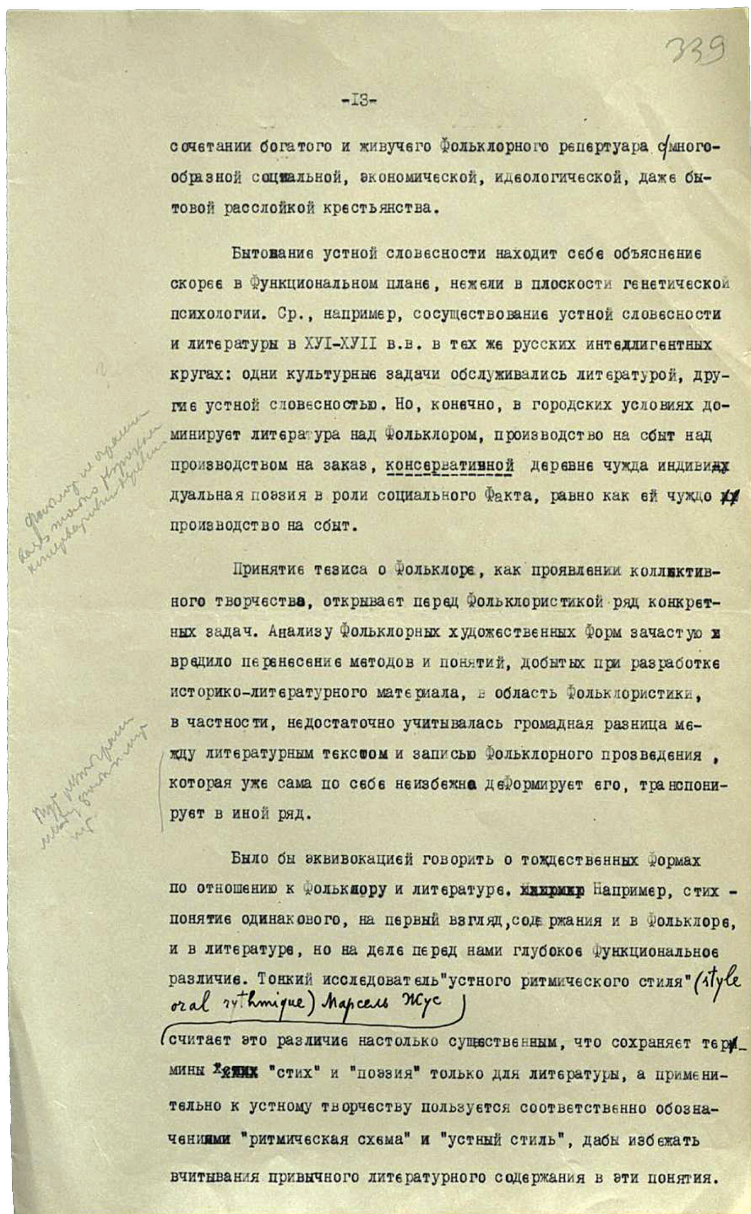

Рис. 3. Машинопись статьи П. Богатырева и Р. Якобсона, стр. 13. 1929 г.
РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 339

СОДЕРЖАНИЕ VI-VII ВЫПУСКА Ж. "ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР":

- 1.
1. Фольклористические пути В.М. Сокколова /от редакции/. 1/0.
2. В.М. СОКОЛОВ. По следам Рыбинкова и Гильбердинга. Результаты экспедиции ГАХН.
3. В.М. СОКОЛОВ. Лев Толстой и сказитель Пеголенок.
4. В.М. Халезинский. И расгадае чера Максимкиана. *Семейный состав семьи о чере Максимкиана*
5. В.И. Каленкин. История о двух любовниках.
6. В.В. ДАМИТОВ. Историко-литературное промисло одно: создано не-ми.
7. С.А. ВЛЕКОНСКИЙ. На переживании устно-поэтической традиции в эпоху Пурмачевщины.
8. Н.Н. РАБЕНТОРИ. Подвизания несли, как отражение быта русской деревни.
9. И.В. КАРНАУХОВА. Об изучении сказочника, как этнографа.
10. Н.И. МЕРЛИН. Изучение литературных рассказов. /Автобиография/
11. А.С. СМЕРДОВ.
12. И.А. ТАЧЕВСКИЙ. История текстов, описан братья Гримм.
13. В.Л. РОЗЕНФЕЛД. Убо Стиль торговли буржуазии в русских сказках.
14. Н.И. Кравцов. Народил в фольклоре.
15. Э.В. Голман. Народил в крестьянском фольклоре.
16. А.М. ЖЕЛАНОВИЧ. О скоморошеском слоге.
17. Н.А. СИЛИН. О рабочем фольклоре.
18. В.А. МЕШАНИНОВА. Пармезин "Иришников". 1/2
19. Н.Б. БИЧУКОВ. Фольклор Ленинграда. 1/2
20. Е.Г. Кагаров. Поэзия городской улицы. 1/2
21. З.Н. КУПРИАНОВА. Песни деревни Подольской. 1/2
22. В.И. ЧИЧЕРОВ. Как живет и что рассказывает Ловецкий колхоз. 1/2
23. С.С. ЛЕПЕШ. Фольклор рыбаков. 1/2
24. В.А. САМАРИН. Фольклор Нижегородских колхозов. 1/2
25. Н.И. Митер. Сказы о гражданской войне уральских рабочих. 1/2
26. Н.И. ЗАХАРОВ-ИВАНОВ. Убо Стиль Рамина и его автор.
27. В.В. ЧЕРНЫШЕВ. Об одной песни у М.В. Чернышева.
28. П.Г. Богатырев.
29. Р.О. ЯКОБСОН. Фольклор, как предание коллективного творчества.
30. В.М. ХАЛЕЗНСКИЙ. Фольклорный кабинет ГИИИ. 1/2
31. В.А. САМАРИН. Фольклорный кабинет ГАХН. 1/2
32. В.А. САМАРИН. Деятельность фольклорного кабинета ГАХН с 1928-30 гг. 1/2

Редактор Юрий СОКОЛОВ.

Рис. 5. Содержание неопубликованного выпуска № 6-7
журнала «Художественный фольклор». 1930 г.
РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 1

Публикация М.Л. Лурье

Информация о публикаторе

Михаил Л. Лурье, кандидат искусствоведения, доцент, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4;

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1А; *mlurie@inbox.ru*

Information about the publisher

Mikhail L. Lurie, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; 4, Makarova Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034;

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; 6/1A, Gagarinskaya St., Saint Petersburg, Russia, 191187; *mlurie@inbox.ru*

Статья Богатырева и Якобсона о фольклоре как особой форме творчества: как это по-русски?

Михаил Л. Лурье

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия, mlurie@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена впервые публикуемому русскому авторскому тексту работы П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как особая форма творчества», до настоящего момента известной на русском языке в переводе с немецкого. На основе опубликованных и не публиковавшихся ранее архивных документов (переписка, протоколы заседаний, редакционные материалы) реконструирована история несостоявшейся публикации этого теоретического манифеста в сопровождении дискуссионных отзывов советских ученых, которую Юрий Соколов планировал осуществить в журнале «Художественный фольклор» в 1930 г.

Другая часть статьи посвящена текстологическому анализу. Свою работу, вышедшую на немецком, Богатырев и Якобсон изначально писали по-русски, что позволяет говорить о ее общеизвестном русском тексте как об обратном переводе. Вместе с тем текст, направленный авторами в советский журнал, изначально несколько отличался от текста, предназначенного ими к переводу на немецкий для публикации в фestschrift в честь профессора Схрайнена (1929). В свою очередь, через сорок лет перевод с немецкого на русский (1971) был сделан не по этой публикации, а по второй редакции немецкого текста, подготовленной для собрания трудов Якобсона (1966). Сопоставление двух русских и двух немецких вариантов позволяет увидеть, как на каждом из этапов накапливались изменения, определившие ряд незначительных, но выразительных расхождений между оригинальным и переводным русскими текстами этой влиятельной работы.

Ключевые слова: теория фольклора, советская фольклористика, Петр Богатырев, Роман Якобсон, Юрий Соколов

Для цитирования: Лурье М.Л. Статья Богатырева и Якобсона о фольклоре как особой форме творчества: как это по-русски? // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 132–153. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-132-153

Bogatyrev and Jakobson's article on folklore as a special form of creation: How is that in Russian?

Mikhail L. Lurie

*Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom),
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia;
European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, mlurie@inbox.ru*

Abstract. The article is dedicated to the first-ever publication of the Russian-authored text by P.G. Bogatyrev and R.O. Jakobson, “Folklore as a Special Form of Creation”, previously only known in Russian through a translation from German. Based on both published and previously unpublished archival documents (correspondence, meeting minutes, editorial materials), the history of the unfulfilled publication of this theoretical manifesto is reconstructed, along with the discussion responses from Soviet scholars, which Yuri Sokolov planned to carry out in the journal “Artistic Folklore” in 1930.

Another part of the article is devoted to textual analysis. The work by Bogatyrev and Jakobson, initially written in Russian and later published in German, allows us to consider its widely known Russian text as a reverse translation. However, the text submitted by the authors to the Soviet journal initially differed slightly from the text intended for translation into German for publication in the Festschrift in honor of Professor Schreiner (1929). In turn, forty years later, the translation from German to Russian (1971) was made not based on this publication but on the second edition of the German text prepared for Jakobson's collected works (1966). A comparison of the two Russian and two German versions allows us to see how changes accumulated at each stage, resulting in a series of minor but meaningful discrepancies between the original and translated Russian texts of this influential work.

Keywords: folklore theory, Soviet folklore studies, Petr Bogatyrev, Roman Jakobson, Yuri Sokolov

For citation: Lurie, M.L. (2024), “Bogatyrev and Jakobson's article on folklore as a special form of creation: How is that in Russian?”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 132–153, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-132-153

1. Русский текст статьи как факт

Каждый российский фольклорист знает, что программная статья П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как особая форма творчества», ставшая для отечественной фольклористики теоретическим манифестом структурно-функционального подхода, была опубликована авторами на немецком языке в 1929 г. («Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens») [Bogatyrev, Jakobson 1929], а русскоязычной академической аудитории знакома в более позднем переводе на русский с немецкого.

Далеко не столь общеизвестен тот факт, что в то же самое время, на рубеже 1920–1930-х гг., эта статья предполагалась к публикации в советском журнале на русском языке, причем с иным заголовком – «Фольклор как проявление коллективного творчества». На этот эпизод в свое время указала В.А. Бахтина в монографии о братьях Соколовых. Как сообщает исследовательница, «под таким названием статья была прислана в журнал “Художественный фольклор” и предназначалась для подготовленного, но не увидевшего свет его очередного выпуска (№ 6–7)» [Бахтина 2000, с. 82]¹. После этой несостоявшейся публикации в советском фольклористическом журнале судьбы двух разноязычных версий статьи разошлись, как вскоре разошлись и биографические пути двух ее авторов. Авторский русский текст статьи затерялся в редакционных бумагах прекратившего существование журнала. Немецкий текст был перепечатан в 1966 г. в фольклорном томе избранных трудов Якобсона [Jakobson, Bogatyrev 1966a]. Спустя пять лет в сборнике работ Богатырева статья вышла на русском языке в переводе с немецкого, выполненном Б.Л. Огибениным [Богатырев, Якобсон 1971]. Вероятно, не без влияния републикации в якобсоновском собрании в 1960-е – 1980-е гг. было опубликовано, помимо русского, еще больше десяти переводов статьи на разные языки². Таким

¹ Далее В.А. Бахтина рассматривает реакцию на эту статью Ю.М. Соколова (на материале его примечаний к тексту, а также последующих выступлений и публикаций) в контексте актуальных для него в тот период представлений о природе фольклора, методологии фольклористики и ее месте на карте гуманитарных наук. Еще одно упоминание о неосуществленной публикации статьи на русском см.: [Бахтина 2015, с. 374, сноска 1].

² Статья вышла на венгерском (1967), итальянском (1969 и 1985, в разных переводах), чешском (1971), сербском (1971), французском (1973), шведском (1974), испанском (1977), английском (1982), иврите (1986) (см.: Roman Jakobson, 1896–1982: A complete bibliography of his writings / comp. and ed. by St. Rudy. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990.

образом, вошедший в научный оборот русский текст этой работы появился в ряду ее многочисленных переводных версий.

Что же касается исходного русского текста, вышедшего непосредственно из-под пера Богатырева и Якобсона, то он не был известен академическому миру. Более того, судя по листу требования архивного дела, практически никто из фольклористов не знал о самом факте его существования (за исключением В.А. Бахтиной, ее ближайших коллег и самых внимательных читателей). Случайно обнаружив русскоязычную авторскую машинопись знаменитой статьи в процессе архивных поисков совсем других материалов, мы сочли правильным сделать этот текст достоянием ученого сообщества.

Такое решение, признаемся, было принято не без колебаний. С одной стороны, последствием публикации может стать известное неудобство от соприсутствия в научном поле двух очень близких, но текстуально не совпадающих версий одной и той же работы. К тому же работы не просто известной, авторитетной и востребованной, но имеющей в отечественной фольклористике статус классического теоретического сочинения: классике, как известно, подобает канонический текст. Разумеется, мы тем более далеки от идеи, что с этого момента вся русскоязычная фольклористика должна отказаться от работы с привычной версией текста статьи и использовать исключительно публикуемую ниже, как «более подлинную» и «более авторскую». С другой стороны, всякий документ, вышедший из-под пера классика (а тем более сразу двух), согласно тем же культурным конвенциям, представляет самодовлеющую ценность и подлежит предъявлению миру по меньшей мере в качестве артефакта (надо признаться, что и автор этих строк не избежал фетишистского трепета, листая страницы с правками и добавлениями, сделанными рукой Якобсона в пражский период его жизни). Иными словами, эта публикация привносит частицу нового знания не в историю идей, но в историю науки.

2. Русский текст статьи как архивный документ

Статья Богатырева и Якобсона представляет собой машинописный текст на 17-ти листах, который не составляет отдельной единицы хранения, а располагается в составе объемной папки (23 документа, 405 листов), озаглавленной «Статьи для журнала

Р. 10–11); в якобсоновской библиографии Ст. Руди не учтен еще один английский перевод – [Jakobson, Bogatyrev 1980].

“Художественный фольклор” под редакцией Соколова Ю.М. №№ 6, 7» и датированной 1930 г.³

Помимо собственноручных подписей П. Богатырева и Р. Якобсона, поставленных на последнем листе, машинопись содержит достаточно многочисленные рукописные доработки текста, выполненные черными чернилами. Все они сделаны Якобсоном и представляют собой, во-первых, сноски, вписанные от руки внизу страниц; во-вторых, иноязычные слова и словосочетания на латинице (например, фр. *poètes maudits*, нем. *gesunkenes Kulturgut*, лат. *contradiction in adjecto* и др., а чаще других, конечно, *langue* и *parole*), для которых в большинстве случаев заранее предусмотрены пустые промежутки в строке; в-третьих, вставки и исправления в тексте. Последние нечасты, невелики, отчетливы (что позволяет в каждом случае исключить сомнения на предмет авторской воли), но не содержат ярких следов богатыревско-якобсоновской творческой кухни, которые могли бы дать достойную пищу для интерпретаций современным исследователям⁴. Исключение составляет одна лексическая замена в названии статьи: в изначально напечатанном варианте «Фольклор как продукт коллективного творчества» слово *продукт* зачеркнуто и сверху надписано: *проявление*. Уточняющая логика этой редактury кажется прозрачной: предметом теоретической аргументации в статье является именно феномен коллективного творчества, и фольклор в этой связи интересует авторов не как готовый продукт этого творческого процесса, а как реализация его принципов и механизмов, то есть не как результат коллективного творчества, а как его воплощение, или форма. Именно это последнее слово использовано в названии немецкой версии статьи, и остается домысливать, что заставило Богатырева и Якобсона в русском тексте подбирать ему альтернативу. Вместе с тем замена звучной, но туманной формулировки «особая форма творчества» на более скучную, но и более содержательную «проявление коллективного творчества», как можно предположить, была призвана сообщить названию статьи не только бóльшую теоретическую, но и полемическую заостренность.

Кроме элементов авторской редактury, на некоторых листах присутствуют записи, выполненные Ю.М. Соколовым. В основном это содержательные комментарии к отдельным фразам, вписанные карандашом на полях; некоторые из них зачеркнуты, некоторые взяты в скобки.

³ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 327–343.

⁴ Впрочем, легко вообразить, например, такую статью: «К истории использования латинизмов в русском академическом письме: почему Якобсон заменил *ляпсус* на *lapsus*?».

Помимо этих маргиналий, рукой Соколова на первом листе под названием статьи чернилами вписаны инициалы и фамилии авторов, а в конце названия в верхнем регистре поставлен знак сноски ⁹. При этом сама сноска внизу страницы отсутствует, а нумерация авторских постраничных примечаний в тексте статьи также начинается с единицы. Ответ на вопрос о том, что предполагал редактор журнала поместить в этой «нулевой» сноске, содержится на листе в клетку блокнотного формата, следующем в архивном деле за машинописью статьи. На нем записан текст, который должен был в формате сноски предварять публикацию статьи, о чем свидетельствуют поставленный перед ним тот же знак **1)** и формулировка: «редакция считает нужным *вперед* заявить» (курсив наш. – М. Л.)⁵. Это редакционное заявление, о содержании которого речь пойдет ниже, написано рукой Соколова и подписано подчеркнутыми инициалами Ю. С.

3. Русский текст статьи как эпизод в истории фольклористики

Наиболее ранний источник, в котором идет речь о планах публикации статьи в «Художественном фольклоре» и который, по всей вероятности, хронологически близок к моменту первоначального обсуждения этих планов между ее авторами и редактором журнала, датирован 24 октября 1929 г. Это письмо Якобсона, адресованное Ю.М. Соколову и содержащее, помимо прочего, следующий фрагмент: «Очень Вам признателен за Ваши четкие замечания по поводу нашей статьи о фольклоре. Что ж, дискуссия, так дискуссия. Будем очень рады принять в ней участие. Здесь у нас уже ряд сторонников и ряд противников. Только об одном Вас очень просим: напечатайте в «Художественном фольклоре» статью целиком, но не по тому экземпляру русского текста, который мы послали Валентине Александровне, а по другому, который мы Вам на днях пошлем»⁶.

Следующее письмо, судя по затронутым в нем темам, было отправлено Соколову через несколько дней – в конце октября или в первых числах ноября 1929 г. Оно не датировано и, в отличие от большинства писем Якобсона того периода, напечатанных на бланке журнала «Slavische Rundschau» с его персональным штампом, написано от руки на сложенном вдвое листке бумаги.

⁵ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 344.

⁶ Там же. Ед. хр. 2088. Л. 10, 10об. (см. также: [Бахтина 2015, с. 373–374]).

Обе эти детали объясняются тем, что письмо, очевидно, представляет собой записку, вложенную в пакет с машинописью статьи – той самой, которой посвящена эта публикация: «Дорогой Юрий Матвеевич. Где ответ? Где статья для *Rundschau*? Посылаем Вам исправленный рус<ский> текст нашей статьи о фольклоре. Просим напечатать в Худ<ожественном> Фольклоре без сокращений, ибо голландский сб<орник> едва ли есть в М<оскве>, а без полного текста статьи научная дискуссия едва ли возможна. Кого Вы намерены привлечь к дискуссии<?> Мы, со своей стороны, очень просим Вас о привлечении Шпета и Зеленина. Надеюсь, и Валентина Александровна выскажет в печати свои интересные соображения. Прошу Вас передать ей сердечнейший привет»⁷. Приписка Богатырева (они часто встречаются в письмах Якобсона Соколову) также касается статьи, ее текущего и предстоящего обсуждения: «Дорогой Юрий Матвеевич! Посылаем статью. Из иностранных ученых с большой похвалой о нашей статье высказались и с нашими положениями согласились проф. Геземанн, проф. Схрайнен (Голландия), проф. Мошинский и профессор К. Мейер. С нетерпением ждем рецензий русских ученых. <...> Преданный Вам П. Богатырев»⁸.

Из писем видно, что предложенный Соколовым дискуссионный формат волновал авторов и что обсуждение их теоретических положений коллегами из советской академии виделось участникам переписки как публичная дискуссия, имеющая состояться на страницах того же журнала, где будет напечатан русский текст статьи. Очевидно, что публикация статьи и отзывов на нее не могла ожидаться раньше следующего, 1930, года – хотя бы по той причине, что на момент переписки только вышел двоянный том «Художественного фольклора» за 1928 и 1929 гг. (№ 4–5). Считая работу Богатырева и Якобсона важным событием на теоретическом поле современной фольклористики и своего рода методологическим вызовом, Соколов счел нужным обсудить статью с московскими фольклористами по горячим следам ее публикации⁹. Кстати, учитывая сомнения Якобсона по поводу

⁷ Там же. Л. 11. (см. также: [Бахтина 2015, с. 375]).

⁸ Там же. Л. 12 (см. также: [Бахтина 2015, с. 375]).

⁹ Обсуждение началось 7 октября 1929 г. (у В.А. Бахтиной ошибочно указано 17 октября [Бахтина 2000, с. 113, примеч. 15]) на заседании фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук с участием «членов и сотрудников ГАХН» и «приглашенных товарищей» и оказалась настолько бурным и продолжительным, что «ввиду позднего времени решено продолжение прений перенести на следующее заседание», которое состоялось 21 октября и не уступало первому по живости

доступности «голландского сборника» в Москве, нельзя исключить, что Соколов и его коллеги на тот момент успели ознакомиться с работой не по печатной немецкой версии, а по упомянутому в первом письме русскому тексту, который какое-то время назад был отправлен авторами Валентине Александровне Дынин, жене Ю.М. Соколова.

Если сопоставить даты заседаний в ГАХН – 7 и 21 октября – и дату письма Якобсона, в котором он откликается на идею журнального обсуждения («Что ж, дискуссия, так дискуссия») – 24 октября, то становится очевидным, что эта идея пришла в голову Соколову и была изложена им Якобсону между первой и второй сессиями прений на подсекции фольклора. Более того, поскольку из письма Якобсона не до конца понятно, обсуждалась ли публикация статьи в «Художественном фольклоре» раньше или тоже была впервые предложена Соколовым в предшествующем письме, то вполне реалистичен вариант, что сама мысль напечатать статью на русском языке в своем журнале была подсказана Соколову воодушевившим, а возможно, и растревожившим его московским обсуждением.

Обратим внимание на просьбу авторов статьи привлечь к будущей дискуссии Г.Г. Шпета, выглядящую несколько менее предсказуемо, чем пожелание об участии Д.К. Зеленина – авторитетного и ценимого ими собрата по фольклористическим, этнографическим и лингвистическим штудиям. Напомним, что Шпет, помимо давнего и близкого знакомства со времен Московского лингвистического кружка с Богатыревым, Якобсоном и Соколовым, для последнего на момент этой переписки уже несколько лет был коллегой и в некотором роде начальством по работе в ГАХН, где Соколов с 1923 г. руководил созданной им в составе литера-

дискуссии. В первый день обсуждения Соколов сделал «доклад о работе Р. Якобсона и П. Богатырева “Фольклор – особая форма творчества”», во второй – «Н.И. Кравцовым зачитан содоклад к докладу Ю.М. Соколова: “Фольклористика и литературоведение”». На обсуждениях, согласно спискам и явочным листам, присутствовало до 20 человек, а в дискуссиях, помимо докладчиков, высказывались Б.И. Ярхо, Р.О. Шор, А.М. Смирнов-Кутаческий, Э.В. Гофман, С.И. Минц, Б.Л. Розенфельд и П.И. Калецкий (РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 88–94; у В.А. Бахтиной ошибочно указан другой архивный шифр [Бахтина 2000]). Разбирать линии критики и поддержки положений статьи диспутантами и точки их несогласия друг с другом неуместно в данной публикации, но стоит сказать, что чтение протоколов этих заседаний – весьма увлекательное занятие, не оставляющее сомнения, что работа Богатырева и Якобсона сильно взбудоражила теоретическое воображение советских фольклористов тех лет.

турной секции фольклорной подсекцией (печатным органом которой и был «Художественный фольклор»), а Шпет с того же времени занимал позицию вице-президента. От этой должности Шпет был отстранен решением президиума академии, принятым по результатам заседания 29 октября 1929 г. [Якименко 2005, с. 151] – возможно, в тот самый день, когда Якобсон упоминал о нем в письме Соколову, отправляя статью для печати. Месяцем позже, в письме от 24 ноября, он уже сам просил Шпета об участии в дискуссии: «Ю.М. Соколов собирается, как он писал нам, открыть в “Художественном фольклоре” дискуссию по поводу нашей статьи. Надеемся, что Вы примете в ней участие» [Поливанов 1993, с. 10].

Из первых же строк этого письма становится понятно, почему Якобсон так хотел видеть именно его в числе будущих дискуссантах: «Глубокоуважаемый Густав Густавович. Уже Ю.М. Соколов, когда был в Праге, говорил мне, что моя и Богатырева точка зрения на фольклор очень близка к Вашей¹⁰. Все же мы были очень рады, получив Вашу открытку, свидетельствующую, что наши фольклористические взгляды схожи» [Там же]. Публикатор письма сообщает, что «открытка, посланная Шпетом в Прагу и содержащая изложение его взглядов на фольклор, нам не известна» [Там же, с. 9]. Однако, принимая во внимание дату ответного письма Якобсона (который, судя по всему, был аккуратен и пунктуален в переписке), можно уверенно предполагать, что для Шпета поводом к написанию этой «открытки», специально посвященной изложению общих позиций в понимании фольклора, послужило не что иное, как знакомство со статьей Богатырева и Якобсона, недавно вышедшей на немецком языке и имевшейся в распоряжении Соколова на русском. Было ли прочтение Шпетом этой работы результатом просьбы со стороны Соколова, уже начавшего готовить обещанную дискуссию и отозвавшегося на пожелания авторов к кандидатурам ее участников, нам неизвестно, но и это вполне вероятно.

¹⁰ Соколов посещал Прагу летом 1928 г. (см.: [Бахтина 2015, с. 354, сноска 1], то есть почти за полтора года до этой переписки. Упоминание Якобсоном этих разговоров с ним, из которых ему стало известно о схожести их с Богатыревым и шпетовских «фольклористических взглядов», указывает на то, что задолго до выхода статьи в «голландском сборнике» и планов ее русскоязычной публикации Соколов обсуждал теоретические вопросы фольклора и со Шпетом, и с авторами работы. Об этих пражских теоретических беседах с Богатыревым и Якобсоном упоминал и Соколов и даже считал их в некотором роде импульсом к появлению статьи (см. сноски 16 и 17).

Итак, осенью 1929 г. речь шла о дискуссии, к участию в которой предполагалось привлечь нескольких советских ученых, приглашенных в том числе и по желанию авторов обсуждаемой работы, что заведомо предполагало плюралистический режим дискуссии. Однако со временем планируемый формат журнального обсуждения статьи радикально изменился, что явствует из упомянутого выше редакционного примечания Соколова, которое должно было предварять публикацию статьи: «Придавая большое значение постановке теоретических проблем о специфике фольклора, о границах и задачах фольклористики, о связях и размежевании ее с соседними науками, редакция помещает настоящую статью известного фольклориста П.Г. Богатырева и известного лингвиста Р.О. Якобсона. Но вместе с тем редакция считает нужным вперед заявить, что она в корне не согласна с большинством развивающихся в статье положений формально-лингвистического характера и в следующем номере предполагает дать подробный ответ на нее»¹¹. Этот текст, по всей вероятности, был написан значительно позже осени 1929 г., ближе к предполагаемому моменту сдачи в печать номера. Как несложно заметить, речь здесь идет уже не о «рецензиях русских ученых», которых с нетерпением ожидали авторы, а о «подробном ответе», выражающем консолидированное мнение редакции журнала. Вместе с тем присутствие этого документа в папке с материалами номера свидетельствует о том, что публикация статьи в тот момент все еще предполагалась.

В.А. Бахтина пишет, что публикация и дискуссия не состоялась, поскольку «журнал прекратил свое существование прежде, чем этот номер вышел в свет» [Бахтина 2015, с. 374, прим. 1]¹². История, таким образом, выглядит очевидной: нет журнала – нет публикации. Однако причины, по которой публикация и дис-

¹¹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 344.

¹² Более резко и исторически фаталистично о перспективе дискуссии говорит К.М. Поливанов, которому в момент подготовки публикации письма Якобсона Шпету не могло быть известно об истории с готовившейся Соколовым публикацией русской версии статьи: «Никакой же дискуссии по статье Богатырева и Якобсона "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens" (Donum Natalicium Schijnen. Nijmegen – Utrecht. 1929) – одному из первых опытов "структуральной фольклористики" – на страницах гахновского издания, редактировавшегося Ю.М. Соколовым, «Художественный фольклор» естественно состояться не могло. После разгрома ГАХНа издание прекратилось, а Ю.М. Соколов на протяжении 30-х гг. принимал участие главным образом в сугубо политических "дискуссиях" вокруг фольклористики» [Поливанов 1993, с. 9].

куссия не состоялись, очевидно, были не только в прекращении издания «Художественного фольклора». «Чистка аппарата» доказалась до ГАХН в мае 1930 г. и завершилась в июле, решение о предстоящей ликвидации Академии было принято 26 декабря 1930 г., официальное постановление о закрытии в качестве самостоятельной организации и слиянии с учрежденной тогда же Государственной академией искусствознания вышло 10 апреля 1931 г. [Якименко 2005, с. 157–159], а фольклорный кабинет ГАИС, созданный в новой институции на основе фольклорной подсекции ГАХН, был упразднен только в 1932 г. [Иванова 1997, с. 56]. Очередной выпуск журнала – тот самый, в котором предполагалась публикация статьи Богатырева и Якобсона, – был полностью собран и его состав утвержден редактором только к ноябрю 1930 г., на что отчетливо указывает содержимое упомянутой выше архивной папки и открывающее ее «Содержание VI–VII выпуска ж. “Художественный фольклор”» с поставленной Соколовым датой 10/XI 1930 – то есть год спустя после отправки ему авторами для публикации чистовой версии русского текста. Однако следует обратить внимание на то, что из 31 позиции, составляющей «Содержание», 16 вычеркнуты. Кем и из каких соображений было проведено такое прореживание планировавшихся к публикации материалов, нам неизвестно, но среди прочих под нож (точнее, под красные чернила) попала и статья Богатырева и Якобсона. Таким образом, очередной выпуск журнала имел шанс быть напечатанным до окончательной ликвидации занимавшегося его изданием академического подразделения, но и в этом случае статья, «с большинством положений» которой редакция была «в корне не согласна», не стала бы достоянием советской фольклористической аудитории.

По-видимому, именно в 1930 г., когда стало окончательно понятно, что публикация в «Художественном фольклоре» не состоится, Богатырев и Якобсон, хотя и полагали, что «без полного текста статьи научная дискуссия едва ли возможна», сочли нужным опубликовать на русском языке хотя бы экстракт своей статьи. Видя в своих постулатах серьезный теоретический потенциал для теоретико-методологического, а возможно, и институционального будущего фольклористики, ученые не оставляли стремления включить их в дискуссионное поле русскоязычной науки. Публикация состоялась в польском журнале «Lud Słowiński» [Богатырев, Якобсон 1931]. Эта, уже третья версия изложения фольклористических постулатов авторов вышла и с третьим вариантом названия: небольшой текст, состоящий из трех лаконично сформулированных положений, каждое из которых раскрыто тремя конкретизирующими тезисами, был озаглавлен авторами «К проблеме

размежевания фольклористики и литературоведения»¹³. В том же 1931 г. была опубликована статья Соколова под названием «Фольклористика и литературоведение» [Соколов 1931], где он полемизирует с «напечатанной во Франции на немецком языке в сборнике, посвященном голландскому языковеду Шрейнену, статьей русских исследователей П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона» [Соколов 1931, с. 280].

Бросается в глаза не только одновременность публикаций, но и близость их заголовков. Едва ли вероятно, что Богатырев и Якобсон к моменту публикации своих тезисов успели ознакомиться с «ответной» статьей Соколова¹⁴ и намеренно снабдили их «симметричным» названием. Однако сама по себе эта полемическая перекличка заголовков, однозначно перераспределяющих основной акцент дискуссии с вопроса о функциональной специфике фольклора на вопрос о дисциплинарной специфике фольклористики, примечательна и неслучайна. При всей разнице своих теоретических исповеданий и профессионально-карьерных обстоятельств и Соколов, и Якобсон с Богатыревым в это время были всерьез увлечены и озабочены не только обновлением методологической парадигмы социально-гуманитарного знания, но и перекройкой его дисциплинарной карты¹⁵. Более того: и Соколов,

¹³ Впоследствии и этот текст был перепечатан в изданиях работ Якобсона [Jakobson, Bogatyrev 1966b] и, значительно позже, Богатырева [Богатырев, Якобсон 2006].

¹⁴ При этом нельзя исключить, что авторы знали о ней от самого Соколова из непрерывавшейся дружеской переписки с ним, насыщенной сообщениями о текущих трудах и планах (см. № 31–35 (письма за 1930–1931 гг.): [Бахтина 2015]).

¹⁵ При том что концепция фольклора как устного народного аналога литературы сама по себе была далеко не нова, с конца 1920-х гг. Ю.М. Соколов особенно настойчиво сближал фольклористику с литературоведением (поначалу риторически, а впоследствии и институционально) – как считается, не в последнюю очередь ради спасения фольклористики как дисциплины и как профессионального сообщества в условиях стремительно ужесточавшегося политического климата [Путилов 1994, с. 6; Смолицкий 1994, с. 7–9; Бахтина 2000, с. 80–84; Иванова 2009, с. 516, 519; Лурье 2016, с. 274–276]). Работа о «фольклоре как особой форме творчества» была написана раньше наиболее резких и однозначных выступлений Соколова на эту тему, но усиление позиций такого понимания дисциплины и ее предмета в российской академии было уже заметно авторам и подстегивало их стремление к теоретической полемике. Более того, фрагменты переписки дают основание верить Соколову в том, что появление работы Богатырева и Якобсона было непосредственно спрово-

и Богатырев, каждый в своей институциональной и интеллектуальной среде, были не лишены амбиций интеллектуального лидерства на обновленной территории науки о фольклоре.

Была ли статья Соколова тем самым «подробным ответом», обещанным в редакторской преамбуле, которая должна была предварять русскоязычную публикацию? Действительно, в этом тексте он констатирует и разнообразно аргументирует свое несогласие с авторами, которые «делают интересную попытку теоретически обосновать необходимость методологического разграничения фольклористики и литературоведения» [Соколов 1931, с. 280]. В то же время в начале статьи он пишет: «Подробный разбор статьи Богатырева и Якобсона не входит в задачу настоящего моего очерка; этот разбор я постараюсь дать в другом месте (в редактируемом мной журнале «Художественный фольклор»)» [Соколов 1931, с. 280]. Для нашего сюжета здесь особенно интересно то, что в публикации 1931 г. Соколов все еще анонсирует более детальную критику статьи на страницах своего журнала, как и было обещано в черновике редакционного примечания. Это означает, что в тот момент, когда о публикации самой статьи Богатырева и Якобсона

цировано «насколько я знаю, устными нашими беседами на данную тему» [Соколов 1931, с. 280]. Как пишет С.Ю. Неклюдов, в работе П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «с небывалой дотоле четкостью словесность устная была отделена от письменной, а тем самым выведена “из-под юрисдикции” традиционного литературоведения <...>». В советской науке подобный подход вызывал большие возражения. Показательна в этом плане полемическая статья известного русского фольклориста Ю.М. Соколова [Соколов 1931], который весьма энергично выступил против предложенного разграничения» [Неклюдов 1999, с. 54]. Напомним, что в том же 1931 г. на дискуссии «о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период» Соколов произнес свою знаменитую формулировку: «Фольклор – одна из важнейших областей поэтического творчества, а фольклористика – одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения» (Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. 1931. № 5. С. 92). Его статья завершается той же мантрой, вынесенной в отдельный абзац: «Фольклористика – органическая часть литературоведения» [Соколов 1931, с. 288]. Теоретический манифест Богатырева и Якобсона московский фольклорист использовал здесь не столько как материал для последовательной теоретической полемики, сколько как повод еще раз публично высказаться на важную для него тему, о чем он и сам говорит вполне определенно: «...Не скрою, что именно упомянутая статья <...> внушила мне желание более точно сформулировать мои взгляды по этому вопросу» [Соколов 1931, с. 280].

на страницах «Художественного фольклора» речи уже не шло, для главного редактора вовсе не было очевидно, что ни дискуссии, ни журнала не будет¹⁶.

4. Русский текст статьи как авторская версия

Как следует из приведенного выше фрагмента письма Якобсона, статья на русском языке существовала в двух редакциях – более ранней, которую авторы послали Валентине Дынник, и более поздней, отправленной Юрию Соколову для публикации. Там же Якобсон поясняет, с чем связана просьба не печатать статью по уже имеющемуся тексту, а дожидаться нового варианта, и эта причина состояла вовсе не в намерении авторов учесть «четкие замечания» Соколова и вообще как-то содержательно доработать текст. «Дело

¹⁶ Между тем замысел этой статьи появился у Соколова значительно раньше ее публикации. 13 октября 1929 г. – т. е. приблизительно тогда же, когда Соколов в переписке с Якобсоном и Богатыревым излагал им свои «четкие замечания», – он писал М.К. Азадовскому, состоявшему в редколлегии сборника к 50-летию научной деятельности С.Ф. Ольденбурга: «А сборник в честь С.Ф. объединен одной темой – «сказочной». Неправда ли? Ну, а что если я в сборник пришлю статью на другую тему «фольклористика и литературоведение» (собств<енно> о специфике фоль<клористи>ки по сравнению с литер<атуроведе>нием), тем более что С.Ф. эта тема интересует, он об ней говорил в своем парижском докладе. Моя статья вызывается к жизни появлением недавно не нем<ецком> языке статьи моих друзей П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона, с которыми я горячо спорил по указанному вопросу в прошлом году, в Праге. Я с их позицией (крайне формалистической и «лингвистической») не согласен. Они во что бы то ни стало хотят резко выделить фольклор из литературы, фольклористику из литературоведения. Я специфику фольклора пытаюсь определить иначе, чем они. Иллюстрировать статью постараюсь гл<авным> о<бразом> сказочным материалом. Эту бы статью я написал быстро, т. к. она меня более актуально интересует» (РО РГБ. Ф. 542. Оп. 70. Ед. хр. 46. Л. 3, Зоб.). Сборник в честь Ольденбурга был издан только в начале 1934 г. (едва успев выйти до смерти адресата), а Соколов опубликовал свою работу тремя годами раньше, в сборнике памяти другого академика – П.Н. Сакулина, неожиданно скончавшегося в сентябре 1930 г. Насколько «быстро» после обещания Азадовскому Соколов написал статью, неизвестно, но, скорее всего, это произошло не ранее чем через год с лишним, в конце 1930 г., когда у Соколова снова появилась необходимость срочно дать статью в коллективное издание в честь авторитетного коллеги.

в том, – писал ему Якобсон, – что текст, который у Вас, был просто канвой для перевода на немецкий язык. Он стилистически весьма несовершенен»¹⁷. Таким образом, мы узнаем, что статью, изначально предполагавшуюся для немецкоязычной публикации, Богатырев и Якобсон писали по-русски.

Этот факт, с одной стороны, делает еще более увлекательной языковую историю этой работы и позволяет говорить о находящемся в обращении русском тексте не как о переводе, а как об обратном переводе: переводчик имел дело с немецким текстом, который до этого был русским. С другой стороны, это обстоятельство во многом объясняет исключительную структурную и текстуальную близость оригинального и переводного русскоязычных текстов, бросающуюся в глаза при их параллельном чтении (с чем также были связаны наши сомнения в целесообразности настоящей публикации): «канва для перевода» послужила единым источником и для немецкого текста статьи, и для авторского русского, который мы публикуем здесь. Более того, нельзя исключить, что синтаксис и лексика русской канвы просвечивали в немецкой вышивке.

Тем более интересно наблюдать отдельные лексические расхождения между оригинальной и переводной версиями. Такое сопоставление, само по себе лишённое аналитического смысла (учитывая наличие немецкоязычного звена), позволяет легче увидеть стилистические тактики авторов и понять, в каком направлении они дорабатывали исходный нейтральный текст-канву для русскоязычной аудитории. В частности, бросается в глаза их ненавязчивая, но последовательная игра на стилистических крайностях. От случая к случаю они употребляют то варианты выражений, отдающих речевой архаикой: «вопрос *зачатия* того или иного языкового новшества» («к вопросу о *зарождении* того или другого языкового новшества»), «*иные* особенности этих писателей» («*некоторые* особенности этих писателей»)¹⁸; то разговорную лексику: «*гуртовой*» характер устно-поэтического творчества» («*коллективный*» характер устно-поэтического творчества); «привычные представления эгоцентрически *вчитываются*» («представления эгоцентрически *проецируются*»); «*ходкий* тезис “младограмматиков”» («широко распространенный тезис младограмматиков»); то академические латинизмы, маркеры наукообразия: «рядом с индивидуальным, *партикулярным* актом» («наряду с индивидуальным,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 2088. Л. 10об. (см. также: [Бахтина 2015, с. 374]).

¹⁸ Здесь и далее везде в примерах курсив наш, подчеркивания авторские, в скобках для сравнения даны параллельные места из переводного текста.

отдельным речевым актом), «нуждается в существенной *ревизии*» («должен быть подвергнут основательному *пересмотру*»), «было бы *эквивокацией* говорить» («было бы *двусмысленно* говорить»); то окказионализмы собственного производства: «о *легендообразных* слухах и сплетнях» («о *родственных легендам* слухах и сплетнях»).

Есть в текстах и незначительные различия содержательного характера, восходящие к тем изменениям, которые были сделаны авторами для немецкого перевода. Прежде всего это касается ссылок на научные работы, которых в исходном русском тексте второе больше. Так, высказывание А.А. Потебни приведено не цитатой, как в исходной русской версии, а в переизложении авторов статьи (ср. на стр. 114 наст. изд. и [Богатырев, Якобсон 1971, с. 375]); вовсе исчезла цитата из Ивана Шишманова и, соответственно, упоминание его имени (ср. на стр. 112–113 наст. изд. и [Богатырев, Якобсон 1971, с. 373–374]).

В варианте, предназначавшемся для европейской аудитории, перед фамилией Тынянова добавлена атрибуция «русский литературовед»¹⁹; фраза: «Фольклористы зачастую отстаивают тезис о том, что между устной словесностью и литературой принципиальной разницы нет и что как в том, так и в другом случае перед нами несомненные продукты индивидуального творчества» (стр. 111–112 наст. изд.), – дополнена уточнением к «фольклористам»: «в особенности славянские, которые располагают, может быть, живейшим и богатейшим в Европе фольклорным материалом» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 373]²⁰. А утверждение, что «в настоящий момент философское мирозерцание наивного реализма глубоко чуждо деятелям науки» (стр. 108 наст. изд.), снабжено едкой оговоркой: «(по меньшей мере там, где оно не стало катехизисом, неопровержимой догмой)» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 369]²¹, мишенью которой, возможно, была и современная советская наука.

¹⁹ Ср.: «...in diesen Kunstformen findet, nach dem Ausdruck des russischen Literaturforschers Tyńanow, eine Umschaltung der Funktionen statt» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 907].

²⁰ Ср.: «Die Folkloreforscher, insbesondere die slavischen, die vielleicht über das lebendigste und reichhaltigste Folklore-Material Europas verfügen, vertreten öfters die These, dass zwischen der mündlichen Dichtung und der Literatur kein prinzipieller Unterschied besteht, und dass wir in dem einen wie in dem anderen Falle mit unzweifelhaften Produkten des individuellen Schaffens zu tun haben» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 903].

²¹ Ср.: «Mag die philosophische Weltanschauung des naiven Realismus den modernen Forschern (wenigstens dort, wo sie nicht zu einem Katechismus, zu einem unumstößlichen Dogma geworden ist) vollkommen fremd sein» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 900].

Между тем, говоря о расхождениях между оригинальным русским текстом и переводным, следует иметь в виду еще два опосредующих их обстоятельства. Во-первых, перевод для сборника работ Богатырева был сделан не по первой публикации немецкого текста статьи (в фештшрифте в честь голландского профессора Й. Схрайнена, 1929), а по второй (в собрании трудов Р. Якобсона, 1966), которая упоминается в редакционном примечании как «исправленное издание» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 369]. Нам неизвестно, сам ли Якобсон занимался подготовкой этой статьи к републикации, однако сравнение двух немецких текстов действительно позволяет увидеть последствия редактуры. Изменений не очень много, более или менее заметных (замена слова или группы слов) не более двух десятков. Тем не менее они есть, что определило дополнительные расхождения между оригинальной и переводной версиями. Например, пресловутая «эквивокация» сохраняется авторами в немецком тексте, но на пути к обратному переводу Огибенина исчезает в «якобсоновской» редакции (ср.: «Es wäre eine Äquivokation, wollte...» [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 910] – «Es wäre zweideutig wollte...» [Jakobson, Bogatyrev 1966a, S. 13]. Во второй редакции немецкого текста (и, соответственно, в русском переводе) статьи не упоминается Виктор Шкловский, при этом его тезис о появлении сходных сюжетов «в силу общих законов художественной композиции» остался на своем месте (ср. стр. 120 наст. изд. и [Богатырев, Якобсон 1971, с. 381]; ср. также: [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 911] и [Jakobson, Bogatyrev 1966a, S. 13]).

Во-вторых, некоторые изменения появились в статье на самом последнем этапе этой непростой истории – при переводе немецкого текста в «якобсоновской» редакции на русский язык. Такие случаи, правда, единичны. В частности, эффектная цитата из В.Ф. Миллера (и сопровождающая ее ссылка), приведенная в оригинальном русском тексте и сохранявшаяся в обеих немецкоязычных публикациях [Bogatyrev, Jakobson 1929, S. 903; Jakobson, Bogatyrev 1966a, S. 5]. Фрагмент из статьи: «В.Ф. Миллер так и пишет по поводу фольклорных сюжетов: “Кем они были измышлены? Коллективным творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал” (стр. 112 наст. изд.) в публикации 1971 г. выглядит так: «Всеволод Миллер считал коллективное творчество масс фикцией, потому что, полагал он, человеческий опыт никогда не наблюдал такого творчества» [Богатырев, Якобсон 1971, с. 375]).

При всем этом, повторимся, расхождения между двумя русскими текстами статьи немногочисленны и незначительны, иногда целые предложения совпадают слово в слово – Борис Огибенин

выполнил перевод безупречно даже по отношению к неизвестному ему русскому источнику немецкого оригинала, со второй редакцией которого он фактически имел дело.

5. Русский текст статьи как публикация

Русский текст статьи П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как проявление коллективного творчества» публикуется по машинописи с учетом (и без отражения) всех рукописных авторских помет: дополнений, изъятий, замен и перестановок. Пунктуация источника воспроизводится без изменений, за исключением двух случаев, в которых на месте точки в конце вопросительного предложения, стоящей в автографе, в публикации поставлен знак вопроса (стр. 110 и 111 наст. изд.), что соответствует не только смыслу и пунктуационным правилам, но и немецкоязычной версии текста. Написание отдельных слов, расходящееся с современной орфографической нормой (диллетант, пиэтет), приведено в соответствие с ней. Не используемое в современной публикационной практике сокращение *т.наз.* во всех случаях передано полными словами. Ссылки на чужие и собственные работы, приводимые авторами статьи в постраничных сносках, уточнены и дополнены (добавленные данные приведены в квадратных скобках). В публикации статьи переданы авторские машинописные подчеркивания.

В Приложении 1 приведены заметки Ю.М. Соколова, оставленные им на полях машинописи. Фрагменты статьи, к которым относятся эти маргиналии, продублированы, и в них воспроизведены подчеркивания, сделанные Соколовым.

Приложение 2 включает факсимильные воспроизведения трех страниц машинописи статьи, содержащих некоторые авторские рукописные добавления и маргиналии Соколова; редакционного примечания, написанного Соколовым от руки на отдельном листке; и листа с рабочим вариантом оглавления журнального выпуска, в котором предполагалась публикация статьи.

Благодарности

Мы безмерно благодарны С.Ю. Неклюдову, А.Б. Ипполитовой, Г.А. Левинтону, Е.Е. Левкиевской, Е.С. Неклюдовой, А.А. Сенькиной, И.О. Ермаченко, М. Дос Сантос, чьи соображения, советы, библиографическая, текстологическая и архивная помощь были чрезвычайно важны для работы над этой публикацией.

Acknowledgements

We are immensely grateful to S.Yu. Neklyudov, A.B. Ippolitova, G.A. Levinton, E.E. Levkievskaya, E.S. Neklyudova, A.A. Senkina, I.O. Ermachenko, M. Dos Santos, whose thoughts, advice, bibliographic, textual and archival assistance were extremely important for the work on this publication.

Литература

- Бахтина 2000 – *Бахтина В.А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых: Достоинство и превратности научного знания. М.: Наследие, 2000. 334 с.
- Бахтина 2015 – *Бахтина В.А.* Прага – Москва: Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора / отв. ред. С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева. М.: Государственный ин-т искусствознания, 2015. С. 318–386.
- Богатырев, Якобсон 1931 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii słowian.* 1931. T. 2. No. 2. S. 229–232.
- Богатырев, Якобсон 1971 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
- Богатырев, Якобсон 2006 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора: Малоизвестные и неопубликованные работы / сост., вступ. ст. и коммент. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 118–120.
- Иванова 1997 – *Иванова Т.Г.* Государственная академия художественных наук и ее роль в истории русской фольклористики 1920-х годов // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 52–59.
- Иванова 2009 – *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX в.: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.
- Лурье 2016 – *Лурье М.Л.* «Современный фольклор» и «Варианты “Кирпичиков”»: из истории советской фольклористики // *Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова* / сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова. М.: Форум, 2016. С. 265–327.
- Неклюдов 1999 – *Неклюдов С.Ю.* Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования // *Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции* / сост. В.Е. Добровольская; отв. ред. А.С. Каргин. М.: ГРЦРФ, 1999. Вып. 3. С. 54–62.

- Поливанов 1993 – *Поливанов К.М.* Р.О. Якобсон: Письмо Г.Г. Шпету // *De Visu*. 1993. № 1 (2). С. 9–10.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
- Смолицкий 1994 – *Смолицкий В.Г.* Предисловие // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сборник документов / сост. Е.Д. Гринько и др. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 4–18.
- Соколов 1931 – *Соколов Ю.* Фольклористика и литературоведение // Памяти П.Н. Сакулина: Сборник статей. М.: Никитинские субботники, 1931. С. 280–289.
- Якименко 2005 – *Якименко Ю.Н.* Из истории чисток аппарата: Академия художественных наук в 1929–1932 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12). С. 150–161.
- Bogatyrev, Jakobson 1929 – *Bogatyrev P., Jakobson R.* Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens // *Donum Natalicium Schrijnen: Verzameling van Opstellend door Oud-leerlingen en Bevriende Vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen Bij Gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3. Mei 1929.* Nijmegen; Utrecht: N.V. Dekker & Van de Vegt, 1929. S. 900–913.
- Jakobson, Bogatyrev 1966a – *Jakobson R., Bogatyrev P.* Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens // Jakobson R. *Selected writings*. In 6 vol. (1971–1985). Vol. 4: *Slavic Epic Studies*. The Hague; Paris: Mouton & co., 1966. P. 1–15.
- Jakobson, Bogatyrev 1966b – *Jakobson R., Bogatyrev P.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // Jakobson R. *Selected writings*. In 6 vol. (1971–1985). Vol. 4: *Slavic Epic Studies*. The Hague; Paris: Mouton & co., 1966. P. 16–18.
- Jakobson, Bogatyrev 1980 – *Jakobson R. and Bogatyrev P.* Folklore as a Special Form of Creation / transl. by J.M. O'Hara; intr. by F.J. Oinas // *Folklore Forum*. 1980. Vol. 13. No. 1. P. 1–21.

References

- Bakhtina, V.A. (2000), *Fol'kloristicheskaya shkola brat'ev Sokolovykh: Dostoinstvo i prevratnosti nauchnogo znaniya* [The folklore school of the brothers Sokolov. Advantages and vicissitudes of scientific knowledge], Nasledie, Moscow, Russia.
- Bakhtina, V.A. (2015), "Prague – Moscow. Letters from P.G. Bogatyrev and R.O. Jakobson to B.M. and Yu.M. Sokolov", in Sorokina, S.P. and Fadeeva, L.V., eds., *Funktsional'no-struktural'nyi metod P.G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniyakh fol'klora* [Functional-structural method of P.G. Bogatyrev in modern folklore research], State Institute of Art Studies, Moscow, Russia, pp. 318–386.

- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (1929), "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens", in Teeuwen, St.W.J., ed., *Donum Natalicium Schrijnen: Verzameling van Opstellen door Oud-leerlingen en Bevriende Vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen Bij Gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3. Mei 1929*, N.V. Dekker & Van de Vegt, Nijmegen; Utrecht, Netherlands, pp. 900–913.
- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (1931), "On the problem of demarcation between folklore and literary studies", *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii słowian*, vol. 2, no. 2, pp. 229–232.
- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (1971), "Folklore as a special form of creation", in Bogatyrev, P.G., *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues in the theory of folk art], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 369–383.
- Bogatyrev, P.G. and Jakobson, R.O. (2006), "On the problem of demarcation between folklore and literary studies", in Bogatyrev, P.G., *Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora: Maloizvestnye i neopublikovannyye raboty* [Functional-and-structural study of folklore: Little-known and unpublished works], Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 118–120.
- Ivanova, T.G. (1997), "State Academy of Artistic Sciences and its role in the history of Russian folklore studies of the 1920s", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 52–59.
- Ivanova, T.G. (2009), *Istoriya russkoi fol'kloristiki XX veka: 1900 – pervaya polovina 1941 gg.* [History of Russian folkloristics of the 20th century: 1900 – first half of 1941], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Lurie, M.L. (2016), "'Modern folklore' and 'Variants of Bricks': from the history of Soviet folklore", in Akhmetova, M.A., Petrov, N.V. and Khristoforova, O.B., comps., *Genius Loci: Sbornik statei v chest' 75-letiya S.Yu. Neklyudova* [Genius Loci: Collected articles in honor of the 75th anniversary of S.Yu. Neklyudov], Forum, Moscow, Russia, pp. 265–327.
- Neklyudov, S.Yu. (1999), "Russian folkloristics and structural-semiotic studies", in Dobrovol'skaya, V.E., comp. and Kargin, A.S., ed., *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir* [Slavic traditional culture and the modern world], vol. 3, State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russia, pp. 54–62.
- Polivanov, K.M. (1993), "R.O. Jakobson. Letter to G.G. Shpet", *De Visu*, vol. 1, no. 2, pp. 9–10.
- Putilov, B.N. (1994), *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Smolitskii, V.G. (1994), "Preface", in Grinko, E.D. et al. (comps.), *Fol'klor Rossii v dokumentakh sovetskogo perioda 1933–1941 gg.: Sbornik dokumentov* [Russian folklore in documents of the Soviet period 1933–1941: Collected documents], State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russia, pp. 4–18.

- Sokolov, Yu. (1931), "Folklore and literary studies", in *Pamyati P.N. Sakulina: Sbornik statei* [In memory of P.N. Sakulin: Collected articles], Nikitinskii subbotniki, Moscow, USSR, pp. 280–289.
- Yakimenko, Yu.N. (2005), "From the history of purges of the Communist Party: The Academy of Artistic Sciences in 1929–1932", *The New Historical Bulletin*, vol. 1, no. 12, pp. 150–161.
- Jakobson, R.O. and Bogatyrev, P.G. (1966), "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens", in Jakobson, R., *Selected writings, in 6 vol. (1971–1985), vol. 4: Slavic Epic Studies*, Mouton & co., The Hague, Netherlands, Paris, France, pp. 1–15.
- Jakobson, R.O. and Bogatyrev, P.G. (1966), "On the problem of demarcation between folklore and literary studies", in Jakobson, R., *Selected writings, in 6 vol. (1971–1985), vol. 4: Slavic Epic Studies*, Mouton & co., The Hague, Netherlands, Paris, France, pp. 16–18.
- Jakobson, R.O. and Bogatyrev, P.G. (1980), "Folklore as a special form of creation", *Folklore Forum*, vol. 13, no. 1, pp. 1–21.

Информация об авторе

Михаил Л. Лурье, кандидат искусствоведения, доцент, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4;

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1А; mlurie@inbox.ru

Information about the author

Mikhail L. Lurie, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; 4, Makarova Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034;

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; 6/1A, Gagarinskaya St., Saint Petersburg, Russia, 191187; mlurie@inbox.ru

Конференции

УДК 398.8

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-154-158

Круглый стол «Песня в русской культуре: поэтика и исторический контекст»

Ульяна А. Петухова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petuhovauljana@rambler.ru*

Для цитирования: Петухова У.А. Круглый стол «Песня в русской культуре: поэтика и исторический контекст» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 1. С. 154–158. DOI:10.28995/2658-5294-2024-7-1-154-158

The Round Table discussion “Song in Russian culture: poetics and historical context”

Uliana A. Petukhova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, petuhovauljana@rambler.ru*

*For citation: Petukhova, U.A. (2024), “The Round Table discussion ‘Song in Russian culture: poetics and historical context’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 1, pp. 154–158, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-1-154-158*

16 ноября 2023 г. состоялся круглый стол «Песня в русской культуре: поэтика и исторический контекст», организованный Центром типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета¹. В программе были

© Петухова У.А., 2024

¹ Круглый стол проходил в рамках проекта «Песня в русской культуре: поэтика, историческая динамика, социальный контекст» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

заявлены восемь докладов² по трем тематическим секциям: «Песня в городе: контексты бытования», «Проблема “мотива”³ в исследованиях песенного фольклора», «Жанры песенного фольклора». В роли дискуссионщиков выступили М.Л. Лурье (ЕУ СПб, Санкт-Петербург), С.В. Подрезова (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург), Е.Ф. Левочская (ИОН РАНХиГС, Москва).

Во вступительном слове С.Ю. Неклюдов отметил, что изучение городской песни – одно из доминирующих направлений в учебном и научном планах Центра, завершение проекта не означает закрытие темы, и пригласил коллег к сотрудничеству в индивидуальных и коллективных работах.

Открыл заседание доклад С.Ю. Неклюдова (РГГУ, Москва) «Шлягер, песенник, грампластинка в песенной традиции», в котором понятия, выведенные в заглавие, рассматривались как единицы измерения традиции. Шлягером С.Ю. Неклюдов предложил считать песни, которые бытуют как в эстрадных, так и в фольклорных версиях, становятся предметом непрофессионального музицирования, «прецедентные тексты» культуры своего времени. На нескольких примерах («Маруся отравилась», «Кирпичики», «Бублички») было рассмотрено, как рождается шлягер и каковы режимы его существования. Среди показателей популярности песен, которые могут быть использованы как средства ее «замера», С.Ю. Неклюдов выделил печатные и рукописные песенники, нотные листы, грамзаписи, пародии, пастиши, перетекстовки, свидетельства в прессе, газетные объявления и журнальные фельетоны, межжанровые инфильтрации, легенды о происхождении текста и мелодии.

В докладе «Бытование песен Владлена Бахнова в студенческой среде: до и после авторского текста» В.А. Воробьев (РГГУ, Москва) рассмотрел историю двух песен: «В первые минуты бог создал институты...» и «Коктебля», которые являются авторскими переработками В.Е. Бахнова. Первая из них представляет собой переделку стихотворения К.М. Симонова «Корреспондентская застольная», которая, пройдя фазу фольклоризации, сейчас бытует в качестве паремий. Вторая трансформировалась из тюремной песни «На нары» через памфлет А. Первенцева и переработку В. Бахнова в гимн филологического факультета Московского государствен-

² Тезисы докладов опубликованы на сайте ЦТСФ РГГУ: Песня в русской культуре: поэтика и исторический контекст. URL: <https://ctsfru/conference/pesnya-v-russkoy-kulture-poetika-i-istoricheskiy-kontekst> (дата обращения 5 декабря 2023).

³ Мотив понимается здесь как в музыковедческом, так и в фольклористическом смысле.

ного университета. Докладчик выделил наиболее устойчивые элементы песен, особенности изменений (контаминации и *parodia sacra*), а также сделал вывод, что анализируемые тексты характерны для студенческой песенной традиции.

Продолжил секцию доклад «За то, что Вы меня – не зная сами! – Так любите»: песня как посредник между поэзией и ее читателем» *С.С. Левочского* (ИОН РАНХиГС, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, Москва) и *А.М. Морозовой* (ИОН РАНХиГС, Москва). Докладчики рассказали о восприятии образа М. Цветаевой до появления ее произведений в печати: о поэте узнавали из самиздата, благодаря устным рассказам о биографии, через песни, созданные на ее стихи. Например, романс «Мне нравится, что вы больны не мной», прозвучавший в кинофильме «Ирония судьбы, или с легким паром!» (1976), познакомил большое количество людей с творчеством М. Цветаевой. В интервью участники Цветаевских костров нередко отмечают, что впервые узнали о поэте именно благодаря романсам. Таким образом, песня становится посредником между поэтическим текстом и аудиторией.

К проблеме «мотива» обратилась *Д.С. Олексюк* (РГГУ, Москва) в докладе «Κί έχει πρόβραγμα λαοκρατία ζήτω ζήτω, ζήτω το ΕΑΜ⁴»: русские мотивы в греческих революционных песнях». Рассказ о песнях предварила краткая историческая справка о Греческой коммунистической партии, которая считает себя преемницей советских коммунистов. Начиная с 1920-х гг. в Греции появляются песни на советские мелодии, но с новыми словами. Среди них, например, «Катюша», «Бублички», «Конармейский марш» и др., распространяемые самими греками. Хотя эти партизанские песни и складывались как песни коммунистов, постепенно они стали общенациональными – сейчас они звучат в дни национальных праздников. Комментарии к исполнениям в интернете и интервью, взятые Д.С. Олексюк, доказывают, что эти песни до сих пор исполняются членами греческой диаспоры по всему миру.

В докладе «Колыбельные Русского Севера: анализ связей между мотивами» *М.Г. Белодедова* (РГГУ, Москва) рассказала о промежуточных результатах работы над созданием автоматизированной системы обработки корпуса, предназначенного для выявления закономерностей в структуре колыбельных песен и в связях между мотивами. Докладчица показала, как происходит распределение мотивов с помощью пакета Stylo для языка программирования R, и отметила, что из-за специфики материала системе не удалось проследить четкое кластерное распределение

⁴ «У народно-демократического строя есть программа: да здравствует Национально-освободительный фронт Греции» – пер. Д.С. Олексюк.

текстов. Поэтому М.Г. Белодедова предложила перейти на язык программирования Python. В рамках нового подхода она выделила ключевые для каждого мотива слова, объединяя их в кластеры, равные мотивам, составила список мотивов для каждой песни и выявила закономерности между ними.

С.К. Мамонова (РГГУ, Москва) в докладе «Русские песенные небылицы: проблема жанра и прагматика текстов» обратила внимание на то, что несладухи, нелепицы, небывальщины имеют сходства на содержательном и формальном уровнях. Докладчица поставила несколько вопросов: что такое небылица как явление фольклора; можно ли говорить о небылице как о самодостаточном фольклорном жанре; в чем заключаются прагматические особенности небылиц. Анализ материалов показал, что корильные песни, скоморошины, небылицы состоят из формул, которые комбинируются в свободном порядке. Формулы небылиц имеют устойчивые структурные и содержательные параллели с формами обрядово-смехового фольклора; в этих текстах реализуется мифологическая модель представления антимира. С.К. Мамонова пришла к выводу, что наличия схожих содержательных элементов и общей логики построения текста недостаточно для выделения небылицы как самостоятельного жанра.

Доклад *Р.Ф. Пятаева* (РГГУ, Москва) «Исторические песни и предания казаков-некрасовцев об исходе из России: взаимодействие жанров и их специфика» начался с экскурса в историю казаков-некрасовцев, которые после восстания под предводительством К.А. Булавина обосновались в устье Дуная и на озере Майнос. Опираясь на майноские фольклорные материалы, собранные Ф.В. Тумилевичем, докладчик отметил соединение прозаического повествования с песенным и провел параллель с севернорусским фольклором, проанализированным Ю.И. Смирновым. Р.Ф. Пятаев заметил, что жанровое разделение осознается исполнителем, слова-маркеры, указывающие на это, могут находиться на стыке прозы и песни. Кроме того, песня и предание не противопоставляются друг другу внутри текста, но обладают общими темами, они включены в общий мотивный фонд традиции, песня выступает подтверждающей инстанцией по отношению к преданию.

В.Б. Новикова (РГГУ, Москва) в докладе «Что такое частушка: на материале наблюдений в Бирском районе Республики Башкортостан (2021–2023 гг.)» подвела промежуточные итоги экспедиций, которые проходили на протяжении трех лет. Докладчица отметила, что вид интервью, день недели, пол и количество собирателей не влияют на сбор материалов. Вслед за этим В.Б. Новикова поставила вопрос: как можно систематизировать частушки внутри собранного корпуса. Исследовательница обратила внимание

на то, что из 645 частушек повторяется 72 текста, которые в ходе глубинного интервью вплетаются в личный нарратив. Это позволило выделить «абстрактные» и «личные» частушки, а также «пограничные» тексты (т. е. представляющие собой отрывок песни). В заключение В.Б. Новикова сформулировала определение жанра частушки: «способ компактно и гипертрофированно описать эмоциональную и понятную ситуацию в узнаваемой форме рифмованного четверостишия».

Во время заседания участники круглого стола не только подвели итоги проекта, но и подняли важные исследовательские вопросы: контекст бытования песни в городе, критерии его оценки; методы сбора и анализа материалов; «мотив» в песне; пути распространения песен; разработка автоматизированной системы выделения мотивов в колыбельных; определение жанровых особенностей студенческой песни, исторической песни и форм небылиц.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song traditions of the 20th – 21st centuries: Poetic Structures, Biographical Discourse and Historical Narrative” (contest “Student project scientific collectives RSUH”).

Информация об авторе

Ульяна А. Петухова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; petuhovauljana@rambler.ru

Information about the author

Uliana A. Petukhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; petuhovauljana@rambler.ru

Научное издание
Фольклор: структура, типология, семиотика
Том 7 • № 1 • 2024

Дизайн обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72806 от 17.05.2018
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 22.04.2024
Выход в свет 27.04.2024
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,0
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1945

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru